

И.С.БЕРДЫШЕВ:
СОВЕТЧИК,
ПСИХОЛОГ,
ВРАЧ,
ПЕДАГОГ

Санкт-Петербург

2014

И.С.Бердышев: советчик, психолог, врач, педагог.
Составители С. Кулаева и О. Абраменко. Санкт-Петербург,
«Анима», 2014. - 288 с.

ISBN -

В сборник наследия детского врача-психотерапевта, педагога, кризисного психолога, правозащитника Ильи Семеновича Бердышева (1957 - 2014) вошли его статьи, эссе, пособия для педагогов и врачей-психотерапевтов, советы родителям.

Книга издана на средства друзей и коллег.
Распространяется бесплатно.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В сборник наследия И.С. Бердышева вошли его статьи, эссе, пособия для педагогов и врачей-психотерапевтов, советы родителям.

Детский врач-психотерапевт, педагог, кризисный психолог, правозащитник Илья Бердышев был человеком такого универсализма и широты интересов, какого уже почти не встретишь в наши дни. Он объединял разные и почти не связанные миры — медицину и педагогику, правозащитников и театры, школы и клубы, путешествия и профессиональные консультации педиатра, праздники, экскурсии и... бесконечные детские беды (кризис — это очень мягкое выражение для таких вещей, как насилие, травля, непонимание близкими, неверие в себя и даже суицид). И.С. Бердышев устраивал выброшенных системой образования детей в школы, он помогал найти врача любого профиля любому нуждающемуся ребенку, а нередко и взрослому (но никакие врачи и педагоги не могли дать совета лучше, чем сам Илья Семенович, любимый детьми всех возрастов, замечательный детский врач).

Не раз им устраивались многонациональные праздники и летние лагеря для детей, и в этом он был первопроходцем, умевшим объединить самых разных и сложных подростков, найти к ним подход, развлечь, воспитать, поддержать детей в трудной жизненной ситуации. Десятилетиями он весь свой большой отпуск (как детский врач, он имел право на два летних месяца) проводил с чужими детьми, которых вывозил практически за свой счет в дикие карельские леса, где дети городских окраин учились жить на природе, ладить друг с другом и с самими собой.

Со студенческих лет И.С. Бердышев занимался «театротерапией» — сам писал пьесы и ставил их с «кризисными» детьми. В правозащитном «Бюллетене» Илья Семенович вел постоянную колонку «Советы психолога», написав десятки мудрых и полезных статей. И.С. Бердышев создал и прекрасное пособие для педагогов и родителей «Школьный кризис и права ребенка», а в последний год жизни готовил к из-

данию новую книжку о «воспитующих гуманизм» фильмах. С кино у него были не менее серьезные отношения, чем с театром — Илья Семенович много лет вел киноклуб, где важные и сложные темы обсуждали вместе подростки (которым, как правило, не хватало внимания взрослых) и старые люди, нередко одинокие и не знающие, как поделиться опытом с молодежью.

Его идеалом врача и педагога был Корчак. И Илья тоже был подобный Корчаку человек: ему было чуждо то презрительно-теоретическое знание, которое опять же теоретически есть у многих, — что «дети тоже люди», он всей своей жизнью на деле утверждал, что каждый ребенок — личность, каждый ребенок нуждается в защите и помощи — даже если он совершил преступление, даже если он невыносим для окружающих, если он «трудный», «проблемный». Илья неутомимо спасал тех, кого школы выдавливали, норовя перевести куда угодно, только бы не терпеть «трудных подростков» у себя.

А с «невротическими» детьми он действительно творил чудеса: расторможенные подростки преодолевали свои поведенческие трудности, сосредотачивались на творчестве и с большим чувством разыгрывали инсценировки, которые И. Бердышев сам сочинял по мотивам тех произведений — совсем не простых, — которые казались ему важными именно для этих детей: «Слепой музыкант», «Заводной апельсин» и другие. И публике, которая смотрела эти спектакли, тоже было важно то, что происходит на сцене, — а ведь выступал Илья Семенович с детьми тоже не на самых легких площадках: в детской тюрьме, в детской психиатрической больнице... Для огромного количества детей из неполных семей доктор Бердышев заменил отсутствующего отца, он умел поддерживать отчаявшихся родителей и понять их бунтующих детей.

Вообще, если попробовать посчитать, сколько детей Илья Семенович осенил своей добротой и деятельным участием, наверное, счет пойдет на сотни. Это не только те, кто приходил к нему на прием в кризисную службу, не только участники его театральной студии и ежегодных выездов в Каре-

лию. Это, например, цыганские дети, которых он бесконечно таскал на экскурсии, в театры, в поездки, – и для многих из них общение с Ильей Семеновичем стало первой встречей с доброжелательным интересом к себе взрослого человека из «внешнего мира», а эти выезды – первой встречей с этим «внешним миром», который – непривычно для них – оказывался не враждебным, а прекрасным и интересным.

Внешне Илья Семенович иногда производил слегка чудаковатое впечатление, он не боялся вести себя немного по-детски – это приближало его к детям-пациентам, и делал он это сознательно. За кажущейся чудаковатостью скрывалась ответственность и серьезность, с которой он занимался разнообразными делами, – и в медицине, и в театре, и в правозащите. Ему всегда было что сказать о противодействии дискриминации, защите уязвимых детей, детей из меньшинств, – и сказать по делу, умно, нестандартно.

Ни от какой самой тяжелой и страшной работы он не отказывался – работал психотерапевтом в детских тюрьмах и колониях, выезжал «на суицид» в школы, сутками дежурил на телефоне доверия в кризисной службе ЦВЛ «Детская психиатрия». Он не уставал учиться, развиваться и обретать новые умения – так, он считал необходимым приобрести еще и специальность сексопатолога, чтобы лучше разбираться в проблемах детей, переживших сексуальное насилие.

Как он умел при этом оставаться всегда веселым, открытым, по-детски живым и непосредственным? Эта легкость бытия и радость восприятия мира не были показными, но не были и проявлением легкомыслия, он считал правильным быть бодрым всегда, не показывать ни своей усталости, ни боли, ни тяжести огромного груза ответственности. Так отнесся он и к своей смертельной болезни, примером доказав реальность своего принципа: даже в самых трудных обстоятельствах человек может находить силы в самом себе, не поддаваться отчаянию.

Нам остались его мысли, советы, статьи, выступления, его гуманный, мудрый и добрый мир, его пример личного героизма – ироничного, даже игривого, лишенного всякого пафоса.

ШКОЛЬНЫЙ КРИЗИС И ПРАВА РЕБЕНКА

**ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ УЧИТЕЛЯМ
И РОДИТЕЛЯМ В ОТНОШЕНИИ «ПРОБЛЕМНЫХ» УЧЕНИКОВ**

Предисловие

Данная работа — попытка автора изложить в компактной форме собственные взгляды на проблемы школьного кризиса, столь актуальной в наши дни.

Речь идет о тех детях, которые, в первую очередь, своим поведением вызывают нарастающую недоброжелательность у учителей, одноклассников и школьной администрации. В результате:

- Учителя и администрация образовательных учреждений нередко не желают дальше иметь подобных учеников;
- Родители начинают глухой обороной защищаться от школы (причем иногда эта защита принимает крайние формы) и, наконец, впадают в отчаяние, не понимая, что и как им делать дальше;
- Одноклассники зачастую отворачиваются от таких товарищей и могут использовать эту ситуацию для их травли;
- Во всех случаях страдают сами «проблемные» дети.

Как вовремя распознать школьные кризисы? Что они выражают? Какие правильные позиции должны занять педагогический коллектив и родители, не нарушая прав ребенка, в отношении кризисных детей? Чем здесь может быть полезен психиатр-психотерапевт?

На эти и другие вопросы вы найдете ответ в этой авторской работе.

Для написания этой брошюры автор использовал в качестве источника свой практический опыт оказания помощи кризисным ученикам и опыт своих коллег по ГУЗ ЦВЛ «Детская психиатрия», друзей, психологов, педагогов, родителей, чья вера в своих «проблемных» детей помогла им достойно и успешно преодолеть кризисы.

Брошюра может быть полезна всем, кто верит в детей и школу.

Автор благодарит:

- своего бессменного учителя и наставника, главного детского психиатра Санкт-Петербурга, заслуженного врача РФ Людмилу Павловну Рубину;
- коллектив ГУЗ ЦВЛ «Детская психиатрия» им. С.С.Мнухина, его руководителя к.м.н. Дмитрия Юрьевича Шигашова;
- коллег по кризисно-профилактическому отделению и лично зав. отделением Валентину Владимировну Яковенко ;
- профессоров Бориса Серафимовича Фролова, Любовь Сергеевну Мотылеву;
- коллег по кафедре психологии поведения и превенции поведенческих аномалий и лично Аллу Вадимовну Шаболтас;
- моих друзей — психологов и педагогов — за ценные мысли и гуманизм по отношению к детям.

Особые благодарности:

- моей жене, социальному педагогу и психологу-психодиагносту Галине Вадимовне Соловьевой за помощь в подготовке этой брошюры;
- Светлане Яновне Пигулевской, матери юноши Даниила и моей коллеге;
- сотрудникам АДЦ «Мемориал» и лично директору, кандидату филологических наук Ольге Альбертовне Абраменко.

КОРОТКО О ГЛАВНОМ: ПРАВО НА ШКОЛЬНЫЙ КРИЗИС

Что главное, а что второстепенное для кризисных учеников? Очевидно, что ответом должно служить стремление всех заинтересованных сторон к быстрейшему разрешению этого кризиса. То есть, в идеале кризисного ученика нужно понять. Учителя и специалисты по кризисам должны определиться с причинами и путями выхода из него. Родители и сами кризисные дети должны эти «проекты» поддержать, а выводы одобрить. Ровесники и, в частности, одноклассники, — стать группой поддержки. И хорошо, если это происходит оперативно. Учителя, специалисты по кризисам (психологи, психотерапевты, психиатры) срабатывают профессионально, родители разделяют их взгляды на помощь этим детям. И самое главное — всё происходит в рамках того образовательного учреждения, где этот школьный кризис и начался.

Это, однако, в идеале. А в жизни бывает так:

- Учителя видят кризис ребенка, а родители — нет.
- Родители видят кризис у своих детей, а учителя говорят, что всё нормально.
- Все видят кризис, но не знают что делать.
- Родители обращаются к специалистам, те предлагают пути разрешения кризиса. Учителя говорят: «Это ваше дело, это ваши проблемы, приведите ребенка в норму».
- Учителя заботливо относятся к кризисному ребенку, просят родителей понять серьезность проблем, принять меры и помочь своему ребенку, предоставив всю информацию о том, где и как можно получить помощь. Родители отвечают категорическим отказом, предлагая учителям лучше заниматься своим делом.
- Родители «принимают меры»: обидевшись на учителей, забирают кризисного ребенка из одной школы и просто переводят его, считая, что этим школьный кризис будет снят сам по себе.

- Школа настаивает на переводе кризисного ребенка в другое образовательное учреждение, а родители против. Специалисты с согласны с родителями. И самое главное: кризисный ученик категорически не хочет расставаться со своей школой.

Именно таким конфликтным ситуациям и посвящена наша брошюра.

Мы настаиваем на том, что учащиеся, переживающие школьный кризис, имеют право на переживание этого кризиса в пространстве своей школы. В свою очередь, это означает, что они могут надеяться на понимающее отношение к себе всех участников образовательного процесса: учителей, родителей и одноклассников, а также ожидать своевременную помощь со стороны всё тех же учителей, своих родителей и специалистов по кризисам. При этом — сохранять своё право на помощь в разрешении кризиса в рамках своего учебного заведения до тех пор, пока, в первую очередь, самим детям будет казаться, что это и есть главное условие школьного благополучия. Поэтому призывы школьной администрации, учителей и родительской общественности «Покиньте, пожалуйста нашу школу и решайте свои проблемы сами» — должны всегда рассматриваться и восприниматься как некорректные и незаконные.

Итак:

- У ребенка есть право на школьный кризис;
- Обязанность педагогического коллектива школы, родителей и специалистов по кризисам — помогать таким детям независимо от того, «удобны» или «неудобны» они для своей школы;
- Решение — оставить кризисному ребенку свою школу или нет — принимается только в интересах ребенка и обязательно с учетом его мнения, также с учетом мнения школьных учителей, администрации и рекомендаций специалистов по кризису;
- Простое «выдавливание» проблемного для школы кризисного ученика в другое учебное заведение неприемлемо.

Рекомендация №1

Школьный кризис — возможный этап в жизни детей. Учащиеся имеют право на переживание кризиса.

Учителям	Родителям
понять своих учеников	понять своих детей
принять своих учеников	принять своих детей
поддержать своих учеников	поддержать своих детей
организовать взаимодействие с родителями	организовать взаимодействие с учителями и администрацией
оказать посильную помощь	обратиться к специалистам по кризису

Глава 2

ЧТО СЧИТАТЬ ШКОЛЬНЫМ КРИЗИСОМ: МНЕНИЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ СТОРОН

Мы начали с того, что заявили о праве переживания школьного кризиса детей любого возраста. Теперь важно понять, что считать школьным кризисом, а не, к примеру, «проблемами» или «сложностями адаптации» (эти слова в наше время на слуху).

- Проблемы ребенка в школе — это что-то временное и в итоге довольно быстро решаемое;
- Сложности адаптации — непростой, но конечный период школьной жизни;
- Кризис — это очень много нерешенных проблем и крайняя степень неблагополучия ребенка в школе.

Как понять, что ребенок в кризисе? Это значит понять, в первую очередь, что ребенку в школе очень плохо. Понять, что ребенок в школе так дальше не может и не хо-

чет жить. Поэтому первая и главная заинтересованная сторона в переживаемом кризисе — сам ребенок. Разные дети по-разному переживают свой кризис.

Вторая сторона — родители. Они могут почувствовать и первыми заметить, что с их ребенком в школе что-то не так. Третья сторона — педагоги. Четвертая сторона — специалисты по кризису: психологи, психотерапевты, психиатры.

Конечно, взгляды учителей, администрации, родителей и специалистов могут не совпадать. Однако у всех сторон должен быть главный приоритет — интересы ребенка и ориентация на внутреннее самочувствие ребенка в школе.

Учителя имеют свои критерии школьного кризиса: плохое усвоение учебной программы, плохое поведение, плохая дисциплина, плохие взаимоотношения ребенка с учителями и детьми, «неуправляемость», «необучаемость». При этом одни учителя объективно оценивают детей по этим критериям и радуются их прогрессу, другие воспринимают кризисных детей, соответствующих этим критериям, как проблему для своей профессиональной деятельности и для других учеников. Третьи считают школьный кризис показателем плохой заботы родителей о своих детях. Четвертые — проявлением психического нездоровья своих подопечных. Крайне редко учителя пытаются комплексно понять своего ученика на предмет возможного переживаемого им кризиса.

Родители склонны традиционно судить о том, что происходит в школе, в первую очередь по учительской информации. Дневники, звонки учителям, родительские собрания — по-прежнему основной источник для родителей о благополучии своих детей в школе. Плюс к этому — «пресловутые» домашние задания, заботой о выполнении которых многие родители ограничивают свои функции. Гораздо реже у родителей получается систематически говорить по душам со своим ребенком, понимая, что с ним происходит в школе.

Психотерапевты и психиатры, в первую очередь, пытаются исключить или подтвердить нервно-психические последствия школьного кризиса.

Таким образом, школьным кризисом у ребенка может считаться такой его «набор» проблем и сложностей в адаптации, который с точки зрения, в первую очередь, самого ребенка, а затем уже взрослых делает его школьную жизнь далее невозможной в том виде, в котором она есть на сегодняшний день.

Школьный кризис у детей может проявляться следующим образом:

- неусвоением учебной программы;
- отказом слушать и слышать учителя;
- откровенно опасным поведением;
- разными конфликтами, вплоть до агрессии в отношениях с одноклассниками;
- проблемным общением;
- прогулами занятий и саботажем домашних занятий;
- стойким непосещением школы;
- частыми обидами, слезами, побегами с уроков и из школы.

Здесь учителям и родителям важно помнить, что они имеют полное право заподозрить школьный кризис у своих детей и учеников. И лучше это сделать как можно раньше, обратившись к специалистам по кризису. Школьного кризиса не нужно бояться. К нему надо быть готовым, так сказать, во всеоружии. При этом родители и учителя не обязаны заниматься диагностикой, подменяя собой специалистов. От вас это не требуется — важно, что вы заподозрили кризис у ребенка, вы это почувствовали, вы так решили. С помощью специалистов по кризису вы всегда сможете подтвердить или опровергнуть наличие школьного кризиса. В мире кризиса всё индивидуально и часто непредсказуемо, поскольку кризис — это всегда испытание для человека, это всегда его ответ на длительную невозможность проживать свою жизнь так, как это было прежде, и реакции на эту невозможность могут быть исключительно индивидуальными.

В качестве примера можно сравнить две школьные ситуации и две полярные реакции детей на них.

Благополучный и очень застенчивый шестиклассник, до этого стабильно успешный в престижной гимназии, первый раз неудачно отвечает у доски. В результате — острое развитие панического состояния. Ребенок не мог досидеть до конца уроков — было стыдно, не мог смотреть одноклассникам в глаза. Сославшись на головную боль, ушёл домой. Дома плакал, поднялась температура. Наутро и в последующие дни категорически отказался идти в школу. Родители экстренно обратились в кризисную службу.

Ученик девятого класса. С младших классов плохо обучаем. Формально переводится из класса в класс. К нему крайне негативно относятся одноклассники, считая его «вечным тормозом». Учителями, которые от него «откровенно устали», он также серьезно не воспринимается. В семье — неблагоприятная обстановка. Родители разводятся. Свои проблемы срывают на нем. При всех негативных обстоятельствах — подросток не переживает никакого кризиса.

Итак:

- Школьный кризис — это реакция ребенка на переживаемую только им ситуацию невозможности прежней школьной жизни;
- Школьный кризис многолик и может проявляться различным внешним поведением учащегося;
- Родители, учителя и специалисты по кризису часто по-разному воспринимают и распознают школьный кризис;
- Психологическая диагностика кризиса — компетенция психологов;
- Психотерапевты и психиатры выявляют нервно-психические последствия кризисов.

Рекомендация №2

Кризис в школе часто непредсказуем, различен в своих проявлениях, субъективно переживаем самими детьми.

Учителям	Родителям
Не бойтесь заподозрить у своих учеников школьный кризис, исходя из собственного опыта и видения конкретной ситуации	Не бойтесь заподозрить у своих детей школьный кризис, исходя из собственного опыта и видения конкретной ситуации
Поделитесь своими переживаниями с родителями	Обсудите свои переживания с учителями и послушайте их мнение
Получите консультацию у специалистов	Получите консультацию у специалистов

Глава 3

ПРИЧИНЫ И ИСТОЧНИКИ ШКОЛЬНОГО КРИЗИСА

Почему же всё-таки одни и те же ситуации в школе у одних учащихся приводят к школьному кризису и даже к его самым тяжелым формам, а у других — проходят бесследно? Ответить на этот непростой вопрос однозначно нельзя. Очевидно, что неблагополучным фоном для развития школьного кризиса у детей является физическая и психическая ослабленность различного происхождения. Прошрое и настоящее семейное неблагополучие также способствует проявлениям школьного кризиса. Недостаток культуры, неподготовленность детей к школе и их школьная незрелость негативно сказываются на школьной жизни учащихся.

Однако всё вышеперечисленное — это только лишь условия для развития школьного кризиса. А дальше — ребенок

испытывает разные неблагоприятные воздействия, связанные со школой, и по-разному субъективно их воспринимает. Среди них:

- Несоответствие учебной программы психофизическим возможностям ребенка (например, ребенок быстро устает, не успевает записывать за учителем, медленно читает и т.д.);

- Самим ребенком понимается неспособность к частичному или полному усвоению программы, как результат — снижение самооценки «до нуля»;

- Отрицательные результаты учебы;

- Авторитарный или попустительский стиль классного руководства;

- Формализм, предвзятость или негативизм педагогов;

- Плохой психологический климат в классе, школе;

- Запугивание и травля со стороны одноклассников;

- Любые контрольные испытания, включая ЕГЭ;

- Неготовность и неспособность к самостоятельной работе, в первую очередь, к выполнению домашних заданий;

- Страх перед наказаниями за школьные проблемы.

Важно помнить, что у каждого ребенка есть свой индивидуальный потенциал, своя способность к сопротивлению сложным жизненным обстоятельствам. Поэтому в одних случаях дети способны переносить самые невероятные, за пределами неблагоприятных школьных воздействия, в других — небольшое воздействие способно глубоко травмировать психику ученика.

Итак:

- Школьный кризис — сложное явление. В реальной жизни «чистые» школьные кризисы встречаются редко. Обычно они возникают на предшествующем неблагоприятном фоне со стороны здоровья, в условиях проблемной семьи и неправильного воспитания, в ситуациях низкой культуры, неподготовленности ребенка к школе.

- Неблагоприятные школьные воздействия разные по содержанию, но всегда субъективно значимые или безразличные для учащихся.

- В развитии школьного кризиса нужно помнить и о способности ребенка сопротивляться неблагоприятным воздействиям школы.

В качестве еще одного примера участия разных факторов в формировании неблагоприятной ситуации приведем школьный кризис, опосредованный компьютерной зависимостью.

Представим себе ребенка, у которого не сформированы потребности к творчеству, познанию и самостоятельной работе. Родители реально не включаются во внутреннюю жизнь своего ребенка, не проживают вместе с ним каждый день, откупаясь разрешением подолгу получать удовольствие от однообразных игр и просмотра телепередач. Режим дня не сформирован. Возможны развлечения до позднего вечера, поздние отходы ко сну. В школу такой ребенок идет без особого желания. Учится он из-под палки, всячески уваливая от занятий в классе и дома. Настоящая культура (музеи, театры, кружки, секции, книги) его не очень интересует, все это он тоже воспринимает как нечто навязанное. Родители, по-прежнему занятые своими делами, в его жизни не участвуют, требуя только хороших оценок и примерного поведения. Ему это откровенно надоедает, но пока он маленький — особо с родителями не поспоришь. Но, начиная со средних классов, он уже активно начинает «бороться за свои права» и бойкотировать школу. К этому времени уже серьезно запущены школьные предметы, он имеет репутацию двоечника и лодыря. Очень часто ему к тому же не везет с одноклассниками. У нашего героя, как и у многих современных детей, есть компьютер. Предоставленный сам себе, переживая безразличие к своему внутреннему миру со стороны значимых для него людей и искренне ненавидя школу, ребенок в итоге убегает во внутренний мир компьютера. Ему там лучше, чем в реальности — нет нелюбимой школы. Поэтому рано или поздно он окончательно перестает ходить в школу. И только на этом этапе родители «прозревают». Попытки запретить пользование компьютером — безрезультатны. Попытки отобрать компьютер наталкиваются на ответную агрессию, вплоть

до случаев опасного поведения. И вот это уже настоящий «цветущий» кризис, решение которого без психотерапевтов и психиатров невозможно.

Рекомендация №3

Школьный кризис зависит от условий его развития, от характера действующих школьных «вредностей» и от способности детей противостоять жизненным проблемам.

Учителям	Родителям
Вовремя выявлять семейные проблемы своих учеников	Создавать климат доверия в семье
Иметь общее представление о здоровье своих учеников	Регулярно обсуждать с детьми их школьную жизнь
Сотрудничать с родителями	Критически оценивать информацию учителей
Анализировать школьные воздействия	Обратиться к специалистам по кризису

Глава 4

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ХАРАКТЕР КРИЗИСОВ

Как уже говорилось, кризис — это в любом случае явление временное. И оно рано или поздно должно чем-то завершиться.

Возможны следующие варианты развития школьного кризиса:

- Кризис разрешается с положительными последствиями для ребенка и других участников образовательного процесса;
- Кризис разрешается положительно только для учащихся, но не для администрации, учителей, одноклассников, их родителей и родителей самих кризисных детей;

- Кризис разрешается благоприятно только для других участников образовательного процесса;
- Кризис для всех разрешается с отрицательными последствиями;
- Кризис принимает затяжной характер.

Представим себе ученика младших классов, переживающего школьный кризис, который срывает уроки, агрессивен к одноклассникам, постоянно ворует их личные вещи (ручки, закладки, игрушки). Администрация образовательного учреждения рекомендует положить ребенка в психиатрическую клинику, учительница готова уволиться, так как чувствует себя полностью беспомощным педагогом. У родителей — двойная позиция. С одной стороны, они грубой силой пытаются переломить кризисную ситуацию, заставить ребенка учиться и вести себя «как надо», с другой — во всем обвиняют школу, которая изначально, по их мнению, поставила «клеймо» на их ребенка.

Какие пути развития кризисной ситуации возможны?

1. После вмешательства кризисных специалистов ситуация постепенно нормализуется. Проблемное поведение у ребенка проходит. Он начинает чувствовать себя уверенно и больше не испытывает желания защищаться от внутреннего дискомфорта разрушительным поведением. Учительница также успокаивается и научается управлять этим ребенком, при этом помогая классу по-другому — позитивно — взглянуть на него. Ученики меняют свое мнение к лучшему. Нет больше претензий у родителей других детей, довольны и родители кризисного ребенка, начав доверять школе и эффективно поддерживать и помогать ребенку.

2. Родители заставляют администрацию образовательного учреждения «принимать их ребенка таким, какой он есть», не обращаясь за помощью к специалистам. Ребенок продолжает вести себя вызывающе и по отношению к детям, и по отношению к педагогу, при этом сам счастлив и доволен. Одноклассники, после административных проработок, тихо враждебны, равно как и их родители. Учительница уволилась.

3. Администрация, учитель и родители добились вывода ребенка на надомное обучение. Они счастливы, как герои кинокомедии «Трудный ребенок». Кризисный ребенок, находясь на домашнем обучении, вскоре практически перестал учиться, ухудшилось его психическое состояние, он стал часто болеть простудами. У родителей усилилось воспитательское напряжение, между ними и ребенком начались и стали усиливаться конфликты.

4. Родители обратились к психологу, но вскоре перестали его посещать, посчитав, что «все уже бесполезно». Проблемы ребенка нарастают: он сбегает с уроков, закатывает истерики, если ему запрещают это делать; он стал устраивать настоящие драки прямо в школе. Дети объединяются против него и группами в ответ избивают обидчика. Родители этих детей забросали жалобами администрацию школы и районный отдел образования. Учительница решила довести класс до конца года и не более того. Она «вычеркнула» для себя этого ученика, регулярно ставит ему неудовлетворительные оценки, не давая ему возможности отвечать даже тогда, когда он искренне хочет и может ответить. Мать устала бороться за ребенка, перепоручив воспитание вечно занятому отцу. Отец начал воспитывать мальчика ремнем и лишением прогулок.

5. Ситуация с учеником и другими участниками образовательного процесса нестабильная. Периоды затишья и даже некоторого улучшения сменяются ухудшением ситуации.

Что же считать легким школьным кризисом, а что тяжелым? Это достаточно субъективные понятия.

На одни и те же проблемы поведения кризисного ребенка — расторможенного, импульсивного, много говорящего на уроках — в самой учительской среде могут быть разные точки зрения. Одни педагоги жестко пресекают подобное поведение, другие способны его не допускать уже в самом начале урока. Третьи — сильно волнуются, срываются на истерики, тем самым только подогревая подобное поведение. Четвертые — выгоняют провинившихся за дверь, направляют к завучу или директору.

Можно ориентироваться на степень выраженности, продолжительность и опасность различных поведенческих проявлений. Например, нарастающая агрессия к одноклассникам, длительное неустойчивое эмоциональное состояние — от обид и слез до раздражения и гнева, побеги из школы, устойчивый отказ от посещения занятий, суицидальные высказывания — все это может свидетельствовать о тяжести школьного кризиса.

По-прежнему основным критерием должны стать глубинные переживания самого кризисного ребенка. Здесь важно еще раз понять, насколько ему плохо с самим собой и с окружающим миром. Ему может быть очень плохо в школе, но при этом внешние кризисные проявления минимальны. И наоборот — поведение ужасное, а его переживания дискомфорта незначительные.

Приведем пример того, сколь малозаметными могут быть внешние проявления кризиса и сколь трагические последствия может иметь их нераспознавание.

В 9-й класс из другой школы пришел новый ученик. Это был тихий, скромный и способный подросток. Учился хорошо, но явно без интереса. К нему хорошо относились одноклассники, но настоящих друзей у него не было. Часто его видели грустным и задумчивым. Он сам ни на что не жаловался. Его семья считалась благополучной. Незадолго до весенних каникул он немотивированно впервые за весь учебный год прогулял несколько занятий в школе. Поскольку текущие оценки были хорошие и отличные и сам он не считался проблемным учеником, этому случаю не придали особого значения и не стали сообщать о нем родителям. На весенних каникулах мальчик покончил с собой, оставив предсмертную записку, в которой извинялся перед близкими и писал, что в этой жизни ему нет места.

Кто такие «удобные» и «неудобные» дети? Это принципиальный момент в нашем разговоре о школьном кризисе.

В реальности дети с различными проявлениями школьного кризиса находятся во власти конкретных педагогов.

Родители, специалисты по кризисам и другие заинтересованные в судьбе этих детей значимые лица не могут оказывать непосредственного влияния на их взаимоотношения с учителями. А отношения кризисных детей с учителями могут складываться по-разному. Естественно, здесь все зависит, в первую очередь от педагога. Будет ли он желать и способен ли он понять критический характер проблем обучения и нарушений поведения у своих подопечных? Насколько педагог может быть терпимым как к личности самого кризисного учащегося, так и к отдельным проявлениям его кризиса? Может ли он управлять поведенчески «разбалансированным» учеником? Готов ли педагог тратить драгоценное время на перевоспитание и «психотерапию» кризисных детей в ущерб занятиями с остальным классом? Готов ли он поступиться своим учительским авторитетом в ситуациях откровенного вызова и провокаций со стороны кризисных учеников?

Важно помнить и о том, как в таких обстоятельствах складываются отношения учителя с родителями кризисных детей. А эти отношения могут быть как благоприятными, так и, напротив, травматичными для педагога. В первом случае обычно предполагается, что родители постоянно чувствуют себя виноватыми перед учителем за своего проблемного ребенка, не спорят с учителем, полностью полагаются на его авторитет и не конфликтуют с ним. Во втором — ситуация крайне противоположная. Учитель не авторитет. Учитель часто «основной источник» всех проблем с их ребенком. Между родителями и учителем постоянные конфликты. И вот здесь часто учителя сознательно или неосознанно весь негатив своих отношений с родителями начинают переносить на их детей — своих учеников.

Наконец, есть еще проблема оценки учительской позиции к кризисным ученикам со стороны администрации и коллег. Например, администрация школы будет настаивать избавиться от «хулигана» — кризисного подопечного, которого учитель пытается спасти и в которого вкладывает всю свою душу. Коллеги могут объявить такому учителю бойкот за покровительство «хулигану».

В 1995 году в одном из детских оздоровительных лагерей Ленинградской области отдыхали дети и подростки, состоящие на учете в отделах по делам несовершеннолетних. Среди них особенно выделялся 14-летний подросток Рома. Мальчик с очень сложной судьбой, к этому времени он переживал тяжелый кризис, основными проявлениями которого были: отказ от школы, агрессивное реагирование на унижения, эпизоды вдыхания паров пятновыводителя. Проживая в старом доме с коммунальными квартирами, Рома болезненно реагировал на постоянные пьяные публичные дебоши отца. В школе некоторые учителя говорили ему в глаза, что в будущем его ждет только тюрьма. Подросток, тем не менее, достаточно успешно адаптировался в летнем лагере: не срывал режим, не нарушал дисциплину, был активно вовлечен во все мероприятия, спортивные занятия. При этом мальчик оставался обидчивым, раздражительным, болезненно реагировал на оскорбления и командный тон воспитателей, мог сильно вспылить в ответ. После очередного подобного конфликта, когда Рома грубо ответил на замечание откровенно его недолюбливающего старшего воспитателя, вскоре встал вопрос о его отчислении из лагеря. На педсовете психолог лагеря был единственным, кто считал, что этого делать категорически нельзя, и смог убедить в своей позиции директора. Подросток был оставлен с испытательным сроком в лагере. Педагогический коллектив считал себя обиженным и в прямом смысле объявил психологу бойкот.

Таким образом, позитивное или негативное отношение учителя к кризисному ученику со всей совокупностью его проблем и обстоятельств является ведущим фактором, определяющим тяжесть школьного кризиса. Иными словами, все реально сводится к тому, принимает или не принимает конкретный педагог конкретного своего ученика, с кризисными проблемами в частности. И в этой связи логично предположить, что более сложные, более провоцирующие, более кризисные дети имеют меньшую вероятность быть понятыми и принятыми своими учителями. Непринятые и непонятые кризисные учащиеся будут восприниматься учителями более негативно.

Итак:

- Кризисная динамика может быть положительной или отрицательной и касаться по-разному всех участников образовательного процесса;
- Тяжесть текущего школьного кризиса определяется, в первую очередь, субъективным отношением к нему самого ребенка, во вторую — его оценкой педагогами и, наконец, формализованными показателями продолжительности и обратимости поведенческих проявлений кризиса;
- Понятие «удобности — неудобности» кризисного ученика отражает итоговое субъективное и пристрастное отношение к нему педагогов.

Рекомендация №4

Динамика школьного кризиса, его тяжесть и принятие кризисного ученика во многом определяется пристрастной оценкой педагога, невольно вовлеченного в сам кризисный процесс.

Учителям	Родителям
Попытайтесь объективно оценить свои отношения с кризисным учеником	Попытайтесь беспристрастно понять критику вашего ребенка со стороны педагога
Обязательно обратитесь к специалистам	Получите консультацию специалиста

Глава 5

«ЧТОБЫ ЧАША СΙΑ МЕНЯ МИНОВАЛА»: ОБРАЗ МАЛЕНЬКОГО ТИРАНА

Предыдущие главы последовательно развивали следующую идею: любой переживающий школьный кризис ребенок, вне зависимости от профессионального определе-

ния его специалистами, имеет шансы быть принятым или отвергнутым своими учителями. Психологическое, психотерапевтическое или же психиатрическое заключение о характере кризиса ключевой роли здесь не играет. В этой связи родителям «тяжелых», кризисных детей не стоит впадать в уныние. Истории известны примеры, когда самые проблемные в поведенческом плане дети успешно и достойно выходили из кризисной ситуации, в том числе школьной. К сожалению, бывает, что обычные, рядовые проблемы школьной адаптации воспринимаются чрезвычайно негативно и разрешаются неумело, в результате чего очень быстро возникает и развивается «тяжелый» школьный кризис.

Сама история педагогики дает нам надежду даже в отношении самых сложных и самых запущенных случаев, связанных с подростковой преступностью. Давайте вспомним:

Антон Макаренко и Сорока-Росинский — трудовые колонии, 1920-е — 1930-е годы, СССР;

Август Айхорн — педагогическая клиника для асоциальных подростков, начало XX века, Австрия;

Януш Корчак — два детских дома для детей с трудной судьбой, 1930-е — 1940-е годы, Польша;

Мельвин Роуз — реабилитационный центр для подростков с глубокими эмоциональными проблемами и противоправным поведением, 1970-е — 1980-е годы, Великобритания;

Питер Мак-Ларен — общеобразовательная школа «Джейн Фини Коридор» в пригородном гетто, XX век, Канада.

Во всех этих разноплановых учреждениях знаменитые педагоги со своими трудновоспитуемыми, морально падшими, криминально ориентированными юными подопечными с травмированной психикой добивались потрясающих результатов — возвращения в здоровую жизнь вообще и за школьные парты в частности.

Контрастными, к сожалению, являются те случаи, когда самое начало школьного кризиса в его самых безобидных проявлениях упорно игнорируется как несущественное. В результате этот кризис внезапно принимает самый отчаянный и порой драматический характер.

Май 1988 года. На приём к участковому психиатру родители и завуч школы экстренно приводят ребенка—первоклассника. Причина обращения: мальчик на большой перемене немотивированно пытался повеситься на веревках от оконной фрамуги, став для этого на подоконник и дождавшись возвращения детей на очередной урок. Со слов родителей, до сегодняшнего утра мальчик расценивался ими как физически и психически здоровый ребенок. Со слов завуча, мальчик благополучный, добрый, послушный, хорошо учился, не вызывал ранее никакой тревоги у педагогов. В процессе клинической беседы выяснилось, что с первых месяцев учебы над мальчиком стали подтрунивать его одноклассники. Дело в том, что он был полноватым и выше всех по росту. К концу года подтрунивание стало перерастать в откровенные словесные издевательства. Мальчик обратился вначале за помощью к родителям, но те посоветовали «не реагировать на чепуху и не брать в голову». Затем он обратился к учительнице, однако она жестко заявила, что она не любит «нытиков» и «нюнь» и вообще будущему мужчине жаловаться не пристало. Получив подобные «инструкции» от самых значимых взрослых, мальчик никому больше не жаловался. Терпел, сколько мог, и к концу учебного года впал в полное отчаяние. Понял, что он уродлив из-за своей «толщины», и поэтому заслужил плохое отношение других. В день обращения к врачу ребенка в очередной раз обозвали «жирным», ему было очень обидно и грустно. Он хотел пожаловаться одноклассников. Отчаянное решение пришло моментально (подобное, как оказалось, ребенок видел в кино): встал на подоконник и набросил петлю. С точки зрения психиатра, ребенок уже длительно переживал тяжелый кризис: прогрессивно ухудшалось настроение, разрастались болезненные идеи собственного уродства и связанное с ним самообвинение. Суицидная попытка стала закономерным исходом этой маленькой драмы, которую упорно игнорировали учительница и родители на протяжении всего учебного года.

С кем не хотят иметь дело учителя и почему?

Абсолютно жизненная постановка вопроса. Каждый из нас, взрослых людей, хотел бы, чтобы в его жизни было как можно меньше проблем, непредвиденных обстоятельств и стрессовых событий. Очевидно, что обостренная потребность в безопасности играет большую роль в профессиональной жизни педагогов и во многом определяет специфику отношений с учениками и родителями. Ключевое слово, определяющее напряженность профессиональной деятельности учителя, — это ответственность:

- Ответственность за жизнь детей, за недопущение непредвиденных обстоятельств и несчастных случаев с участием детей, за конструктивное и бесконфликтные отношения с родителями и успешное проведение родительских собраний;
- Ответственность за дисциплину и режим, за «правильные», «надлежащие» взаимоотношения с детьми, за здоровый психологический климат в классе, за классное руководство и проведение внешкольных мероприятий;
- Ответственность за мотивацию детей к учебе, за индивидуальный подход к ученику, за справедливые и непредвзятые проверки знаний и оценивание;
- Ответственность за правильное донесение знаний до своих учеников, за своевременное прохождение учебной программы, за текущее и итоговое усвоение учебного материала;
- Ответственность за правильное и своевременное ведение документации, материально-техническая ответственность;
- Ответственность за свой имидж и авторитет.

В этом плане, профессия учителя относится к категории «постоянно ответственных», что побуждает учителя не расслабляться, но находиться в рабочем напряжении, часто граничащем со стрессом. И в этих условиях учитель обязан быть доброжелательным и требовательным, понимающим,

но ничего не спускающим, мягким, но беспристрастным. Он должен излучать любовь к детям и умело ими управлять. Естественно, что для ежедневной реализации своего человеческого и профессионального потенциала учителю нужны ежедневные (хорошо бы гарантированные) комфортные условия. А комфортные условия — это в первую очередь успешно реализованная ответственность за каждый школьный и внешкольный день.

Когда же ответственность учителя начинает проходить испытания на прочность, усиливается его рабочее напряжение, включаются защитные механизмы, пытающиеся сохранять его комфортное самочувствие.

Когда этих механизмов уже не хватает, возможен срыв. Срыв, в свою очередь, может перерасти в кризис, а кризис — в давно известный феномен профессионального выгорания. Ни один здоровый учитель не желает себе кризиса, всяческих стрессов и отращения к профессии. Никому из учителей не хочется срываться на детях, коллегах и своих близких. Никому не хочется в молодом, цветущем возрасте «заработать» болезнь «на нервной почве». Никто не пожелает себе судьбы дорабатывать до пенсии, откровенно ненавидя детей. Поэтому стремление учителей к эмоциональному комфорту понятно и оправдано — и каждый учитель сознательно или подсознательно пытается в своей профессиональной деятельности избегать «опасных» ситуаций:

- Ситуаций, которые регулярно ставят под сомнение в глазах учеников учительский авторитет (нет возможностей организовать детей на учебу, дети регулярно бойкотируют учебу, дети постоянно демонстрируют неуправляемое поведение, приходится обучать детей, чьи моральные и личностные качества неприемлемы для учителя);
- Ситуаций, которые регулярно связаны с возможностью непредсказуемых поступков и несчастных случаев среди учеников, которые связаны с угрозой для жизни учеников;
- Ситуаций невозможности в отведенное время обучить учащихся минимуму знаний по своему предмету, ситуаций, в которых непрофессионалы пытаются навязать свою точку зрения на то, как надо правильно работать;

- Ситуаций конфронтации с родителями, чреватых частыми жалобами в вышестоящие инстанции;
- Ситуаций давления со стороны администрации, ситуаций, при которых коллеги будут считать учителя неудачником.

Конечно, индивидуальность каждого педагога влияет на его восприятие тех или иных опасений. И здесь нередки их «парадоксальные», с точки зрения учеников и родителей, реакции. Например, учительница с репутацией смелого и решительного человека, способная поставить на место взорвавшегося юного агрессора, в то же время может изменить свое отношение к ученику в худшую сторону, болезненно отреагировав на однократный факт его мелкой лжи.

Образ монстра, или ученическая *persona non grata*

Попробуем составить «коллективный портрет» проблемного ученика и привести примеры наиболее типичных ситуаций, связанных с такими детьми. В таком портрете обязательно найдется место различным проявлениям импульсивности, расторможенности и неуправляемости. Обязательно должны быть взаимно негативные отношения между учеником и учителем. От такого ученика «всегда» должны страдать дети, будь то очередной срыв урока или очередной жестокий акт агрессии против «всегда невинных» одноклассников. Этот ученик должен быть способен к изощренным и регулярным провокациям. Он может воровать у детей и в этом никогда не признаваться, издеваться над малышами и слабыми, подбивать детей на плохое тайком от взрослых.

Теперь послушаем типичную учительскую характеристику такого ребенка: «Он всегда лжет, делает всё исподтишка. Всем от него плохо, все от него страдают. Голова у него, может, и хорошая, но он лентяй, учиться не хочет, однако нагло требует хороших оценок. Любит жаловаться на то, что все его обижают (хотя всегда есть за что). Его

вечные слезы, истерики и обиды уже всех достали. Самое ужасное, что он непредсказуем в своих поступках, опасен для себя и для других. На внешкольные мероприятия его брать невозможно — не умеет себя вести, только позорит учителя и всю школу. И самое неприятное — может потеряться, что-то сломать, рискует попасть под машину, «без тормозов» выбегая с тротуара на дорогу. Сделать ему замечание невозможно — нагло хамит и даже угрожает последствиями учителю. Возможно, у него не все в порядке с головой. А мать все твердит про какой-то кризис, поставленный каким-то психиатром (вероятно, за деньги), и требует к нему особого отношения. Она не понимает, что сама воспитала такое чудовище. Отцу запрещает наказывать ребенка ремнем, а такому как раз наоборот — только ремень и нужен. Слепая любовь, слепая вера в ребенка. Во всем обвиняет учителей и одноклассников. Оказывается, это мы не даем ему учиться в школе! Вечно куда-то пишет жалобы, всем портит нервы. Даже директор устранился от ситуации. Мол, решайте сами: уйдут из школы — будет на нашей улице праздник, останутся — будем мучиться дальше. А если ЧП, то кто будет отвечать?»

Подобных коллективных портретов можно составить много, в зависимости от личностных и профессиональных предпочтений их авторов. Однако в каждом из них будут прослеживаться одинаковые характеристики «нежелательных» учеников и их родителей.

Итак:

- Тяжелые поведенческие проявления у учеников обычно связаны с текущим кризисом. К сожалению, проблемы, создаваемые такими поведенчески кризисными детьми и подростками, обычно не воспринимаются педагогами как результат кризиса. Чаще педагоги видят в них чистой воды хулиганство и результат дурного воспитания. Тем не менее, в истории педагогики много примеров оказания действенной помощи таким несовершеннолетним путем перевоспитания, врачевания душ или психологического воздействия. При одном ус-

ловии: этого искренне хотят специалисты — педагоги, врачи, психологи. С другой стороны, «слабые, малозаметные и никого не беспокоящие» проявления школьного кризиса могут игнорироваться педагогами и родителями как несущественные. В итоге как бы действует закон: «Всё или ничего». То есть крайние проявления кризиса игнорируются как совокупность педагогических, психологических и клинических проблем учащихся. Вместо этого объективное распознавание кризиса подменяется морально-нравственными оценочными суждениями учителей и родителей. А это недопустимо, так как драгоценное время для оказания комплексной помощи кризисным учащимся уходит впустую.

- Причина игнорирования истинной проблемы и защиты педагогов от контактов с поведенчески трудными детьми во многом связана с их естественной, профессиональной потребностью в безопасности. Сама же безопасность предполагает постоянное чувство душевного комфорта педагогов — основы их рабочей стабильности. Педагог стабилен, когда он может контролировать учебную и воспитательную ситуацию, когда он ответственно исполняет свои функции. Любые помехи и препятствия на этом пути с помощью защитных механизмов должны отторгаться — в противном случае может произойти срыв. А «сверхпроблемные» дети, например, и есть такая помеха.
- Не существует одного-единственного образа «нежелательного» ученика. Вероятно, каждый педагог имеет целый набор подобных образов, отражающих его личностные и профессиональные предпочтения.

Рекомендация №5

Школьный кризис, проявляющийся как очень ярко — неприемлемым поведением ученика, — так и в стертой, невыраженной форме, часто игнорируется учителями и родителями и не определяется ими как собственно кризис. Вместо этого они могут воспринимать его как «капризы», «распущенность», «наглость», «хулиганство» и «дурное воспитание».

Учителям	Родителям
В случае “сверхпроблемного” ученика не отчаивайтесь, предполагайте и исключайте кризис	В случае “сверхпроблемного” ребенка обращайтесь к специалистам
Попытайтесь совместно с родителями и специалистами разобраться, в чем истинная причина “ужасного” поведения ребенка; не спешите с ярлыками (“распущенность”, “хулиганство” и т.д.)	Если уже известно, что у вашего ребенка кризис, а учитель это отрицает, то дайте ему время понять это, наладьте с ним сотрудничество
Чувствуйте себя уверенно и продолжайте контролировать ситуацию с учеником	Не теряйтесь, продолжайте контролировать ребенка
Попытайтесь не пропускать мелочи в поведении ребенка	Осуществляйте ежедневный мониторинг школьных “мелочей” ребенка

Глава 6

ВМЕСТЕ ПОМОГАЕМ КРИЗИСНЫМ ДЕТАМ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Свершилось: вашим учеником стал кризисный ребенок. Диагноз подтвержден всеми: психологами, психотерапевтами и психиатрами. Проявление этого кризиса носит с эстетических, моральных и общечеловеческих позиций крайне неприятный характер, ибо абсолютно не укладывается в стандартные представления педагогов о границах допустимого в детстве и отрочестве. Именно поэтому педагогам часто бывает сложно принять сверхпроблемное поведение своих учеников за кризис или как-то связать его с ним — ведь у них есть свои представления о школьном кризисе.

Учителя не ожидают увидеть в поведенческом репертуаре своих подопечных жестокости, лживости, оппозиционности

и разрушительности. Для большинства педагогов школьный кризис — это, в первую очередь, такие детские переживания, когда искренне хочется подбодрить, помочь и успокоить отчаявшихся ребятишек. Это печальные и грустные дети, это несправедливо отверженные коллективом злых одноклассников беспомощные добряки, это искренне старающиеся постигнуть непостижимые для них школьные знания и искренне страдающие от этого тугодумы, наконец, это жертвы семейного насилия, отчаянно скрывающие от учителей правду об очередной порции синяков, полученных накануне от пьяного отца. Такие несчастные дети искренне воспринимаются окружающими всегда добрыми, благородными, по-детски трогательно понятыми и располагающими к сочувствию.

Становится ясно, что в этот сентиментальный образ юных страдальцев не вписываются такие характеристики, как грубость, подлость, провокационность, черствость, неискренность и т.д. А самое главное — игнорирование учительского авторитета, полная неуправляемость и неблагодарность (чем больше учитель пытается помочь, понять ученика, где-то «прикрыть» или «отмазать», тем больше «гадостей» он выдает в ответ своему спасителю). Сюда не вписываются и ожесточенные и конфликтные родители этих учеников.

Приведу конкретный пример такой «утонченной» трактовки школьного кризиса администратором образовательного учреждения для дезадаптированных детей.

13-летний подросток, ученик 7-го класса массовой школы, получающий психиатрическую помощь у участкового психиатра по поводу эмоциональной и поведенческой расторможенности, связанной с последствиями минимальных мозговых нарушений в раннем возрасте, переживает тяжелый школьный кризис. В школе он вечно расторможен, многоречив, конфликтен. Старается обратить на себя внимание одноклассников, грубо играет роль классного шута. При этом мальчик добрый, непосредственный и, как ни странно, отзывчивый. Почти все учителя настроены к нему откровенно негативно. Его обвиняют во всех ЧП, происходящих в этой школе, настраивают против него детей. Самооценка мальчика резко снижена. Он

отчаянно пытается каждый день вести себя правильно, но ничего не получается. Мать из последних сил старается ему помогать, верит в него, но в последнее время стала часто срываться. Ругает сына, унижает словами, заявляет ему, как он испортил ее жизнь, после этого раскаивается, но ничего не может с собой поделать. Администрация школы категорически настаивает на переводе ребенка в школу для «дефективных» или выводе на домашнее обучение, считая его психически нездоровым. Мнение участкового психиатра: ребенок с сохраненным интеллектом, способен к учебе в массовой школе, надомное обучение — не выход, так как полностью оттолкнет его от школы и тем самым усугубит кризис. Наоборот, ему нужен особый подход, отказ от навешивания отрицательных ярлыков («псих», «хам», «идиот», «шут» и т.д.), немного терпения и понимания, а также активное вовлечение в организованный досуг, например, занятия футболом. Наконец, выход найдется. В районе есть специальный образовательный центр для дезадаптированных в школе детей: особый подход, малая численность учащихся в классах, психологическое и социально-педагогическое сопровождение. Наш кризисный подросток прошел комиссию и был зачислен в эту «чудо-школу». И он, и его мать в радостном ожидании новой жизни. Начался новый учебный год. Мальчик всем доволен: легко учился, подружился с одноклассниками, стал заниматься футболом. Тем не менее, часть естественных для него проблем — шумливость, импульсивность, хаотичность, страсть к шуткам — еще сохраняется. И это начинает быстро раздражать его новых педагогов, специалистов по выведению детей из школьной дезадаптации. Мальчик недоумевает: за короткий срок его невзлюбили новые педагоги, стали относиться к нему хуже, чем это было в предыдущей школе, опять настраивают против него одноклассников, опять каждый день вызывают мать. К концу первой четверти директор ставит перед матерью условие: либо она забирает ребенка из школы, либо администрация передает накопившиеся на ее сына документы в комиссию по делам несовершеннолетних. Потрясенная родительница пытается понять, почему такой финал, и именно-

в этой школе, где наоборот должны были помогать кризисному подростку. Ответ директора обескуражил отчаявшуюся женщину: оказывается, эта школа для травмированных учебными неудачами детей, а не для «распущенных хулиганов», которым является ее сын. Очевидно, что подобный отбор, подобная селекция кризисных детей полностью дискредитирует благородную идею помощи терпящим бедствие учащимся.

Агрессивный компонент кризиса несовершеннолетних — это одна из реальностей нашего времени! Следовательно, кризисные учащиеся с этим компонентом заслуживают того же уважительного отношения со стороны профессионалов от образования, что и их невольные товарищи по несчастью, ведущие себя неагрессивно.

Теперь обсудим, каким образом помогать таким детям выходить из кризиса и как при этом распределять обязанности между всеми заинтересованными лицами. Все участники помощи учащимся, переживающим кризис, в идеале должны представлять собой слаженную команду. Эту команду можно именовать по-разному: помощники, спасатели, выводящие из кризиса, реабилитологи, но для нашей темы мне представляется более подходящим термин «доверенные взрослые». Идея команды является принципиальной. Вопрос не только в общем подходе к таким детям. Конечно, и один в поле воин, будь то родитель, учитель, социальный работник или психотерапевт. Но при отсутствии единомышленников эффект противодействия попыткам оказания помощи кризисным учащимся может значительно превышать позитивное воздействие на таких детей. Поэтому необходимо сделать все возможное, чтобы эта команда состоялась. В противном случае шансов на полную нормализацию кризисной ситуации в конкретном образовательном учреждении будет значительно меньше.

Однако все препятствия на этом благородном пути мы должны разделить на субъективные, о которых мы много говорили в предыдущих главах, и объективные. Объектив-

ные препятствия подразумевают фактически сложившуюся практику межведомственной разрозненности, несмотря на существующую нормативную законодательную базу, которая предписывает то самое взаимодействие в интересах детей, особенно в экстремальных ситуациях. В частности, самый важный в нашем случае Федеральный закон №120 от 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» предписывает образовательным учреждениям воспринимать дезадаптированных и сверхпроблемных учащихся как нуждающихся в создании особых благоприятных условий. В свою очередь, другие субъекты профилактики — отделения УВД по делам несовершеннолетних, социальные службы, отделения по молодежной политике, учреждения здравоохранения и прочие — обязаны активно подключаться к судьбам таких детей и подростков. Координировать всю профилактическую и конкретно-практическую работу с этой категорией несовершеннолетних должны районные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП).

На деле до предложенного идеала еще далеко. Школы ориентированы на то, чтобы максимальное количество сверхпроблемных ситуаций с учащимися и их родителями решать самостоятельно, не преследуя главной цели — успешного разрешения кризисной ситуации страждущих детей. В первую очередь, школьная администрация заинтересована в благополучии системы человеческих связей, сложившихся в каждом образовательном учреждении (совершенно понятная, прагматическая идея блага для большинства учителей, учащихся, их родителей). Кризисным детям и их родителям прямолинейно предлагается либо мгновенно исправиться, либо покинуть учебное заведение — то есть подстроиться под некоторые режимные и дисциплинарные стандарты, принятые в разных образовательных учреждениях с разными границами терпимости/допустимости.

Педагоги и школьные администраторы должны осознать, что выход из кризиса, тем более тяжелого, требует разного времени для разных учеников. Выйти из кризиса мгновенно или так быстро, как хочет того учитель, ребенок не может.

Таким образом, заранее создаваемая ситуация дефицита времени, отведенного им для выхода из кризиса, не оставляет проблемным детям шанса на исправление. Как, скажите, за пару месяцев чрезмерно обидчивый пятиклассник, убежденный, что все в школе его ненавидят и смеются над ним, и поэтому регулярно устраивающий драки, перестанет обижаться и мстить окружающим, если он только-только приступил к сотрудничеству с психотерапевтом?

Активно настаивать на помощи специалистов по кризису, а также с ними сотрудничать учителям тоже невыгодно, потому что они прекрасно понимают: им нужно будет «плыть в одной лодке» с «нежелательным» учеником, от которого они мечтают избавиться, неограниченное время, то есть реально сотрудничать с ним, помогать ему, ждать его исправления. Им уже не придется ждать «рекомендательного подарка» — вывода ученика на домашнее обучение или перевода в другую школу. Совершенно очевидно, что кризисный дезадаптированный школьник, оказавшись без подготовки в новом образовательном учреждении, имеет много шансов испытать там те же проблемы. А вырвать его из школы, выводив на домашнее обучение, — это значит признать его социальную неполноценность и навесить соответствующие негативные ярлыки. Кроме того, надомное обучение оформляется медиками исключительно по существующим строгим медицинским показаниям.

Есть еще один момент, не способствующий активному взаимодействию учителей и специалистов: это негласная установка без особой нужды «не выносить сор из избы».

Специалисты по кризису тоже работают по заявительному принципу, — включаются, если к ним обращаются с проблемой. Исключение составляют случаи с неблагополучными родителями, официально признанными таковыми органами власти по той причине, что они плохо выполняют свои родительские обязанности.

Особо необходимо уточнить, что психиатрическая и психотерапевтическая помощь, по действующему законодательству (закон «О психиатрической помощи» 1992 г.), осуществляется только с согласия родителей (или лиц их

заменяющих) в отношении детей до 15 лет. С 15 лет требуется согласие самих подростков, за исключением случаев принудительного психиатрического освидетельствования, когда из-за психического расстройства есть реальная опасность для самих страждущих или для их окружения. Поэтому любые контакты педагогов и иных специалистов по кризису с психиатрами- психотерапевтами возможны только при личном желании родителей кризисных детей и подростков. Если такое сотрудничество начинается, то вся информация о психиатрической или психотерапевтической помощи должна использоваться только во благо кризисных учащихся, и работать с ней можно только в режиме СП — специального пользования. Информация не подлежит разглашению без согласия на то самих родителей, используется в том объеме и в том ракурсе, в котором она утверждена родителями и самими кризисными учащимися.

Приведем несколько примеров контрастного отношения к командному принципу работы с кризисными учащимися со стороны администрации образовательных учреждений.

Девятиклассник, до этого во всех смыслах благополучный ученик, резко переживает учебную несостоятельность в последней четверти. Ему трудно сосредоточиться. Что-то происходит с памятью. Все контрольные пишет на «2», из-за чего сильно расстраивается. Считает, что «отупел». Резко снижено настроение. Возникли мысли о неполноценности, размышления о смысле дальнейшей жизни. Вместе с родителями обратился к психотерапевту, начато обследование. Подростку категорически было отказано исправить оценки в течение летнего периода. Он в отчаянии. По просьбе матери психотерапевт пытается убедить директора школы дать кризисному подростку шанс исправить оценки. В ответ психотерапевт слышит от директора, что у него «все кризисные дети» в школе, а раз так, то он не сможет организовать индивидуальный подход к этому ученику. Директор считает оптимальным, если мальчик останется на второй год, что и «вылечит наверняка все его кризисы». Впоследствии в результате обследования было установлено, что у мальчика резкая форма злокачественной опухоли мозга.

Восьмиклассница одной из гимназий города прогрессивно ухудшает свои отношения с одноклассниками. Она резка, груба и категорична в суждениях. Для одноклассников это становится невыносимо. Они жалуются классному руководителю на эту девочку, просят “убрать” от них проблемную ученицу. Родители одноклассников объявляют соответствующий ультиматум директору: или директор своей властью исключает “хулиганку” из школы, или они пойдут жаловаться “выше”. На попытки учителей успокаивать эту ученицу в моменты вспышек ярости, она реагирует сквернословием и на них. Большинство учителей присоединяется к требованиям прочих детей и их родителей. Единственным доверенным лицом для девочки является классная руководительница. Она знает, что дома у этой ученицы тяжёлая атмосфера: родители девочки разводятся. Отец практически не живет дома, мать свое отчаяние срывает на дочери, нелепым образом укоряя ее за испорченные отношения со своим мужем. Девочка принимает эту вину. Каждый день идет в школу “на взводе”. Срывы случаются непропорционально, как бы сами по себе. Она сильно страдает, винит себя, понимает, в какое “чудовище” превратилась, но ничего с собой не может поделать. Классная руководительница максимально поддерживает девочку, разъясняет происходящее коллегам, просит их быть толерантными, убеждает директора не принимать мер против девочки. Одновременно по мере сил и возможностей она “разруливает” все происходящие с ней конфликты в школе. Проблема в том, что озлобленная мать предлагает “сдать” свою дочь “куда угодно” для перевоспитания “дурного характера”, но категорически отказывается от консультаций с психологами и психiatрами. Учительница несколько раз консультирует эту ситуацию, в том числе и очно в кризисной службе. Школа через интенсивные контакты с ОДН, прокуратурой района, КДН и ЗП, органами опеки и попечительства добивается изменения озлобленного отношения матери к дочери. Наконец мать и дочь обращаются к кризисному психотерапевту. Постепенно им помогают выйти из личностных (индивидуальных) кризисов, после чего нормализуются их семейные отношения и ситуация в школе. Весь этот период рядом с девочкой ее классная руководительница. Ситуацию курируют инспектора ОДН, опеки. К работе с семьей подключился психолог, специалист по социальной работе. Впоследствии к сотрудничеству удалось привлечь и отца девочки, который возобновил встречи с дочерью.

Достаточно эмоционально незрелый (инфантильный) 13-летний семиклассник с начала подросткового периода переживает тяжелый кризис. В школе, со слов учителей, он своей постоянной “болтовней” срывает уроки, хамит взрослым, постоянно обижает детей, и, вроде бы, стал воровать в столовой пирожки. Мать сообщила в школу о начале сотрудничества с психотерапевтом, однако педагоги и администрация школы проигнорировали эту информацию. А в разговоре с психотерапевтом по телефону завуч высказала свою точку зрения: мол, нет никакого кризиса у подростка. Он просто наглый и распущенный, а мать его покрывает. Ему нужна спецшкола для трудных детей. “И вообще, — добавила завуч, — я в школе 25 лет работаю и сама могу определить, где кризис, а где его нет!”

В течение месяца специалисты кризисной службы (психотерапевт, психолог и логопед) помогали девятилетнему мальчику и его матери пережить сложный кризис. Мальчик был замкнут, тревожен, имел ряд патологических страхов и эпизоды дневного энуреза. Дома был непослушен, конфликтен и обидчив с матерью. В школе мог внезапно начать дразнить детей, доводя их до слез, действовать на нервы учителям. Часто прятался под парту, чтобы его искали, оттуда кукарекал. Мудрая и отзывчивая учительница понимала, что с учеником что-то не так. В искренней беседе с учителем, мать рассказала, что сотрудничает со специалистами в городской кризисной службе. Учительница обратилась к психотерапевту, чтобы он посетил школу, где учился наш герой, понаблюдал за ним во время занятий и дал соответствующие рекомендации. В виде исключения, психотерапевт исполнил ее просьбу и дал советы учительнице, завучу младших классов, школьному психологу и социальному педагогу, которые в тесном взаимном сотрудничестве к концу учебного года значительно улучшили ситуацию, хотя оставался ряд учебных проблем, с которыми работа продолжилась на следующий учебный год, уже в четвертом классе.

Итак, командный принцип работы специалистов необходим для скоординированной помощи кризисным ученикам.

Теперь обратимся ко всем заинтересованным сторонам, вовлеченным в школьный кризис, и рассмотрим их действия в разных ситуациях.

Кризисные учащиеся

Они — активные участники всех событий школьной и внешкольной жизни и самые заинтересованные лица в разрешении кризисных ситуаций. Помощь всех значимых взрослых должна восприниматься ими как реальная для них человеческая активность, которую они понимают и принимают, активность, не имеющая никакого отношения к явным или скрытым манипуляциям взрослых. В тоже время доверие к миру взрослых у кризисных учащихся складывается совершенно индивидуально. У одних детей его еще мало, у других уже практически не осталось — вместо доверия появились различные негативные защитные реакции против взрослых. Поэтому это доверие заново надо возрождать. Отсюда, само отношение к помощи взрослых может быть трояким:

1. Дети готовы и ждут помощи взрослых;
2. Дети не полностью готовы и слабо надеются на помощь взрослых;
3. Помощь взрослых им не нужна, они от неё отказываются.

Следовательно, взрослые должны адекватно отвечать на подобные детские реакции.

В первом случае — команда специалистов договаривается с детьми и подростками о том, как будет выглядеть эта помощь. То есть взрослые протягивают руку ученикам и те её принимают.

Во втором случае — команда специалистов способствует детям и подросткам лучше подготовиться к помощи и создает развивающие условия, при которых они начинают желать этой помощи. То есть ученики еще сомневаются в принятии помощи, и взрослые помогают преодолеть эти сомнения.

В третьем случае — команда информирует негативно настроенных к получению помощи несовершеннолетних о том, что она понимает и принимает их текущий отказ от сотрудничества, но со своей стороны будет проводить политику помощи и надеется, что со временем эти усилия будут детьми востребованы. То есть взрослые первые делают шаг навстречу кризисным ученикам и ожидают с их стороны ответной активности.

Во всех случаях кризисные учащиеся должны:

- Почувствовать позитивное, не обвиняющее, не карательное и не отвергающее отношение к себе со стороны взрослых;
- Осознать, что их проблемы по-человечески сложны и порой болезненны для взрослых, но взрослые их понимают и готовы вместе с ними разделить кризис;
- Увидеть в этом соучастии веру в них, в их возможности преодоления самых запредельных проблем, в том числе и школьных;
- Ощутить неравнодушие и поддержку школьного коллектива;
- Иметь возможность в пространстве школы положиться на доверенных лиц, которыми могут быть те учителя и сотрудники школы, к которым они испытывают максимальное доверие;
- Понять, что от них требуются конкретные шаги по нормализации своего проблемного поведения;
- Эти шаги делать постепенно, под руководством специалистов, которых не нужно бояться, а относиться к ним как к партнерам, тренерам, наставникам и менеджерам;
- Представлять себе, в зависимости от возраста, само понятие собственного кризиса (период проблем), его характер и то, что нужно сделать для его преодоления;
- Иметь право активно участвовать в своей собственной судьбе;
- Рассчитывать на всех этапах кризисной помощи на понимание, поддержку и участие родителей.

Родители

Прежде всего, тем родителям, кто близок к отчаянию, надо сделать все возможное, чтобы не впасть в него. Тем, кто этой участи не миновал, важно настроиться на то, как выйти из отчаянного положения. Как бы ни было трудно родителям с кризисным ребёнком, они всегда должны помнить, что без их регулярного и интенсивного участия в судьбе своего чада все остальные усилия (педагогов, психологов, врачей) могут оказаться бессмысленными.

Отношения родителей к школьному кризису и его перспективам может быть следующим:

1. Родители надеются на положительный исход кризиса и готовы сотрудничать для этого с заинтересованными лицами;

2. Родители слабо верят в положительный исход кризиса и не видят особого смысла в сотрудничестве;

3. Родители мистически настроены — «будь что будет». Если нам помогут, то хорошо, если нет — то хуже не будет;

4. Родители потеряли веру в себя и надеются разрешить кризис только с помощью учителей и специалистов;

5. Родители заведомо настроены всю ответственность переложить на учителей («Вас для этого и учили») и специалистов («Вы на то и психиатр, чтобы моему вправить мозги!»);

6. Родители «бегут по кругу» в поисках той школы, в которой «настоящие» учителя по-хорошему будут относиться к их ребенку, и в поисках того единственного чудо-специалиста (например, остеопата), который «раз и навсегда» вылечит от кризиса их сына или дочь;

7. Родители потеряли веру в себя, в ребенка, в учителей и в специалистов, уходят «в глухую оборону», отказываются от любого сотрудничества.

Что же потребуется от родителей проблемных детей для разрешения школьного кризиса?

- Запастись терпением, выдержкой, самообладанием;
- Быть готовыми к непредсказуемым поворотам событий в жизни своих кризисных детей («Раньше только школу прогуливал, а теперь ещё и воровать начал»);

- Быть готовыми к дальнейшему, но временному ухудшению положения дел со своими кризисными детьми уже во время оказания помощи («Учитель бьется с ним, бьется, а все без толку», «Ходим уже месяц к психиатру, а никакого улучшения нет»);
- Соблюдать объективность и беспристрастность при разборе «школьных полетов» (воздерживаться от крайностей типа: «Ну и не расстраивайся, подумаешь — замечание эта дура пишет! Это она назло делает», «Не надо мне ничего объяснять: двойку получил, значит, за дело»);
- Анализировать каждый прожитый день своего ребенка, в том числе и в школе;
- Понимать, где ребенку плохо, когда ему плохо, из-за чего ему плохо и чем конкретно ему можно помочь;
- Не дать своим разрушительным чувствам — вине и стыду — заблокировать сотрудничество с учителями и специалистами; продолжать сотрудничество и диалог даже с теми педагогами, которые настроены к вам и к ребенку явно негативно;
- Не объявлять войну педагогам и не втягивать в неё ребенка;
- В сложных ситуациях смело предлагать специалистам быть посредниками между вами и школой;
- Уверенно и убедительно высказывать учителям ваши суждения о своем ребенке и доводить до них ваши пожелания в отношении ребенка в школе;
- Совместно с педагогами и специалистами оценивать изменения в школьной жизни вашего ребенка; оценивать, какие потребности и права ребенка у вас дома и в школе соблюдаются, а какие блокируются;
- Постоянно давать выговариваться вашему ребенку и помогать ему в этом, быть готовым работать «скорой психологической помощью», если вам внезапно среди рабочего дня по мобильному телефону позвонит ребенок;
- Создавать разумный режим дня с фиксированным временем приготовления домашних заданий, пользования компьютером, участия в полезном досуге и отдыхе;

- Чувствовать и действовать как эффективный, успешный родитель;
- Чувствовать уверенный контроль над кризисной ситуацией вашего ребенка даже тогда, когда эта ситуация выходит из под контроля;
- Понимать, что контролировать ребенка — это не значит жить вместо него и делать все за него;
- Понимать, что реально в ваших силах, а что выше ваших сил и что вы сделать не сможете;
- Не спешить впопыхах расставаться со школой, но и не задерживаться в той школе, которую упорно и отчаянно, по очень важным для вашего ребенка мотивам, он посещать не хочет — советуйтесь с педагогами и специалистами;
- Не унижать человеческое достоинство вашего ребенка; от души, естественно, часто говорите ему: «все будет хорошо», «я люблю тебя», «я горжусь тобой».

Учителя

С учетом вышеизложенного, мы можем определить следующие типы отношения учителей к идее помощи своим кризисным ученикам:

1. Учителя настроены на сотрудничество;
2. Учителя не считают, что они единолично способны помочь кризисному ученику, исходя из своего понимания школьного кризиса;
3. Учителя в принципе готовы сотрудничать, но особого смысла в этом не видят;
4. Учителя сами не желают включаться в процесс помощи, но готовы не мешать другим его участникам;
5. Учителя скептически оценивают любые виды помощи кризисному ученику, устраняются от определения своей позиции по этому вопросу, в принципе не желая видеть такого ребенка своим учеником;
6. Учителя занимают крайнюю негативную позицию, категорически отказываются от любого сотрудничества, не желают дальше учить кризисного ученика.

Таким образом, принимая необходимость оказания помощи кризисным учащимся, в идеале — в командном формате, учителя находятся перед выбором трех профессиональных позиций, озвучивая соответствующие профессиональные мотивации:

I. Реальное участие в команде с распределением ответственности между ее членами: «Я вижу, что у моего ученика кризис, я очень хочу ему помочь, но не знаю, как лучше это сделать. Как здорово, что над этим можно работать совместно со специалистами и родителями в одной команде»;

II. Единоличная работа по выведению из кризиса своего ученика, единоличная оценка рекомендаций специалистов и пожеланий родителей, единоличная ответственность за исход дела: «Я сам/сама знаю, что происходит с моим учеником, знаю, что ему нужно. Я готов/готова выслушать мнения и пожелания на этот счёт родителей. Но выбирать мне и отвечать за все мне»;

III. Выход из проекта, перекладывание всей ответственности на специалистов и родителей, формальное исполнение их плана помощи ребенку: «Я сомневаюсь, что у него кризис. Я сомневаюсь, что ему кто-то поможет. Поскольку я избавиться от него не могу и должен/должна дальше его терпеть, пусть им занимается психолог и тот, кто может. Посмотрю, как у них это получится. Я не специалист по кризисам, я не его родитель. Я и впредь буду формально относиться к нему, требовать с него и оценивать его, как предписывают мне мои профессиональные обязанности. Я готов/готова использовать в своей работе с таким учеником рекомендации специалистов и принимать к сведению пожелания родителей. Однако буду это делать в той мере, в которой мне будут позволять рабочие обстоятельства (у меня в классе, кроме него, еще тридцать детей) и моя общепедагогическая подготовка (я не психолог, и я не знаю, как на протяжении всего урока заставить его слушать меня, если, игнорируя мои замечания, он продолжает заниматься своими делами; в итоге, я опять за работу на уроке поставлю ему «2» — пусть на меня никто не обижается!)).»

Иных — непрофессиональных — мотиваций быть не может. У учителя нет права плохо относиться к ребенку, плохо обучать и несправедливо оценивать его, желать расставания со своим «проблемным» учеником и его родителями. Равно как у самого ребенка, его родителей и его специалистов нет права требовать от учителя реализации идеальной учительской мотивации. Проблема заключается в том, что идеал в нашем случае — это искреннее желание всех имеющих отношение к кризисной ситуации (начиная с самого ребенка) взаимодействовать во благо успешного завершения конкретной драматической истории в школе. А это искреннее желание учителю по приказу «сделать» невозможно. Тем не менее, можно помочь скептически настроенному педагогу: подготовить соответствующие психологические условия, которые, возможно, настроят его оптимистически.

Психологические условия толерантности, помощи и собственной безопасности учителя в работе со «сверхпроблемными» учениками представляют собой соответствующие психологические установки, профессиональные реакции и готовность к действиям.

Установки:

- Учитель всегда готов к встрече с очень «тяжелыми» детьми. «Сверхпроблемный» ученик в классе — это не злой рок в профессиональной жизни учителя, а реальность, которую надо ожидать и принимать.
- Помогать ученику преодолевать тяжелый кризис педагогу под силу, если он будет верить в свои воспитательские возможности и использовать, прежде всего, собственный практический опыт и опыт своих коллег.
- Даже при самых оптимистических надеждах на собственные силы в разрешении школьного кризиса нужно понимать в каждом случае, что для учителя это профессиональное испытание, проверка на прочность.

Реакции:

- При появлении в вашем классе «сверхпроблемного» ребенка определите и проанализируйте свои чувства и мысли, связанные с ним.
- При положительных реакциях попытайтесь закрепить и усилить их во время ваших взаимоотношений со «сверхпроблемным» ребенком; при отрицательных реакциях попытайтесь понять, что именно их вызывает, и сфокусироваться на чувстве. Осознанность — это основа контроля над ситуацией.
- Сохраняющиеся реакции страха, неприязни, бессилия, обиды, раздражения не стесняйтесь «проговаривать» с коллегами, с администрацией, со школьным психологом и другими специалистами.
- Аналогичные реакции нужно прорабатывать и в отношении родителей кризисных детей,
- Сохраняйте чувство контроля над ситуацией. Чувство контроля над ситуацией — это, в первую очередь, чувство контроля над собой.

Будьте готовы к следующим действиям:

- Определите план действий в отношении вашего кризисного подопечного, согласовав его со всеми участниками образовательного процесса и специалистами.
- Выделите для себя наиболее проблемные зоны в предстоящей работе.
- Выясните наиболее необычные проявления кризиса из поведенческого репертуара ваших подопечных и определите возможные способы их предотвращения и совладания с ними.
- Организуйте доверительные отношения с самим ребенком, убедите его в вашей непредвзятости, в нежелании причинить ему зла, дайте ему понять, что вы принимаете текущую ситуацию и готовы помочь выйти из нее. Этим вы успокоите кризисного ребенка и снизите уровень его ответных негативных поведенческих реакций. При желании у вас всегда найдется воз-

возможность индивидуального подхода к кризисному ученику во всех аспектах школьной жизни. Это мощный ресурс для начала вашего диалога.

- Спокойно и уверенно воспринимайте отказы, протесты, провокации ребенка, направленные в ваш адрес. Не позволяйте ребенку разрушительно вести себя с вами и одноклассниками. По этому поводу получайте больше консультаций из различных источников. При сильных всплесках ваших эмоций в экстремальных учебных и внеучебных обстоятельствах продолжайте уверенно управлять своим гневом.
- Регулярно настраивайте одноклассников вашего кризисного подопечного на позитивное к нему отношение. Исключите любую, даже ответную и внешне заслуженную травлю со стороны его одноклассников. Повышайте доступными вам способами самооценку и авторитет ребенка.
- Аналогичным образом выстраивайте линию своих отношений с родителями кризисного ребенка, вне зависимости от характера их ответной готовности.
- Разумно прибегайте к поддержке администрации, не злоупотребляйте ею, но и не устраняйтесь.
- Аналогично ведите диалог с вашими коллегами, вне зависимости от их отношения к вашему подопечному.
- Активно привлекайте к решению проблем социального педагога и школьного психолога.
- Творчески используйте рекомендации специалистов по кризису. Организуйте с ними обратную связь.

Эта «памятка» психологических условий составлена на все случаи профессиональной жизни учителя, в том числе связанной со школьным кризисом. Условия есть условия. Они не заменяют конкретную линию взаимоотношений с терпящим бедствие ребенком. Они служат базой для всегда уникального диалога между учителем, учеником и его родителями.

Школьная администрация

Как бы ни была загружена многочисленными обязанностями администрация, она должна (и лучше раньше, чем позже) включаться во все кризисные ситуации в образовательном учреждении, реально по всем вопросам курировать и поддерживать своих педагогов, не оставляя их наедине со своими проблемами.

Школьный психолог

В тех образовательных учреждениях, где еще есть такой специалист, ресурсы психолога надо использовать на 100% для работы с кризисными ситуациями. В свои присутственные дни психолог должен работать в режиме «скорой помощи», и в первую очередь на кризисном «фронте». Психолог, с одной стороны, должен быть надежной поддержкой для педагогов кризисных детей, а с другой — претендентом на первое доверенное лицо для этих учащихся. К сожалению, очень часто психолог выполняет негласный заказ школы на расставание с очередным «сверхпроблемным» учеником, настраивая на это и самого ребенка, и его родителей.

Социальный педагог

Этот специалист, особенно в отсутствии школьного психолога, может стать еще одним ресурсом для кризисных учащихся и их учителей. Он может уверенно принимать участие в адаптации кризисного учащегося и в работе с его родителями. Для детей, уже поставленных на внутришкольный учет или состоящих на учете в ОДН, он должен стать ведущей фигурой и, возможно, координатором работы всей команды специалистов.

Специалисты (психолог, психотерапевт, психиатр)

Эти специалисты оказывают помощь кризисным детям и их родителям в пределах своей компетенции.

Психолог — диагностирует кризис у ребенка, определяет его происхождение и обеспечивает актуальную кризисную психологическую помощь.

Психиатр — выявляет у кризисных детей предшествующее или возникшее психическое расстройство, определяет стратегию лечения, в том числе медикаментозную, и разрабатывает лечебно-профилактические рекомендации, касающиеся всей жизнедеятельности ребенка, выбор его дальнейшего образовательного маршрута.

Врач-психотерапевт — решает проблемы психического неблагополучия своих кризисных пациентов, преимущественно с помощью психотерапии.

Помощь у этих специалистов можно получить в государственных учреждениях, правомочных ее оказывать кризисным детям. Это учреждения здравоохранения (детская психиатрия и психотерапевтическая помощь), учреждения социальной защиты населения (центры помощи семье и детям), учреждения образования (ППМС—центры), учреждения комитета по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями (центры социального сопровождения несовершеннолетних, склонных к совершению правонарушений).

Кто должен быть координатором команды?

Координатором должен быть кто-то из сотрудников образовательного учреждения, в котором учится кризисный ученик. Чаще это социальный педагог или завуч, реже — классный руководитель, психолог или любой другой педагог. То, каким образом координатор проделывает свою работу, зависит от его предпочтений и возможностей.

Итак:

- Реальность кризиса у учащихся может по-разному восприниматься и пониматься педагогами, родителями и специалистами;
- В любом случае кризисная помощь должна оказываться нуждающимся в ней учащимся, и именно в школе;

- Все связанные с кризисной ситуацией участники образовательного процесса и специалисты действуют в пределах своей ответственности и организованы по командному принципу.

Рекомендация №6

По-разному воспринимаемый кризис учащихся является реальностью и подлежит разрешению командой заинтересованных в этом лиц: самими детьми, их родителями, педагогами, специалистами.

Учителям	Родителям
Ориентироваться на позитивные профессиональные установки	Составить итоговое представление о кризисе своего ребенка и контролировать ситуацию, противодействуя своей беспомощности
Контролировать, анализировать и управлять своими реакциями на ситуацию кризиса	Вести постоянный диалог с учителями, помогая им и отстаивая интересы ребенка
Сформировать для себя план действий в отношении кризисных учеников и реализовывать его, работая в команде	Стать реальным членом команды помощи своему ребенку, не уходя от ответственности и делая для него ровно столько, сколько вы можете

Глава 7

ИМЕЕТ ЛИ ШКОЛЬНЫЙ КРИЗИС ПЕРСПЕКТИВЫ УСПЕШНОГО РАЗРЕШЕНИЯ?

Я не исключаю, что читатели из числа учителей и родителей могут скептически оценить все изложенное в этой брошюре. В частности, они могут сказать, что здесь пред-

ставлена идеальная картина, а в жизни так не бывает. Учитель замотан, учитель тоже человек, ему дай бог довести своих питомцев до удовлетворительной сдачи ГИА в 9-м классе и ЕГЭ в 11-м классе. И много ли мы видим идеальных альянсов учителей и родителей? Я не буду повторяться и говорить, что здесь все зависит от желания взрослых. Я только хочу еще раз напомнить, что помощь кризисному ребенку вообще и в школе в частности даже при благоприятном течении кризиса — это большая самоотдача и труд. Насколько хватит человеческой энергии у всех участников «спасательного» процесса, настолько и будет вероятен положительный исход школьного кризиса.

И последнее. К сожалению, на мой взгляд, и взгляд моих коллег и друзей—педагогов, принцип Старого Лиса из «Маленького принца» Экзюпери «Мы в ответе за тех, кого приручаем» не является ведущим для современного образования. А с моей точки зрения, он должен быть именно таким. Учитель с большой буквы и в широком смысле слова должен всегда помнить, что доверие к нему ученика — это основа основ их совместной жизни в школе и во многом — профилактика тяжелых исходов детского кризиса. В качестве оптимистического примера я приведу случай, где в итоге командный подход к кризисному ученику обеспечил положительный результат.

Несколько лет тому назад в кризисно-профилактическое отделение ГУЗ ЦВЛ «Детская психиатрия» им. С.С.Мнухина обратились мать с 12-летним подростком и сопровождающая их специалистка по работе с молодежью ГУ ЦПБНН «Контакт». Из разговора выяснилось, что за 3 месяца до обращения в нашу службу этот мальчик с группой подростков совершил кражу продуктов в супермаркете. Далее как обычно: протокол, вызов на КДН и ЗП, постановка на учет в ОДН. Банальная вроде бы история, если бы не одно обстоятельство: у мальчика остаточная стоматологическая патология — расщелина губы и неба. Мальчик — единственный ребенок в семье. Родители развелись вскоре после его рождения, в дальнейшем его отец с семьей отношения не поддерживал. Его воспитывала мать, большую поддержку оказывала бабушка. По поводу врожденной патологии мальчик был несколько раз прооперирован. Последствием явился видимый шрам в носогубной области, легкая смещенность кончика носа, легкая шепелявость речи. До школьного возраста жизнь

мальчика протекала без особых проблем: хорошо адаптировался в детском саду, был послушным и управляемым ребенком, быстро научился читать и писать, был активным, энергичным, инициативным. Был зачислен в обычную районную школу по месту жительства. В младших классах учился легко и успешно. Со стороны учителей претензий и замечаний не было. Увлекался танцами. Начиная с 3-го класса некоторые одноклассники стали его раздражать из-за особенности его речи и небольшого внешнего дефекта. Его учительница умело пресекала подобные акции. Но все поменялось с вступления в среднюю школу. К этому времени у мальчика начался пубертатный период. Он становился избыточно эмоциональным и обидчивым. На любые нападки со стороны одноклассников реагировал бурно, в том числе и драками. Новая классная руководительница несправедливо считала нашего героя зачинщиком этих конфликтов, грубо его отчитывала и наказывала. Вскоре их отношения значительно ухудшились. И ученик, и учительница избыточно эмоционально стали обсуждать свои конфликтные отношения. Учительница стала регулярно вызывать в школу мать, отчитывать ее. Как-то в разговоре с матерью учительница высказала предположение о психическом нездоровье мальчика. С этого момента между ними начался затяжной конфликт.

С 6-го класса подросток теряет интерес к учебе, прогуливает, в том числе уроки, которые ведет классная руководительница. Случилось так, что во время одной из проработок она перерезала шею мальчику, а он назвал ее дурой. В ответ учительница выгнала его с урока, пригласила в школу мать, поставив ученику условие публично попросить прощения. Он категорически отказался и с тех пор перестал посещать школу. Сошелся с дворовой компанией старших асоциальных подростков. С ними пропадал с утра до вечера, стал раздражительным и полностью неуправляемым ребенком. Вскоре начал покуривать, несколько раз пил пиво и джин-тоники. И в один прекрасный день с компанией согласился украсть из продовольственного магазина сладости. И только после того, как подросток был поставлен на учет в ОДН, его судьбой начали заниматься. В школе это социальный педагог, в районном отделе воспитательного сопровождения несовершеннолетних правонарушителей — специалист по работе с молодежью. С мальчиком и его мамой удалось установить доверительный контакт и, проанализировав всю историю, специалисты предположили, что подросток находится в тяжелом кризисе, в связи с чем ему и его матери было рекомендовано как можно быстрее обратиться в кризисно-профилактическую службу. При обращении в наше учреждение было уточнено переживаемое им психическое состояние. Оно было расценено как возникшее в результате переживания подростком длительного стресса,

проявляемое в виде конкретных патологических поведенческих и эмоциональных реакций. В частности, имели место невыраженные колебания настроения и нарушения сна. Мальчик имел крайне неустойчивую и низкую самооценку. Был убежден в своем уродстве и осознанно и бессознательно был готов защищаться от любых намеков со стороны окружающих людей по поводу его внешности гневом и словесной агрессией. После комплексного обследования подростка был составлен план кризисной помощи, в который вошли: кризисная психотерапевтическая помощь самому подростку; психотерапевтическая помощь его матери; включение подростка в деятельность лечебного театра; нормализация ситуации в школе; сотрудничество со специалистами Центра «Контакт»; организация положительного досуга.

Через посредничество специалистов отдела воспитательного сопровождения несовершеннолетних поэтапно совместно с социальным педагогом школы был установлен диалог с завучем, классной руководительницей и другими учителями. Все они получили информацию о причинно-следственных связях между сутью кризисных переживаний их ученика и его проблемным поведением. Классная руководительница также смогла осознать связь между негативизмом своего ученика и эпизодами своей словесной несдержанности. В дальнейшем она активно вышла на примирение с ним и его матерью, извинилась за свои срывы, заявила о намерении создать максимально благоприятные условия для выхода своего ученика из кризиса. В результате комплексной работы ситуация в школе значительно изменилась: улучшилась успеваемость, подросток стал значительно спокойней, стабилизировались его настроение и сон. Он стал вновь управляемым матерью, порвал отношения с асоциальной группой уличных подростков. Драки в классе прекратились. В школе у мальчика появились несколько настоящих благополучных товарищей. Он серьезно заинтересовался историей и фольклором, стал принимать активное участие в школьных и клубных литературно-исторических вечерах, смог сполна реализовать себя как активный участник лечебного театра-сообщества. Острая часть кризиса была разрешена в течение нескольких месяцев. Когда она миновала, была смоделирована и реализовывалась поддерживающая помощь в отношении подростка и его близких. Итоговая команда состояла из завуча школы, классной руководительницы, социального педагога, специалиста по работе с молодежью района, инспектора ОДН, специалистов кризисно-профилактического отделения (психотерапевт, медицинский психолог, логопед, зав. отделением). Координатором в этой команде был специалист по работе с молодежью Центра «Контакт». В дальнейшем подросток благополучно закончил 9 классов, успешно сдал вступительные экзамены и перевелся в гуманитарную гимназию.

Уважаемые читатели, эта брошюра не претендует на роль «успешных технологий» и «ноу-хау» в деле профилактики и преодоления школьного кризиса.

Поскольку школьный кризис многолик и всегда индивидуален, навряд ли кем-либо и где-либо может быть изображена соответствующая «формула счастья». Я уверен, что там, где взрослые искренне хотят помочь терпящим бедствие детям, они в итоге придут к намеченной цели. Желательно, чтобы это было сделано оперативно и эффективно во всех смыслах. Из всех возможных проявлений школьного кризиса автор попытался остановиться на наиболее его проблемных, экстремальных и отчаянных вариантах. Именно они отнимают больше всего энергии и требуют исключительной ответственности прежде всего у педагогов. Тем не менее, и «простые», «мягкие», «трогательные» варианты школьного кризиса также требуют к себе не меньшей профессиональной настороженности. Главное послание для учителей и родителей, которое я попытался передать, излагая свою точку зрения на отношение взрослых к школьному кризису, — не надо его бояться, даже если внешне он воспринимается откровенной «анти-социальщиной». За ним всегда стоит отчаяние детей, таким образом реагирующих на школьную ситуацию. Дети имеют право на такой «несимпатичный» кризис. Так уж получилось, такова реальность. И, соответственно, они имеют право на понимание и помощь. Учителя должны настроить себя на участие в жизни этих детей, протянуть им руку помощи. И тогда положительный исход школьного кризиса более вероятен. В свою очередь, родители, переступив через обиды и разногласия с учителями, должны стать их надежными партнерами по выведению своих детей из кризиса. Командный принцип работы по выведению детей из школьного кризиса предполагает сотрудничество всех заинтересованных в этой деятельности сторон: учителей, школьной администрации, родителей, друзей,

одноклассников и специалистов. Причем создание возможности для кризисных учащихся чувствовать себя реальными творцами собственной судьбы, равно как и побуждение к соучастию их одноклассников, являются условиями этой благородной миссии. В брошюре нет готовых антикризисных рецептов, нет и единственно верных концепций самого феномена школьного кризиса.

Я советую прочесть книги на тему школьного кризиса и помощи «сверхпроблемным» детям. Каждый читатель может, исходя из своих взглядов и предпочтений, отталкиваясь в этой работе от тех источников, которые оказались для него по тем или иным причинам значимыми. Я лишь упомяну ряд изданий, которые были и остаются, на мой взгляд, весьма полезными в практическом смысле:

1. Джон Грей «Дети с Небес». М., 2004.
2. Адель Фаберн, Элен Мазлиш «Как говорить с детьми, чтобы они тебя слушали. Как слушать детей, чтобы они с тобой говорили». М., 2009.
3. Росс В. Грин «Взрывной ребенок». 2009.
4. Е.Ю. Клепцова «Терпимое отношение к ребенку: психологическое содержание, диагностика, коррекция». М., 2005.
5. Ирина Млодик «Школа и как в ней выжить. Взгляд гуманистического психолога». М., 2011.

СОВЕТЫ ПСИХОЛОГА

ЗАЧЕМ НУЖЕН ДЕТСКИЙ САДИК?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, немножко обратимся к истории. Очень долго человечество себя созданием детских садов не обременяло. Там, где ребенку выпадало счастье родиться в очень богатой и очень знатной семье, малыш уже был обеспечен собственным «детским садиком». К его рождению богатые и знатные родители подбирали целую команду будущих воспитателей – учителей. Эта команда минимум до семи лет, а иногда и дольше, полностью занималась жизнью подрастающего барона, графа, князя или императора. Занималась по полной программе: от обучения искусством пользоваться ночным горшком до политики, иностранных языков и рыцарского дела. Конечно, были свои отличия в воспитании мальчиков и девочек. В итоге благовоспитанное дитя красиво общалось со своим знатым родителем в определенные часы дня и дни недели, а затем этими нянями и няньками вновь забиралось для произрастания.

А что же бедные родители? Кто тогда воспитывал их детей? А никто! В те времена бедные семьи были очень многодетны, до 15 детей и даже более. И дети уже с 2-3-х лет в прямом смысле учились добывать себе хлеб насущный. Учились помогать по хозяйству: мальчики по папиной линии, девочки по маминой. Простите, было и родителям, и самим детям не до учебы. Это богатых детей тогда обучали, а бедных нет. Цель образования в бедных семьях была одна – выпустить в жизнь ребенка готовым ко всем тяготам и лишениям. Ребенка обучали выживать! А в те времена, к сожалению, многие дети не выживали. Так и уходили в мир иной в самом невинном возрасте.

Но времена изменились. И уже в XIX веке, всего-навсего каких-нибудь 200 лет тому назад, все развитые страны решили взяться за детей, начиная с их рождения. Тогда же решила взяться за воспитание малышей и наша Россия. Уже в конце XIX – начале XX вв. в нашем государстве были первые детские садики. Многие из них, если

не большинство, были открыты за счет самых богатых людей нашей страны, которые без всякой корысти жертвовали на это благородное дело большие деньги. Первыми преподавателями в этих детских садах были самые образованные люди – врачи, философы, богословы. Цель была та же – подготовить бедных детей к жизни, но уже к другой жизни. Подготовить их и в плане здоровья, и в плане развития и, наконец, в плане знаний к школе. Сделать так, чтобы у детей и из самых беднейших семей появился шанс хотя бы немного поучиться в школе, научиться читать и писать.

В советский период детские садики стали практически обязательными для всех граждан СССР. Вот тогда и произошел определенный перекося с государственным воспитанием малышей. Вожди СССР заявляли: «Только само государство, а не родители, способно воспитать здорового и правильного человека». Фактически, народу предлагалось довериться государству в деле воспитания детей, начиная с яслей. Сам же народ, освободившись от «оков» воспитания, мог полностью посвятить себя изнурительному труду на благо коммунизма. И посвящали, работая, порой до 12-14 часов в сутки, и на детей времени практически не оставалось. Взрослые работали на работе. Дети «работали» в яслях, в детских садах и школах.

Но коммунизм не получился. Наступили другие времена. Кто стал богатым, кто бедным, а кто и вовсе никем. Про детишек стали забывать. Рожать их стало невыгодно. Резко упала и продолжает падать рождаемость. И вот здесь ряд ученых и прочих деятелей стали предлагать свои «рецепты» по возрождению нации. Они всерьез стали говорить о вреде и даже о зле государственных детских учреждений – о детских садах и школах. Хочешь воспитать здорового ребенка – не отдавай его в детский садик, а вместо школы организуй ему обучение на дому. Мол, и с родителями будет 24 часа в сутки, и сам его обучишь лучше глупых учителей, да и от плохих подростков убережешь. Как раньше (как раньше у богатых). И кое-кто из взрослых россиян поверил. И перестали водить своих

детей в детский садик и даже отдавать в школу. Детские садики стали пустовать, закрываться, здания – сдаваться в аренду разным фирмам.

Вначале эти родители радовались. Детки были при них, они сами обучали детей всему тому, чему считали нужным обучать, в том числе и нескольким иностранным языкам. В 5-6 лет такие дети могли удивлять и даже восхищать окружающих быстрым чтением, длинными стихами, английским, французским, немецким. Но потом... Потом наступало время школы. Школы выбирались самые престижные, самые дорогие. И что же дети? А такие дети, в своем большинстве, будучи хорошо адрессованными до школы в разных науках, в самих школах учиться не могли. Почему же так, стали спрашивать многие родители «домашних» детей? Не мы ли были при детях все это время? Не мы ли их постоянно до школы всему умному учили? Не мы ли ходили с ними по музеям и театрам? Что мы сделали не так? Эти вопросы обеспокоенные родители стали задавать специалистам: психологам, врачам, педагогам. И заодно показывали своих чад. И вот что им стали отвечать специалисты: «Да, у вас умный хороший ребенок, он много чего знает. И это плюс. Но. Как говорят англичане, «иногда в слове «но» может утонуть весь Лондон».

1. «Но». Ваш ребенок **не посещал** детский садик и **поэтому** не умеет общаться с детьми. Он не понимает детей. Дети не понимают его. В итоге он страдает. Детский садик учит детей общению. А это очень трудное дело, даже порой для взрослых!

2. «Но». Ваш ребенок **не посещает** детский садик и **поэтому** не знает, что такое дисциплина. Без дисциплины в школе никак. Детский садик учит детей дисциплине!

3. «Но». Ваш ребенок **не посещает** детский садик и **поэтому** не приучен систематически трудиться. Он делает то, что ему хочется, тогда, когда ему хочется, при условиях таких, при каких ему хочется. А это в школе невозможно. В итоге его заставляют делать все по правилам, делать все в свое время, а он этого не хочет. Бедняга сопротивляется. Страдает он, страдают учителя, страдаете вы – родители.

Детский садик учит ребенка жить по правилам, учит системе труда, учит тому, когда отдых, а когда труд. Учит тому, как надо делать то, что неприятно, но надо! Здесь многие родители возражают специалистам: «Но ведь мы тоже учили жить нашего ребенка по правилам, учили трудиться». Специалисты отвечают и на это: «Да, но ваши правила для ребенка дома и правила учителя в школе – это разные вещи. Вот для этого, в том числе, и существует детский садик. Детский садик – это как мостик между вашими родительскими правилами и правилами школьной жизни. И мостик этот строится бережно, не спеша. Без этого мостика очень часто перепрыгнуть детям из семьи в школу бывает трудно».

4. «Но». Пожалуй, самое важное. Школа – это место где, начиная с 1-го класса, дети учатся длительное время, порой до 6 часов в день, а жить без родителей маленьким детям очень тяжело. Ведь они еще так сильно привязаны к папе и маме, к бабушке и дедушке. Но это жизнь – без этого никак. И вот поэтому детский садик постепенно помогает детям какое-то время жить без родителей. Он их тренирует в этом. И отсюда тренированные в детских садах дети не так болезненно чувствуют себя в школе без родителей. Они легче находят общий язык с учительницей, которая на какое-то время им заменяет маму. А ваш ребенок такой тренировки не имел. Ему тяжело без вас. Он скучает. Учеба ему не в радость. А учительница совсем не похожа на маму!

Вот почему вашему ребенку тяжело в школе. Он, получается, будучи подготовленным в знаниях к школе, не подготовлен к ней в жизни!

Детские сады полезны всем, а в особенности для детей цыган. Назовем лишь две самые важные причины. **Первая** – школьный цыганский прорыв. Поэтому лучшая подготовка цыганских детей в детских садах к школе им особенно нужна. **Второе** обстоятельство – цыганская женщина-мать будет иметь больше возможности для саморазвития и поисков надежной работы в то время, когда ее дети будут в детском садике и в школе.

ЛЕГКО ЛИ ЗАКОНЧИТЬ ШКОЛУ?

На дворе XXI век. Россия считает себя цивилизованной страной, которая должна гарантировать обществу социальные блага. В первую очередь — для своего будущего. А наше будущее — это дети. Дети — это качественное 11-летнее образование со сдачей ЕГЭ.

Но при этом, по разным источникам, в нашей стране минимум несколько десятков тысяч подростков (детей 12-17 лет) имеют образование лишь в пределах начальной школы (1-4 класса). Конкретных ситуаций, иллюстрирующих такое печальное положение вещей с малообразованными, а точнее сказать, необразованными подростками, великое множество.

Первая группа. С 1-го класса у ребенка по совокупности причин реально не ладится с учебой. Он сильно переживает. Он в отчаянии от своих неудач. Ему никто не помогает разобраться, почему у него так печально обстоит дело в школе. Вместо этого его все ругают. В результате, кроме отвращения, школа у него уже ничего не вызывает.

Вторая группа. С 1-го класса ребенка беспрерывно травят в школе — одноклассники, учителя. Из-за того, что слабый, или из-за того, что «тупой», что толстый, тонкий, заикастый, «психованный», «плохо пахнет», не так говорит по-русски и т.д.

Третья группа. Бывает и так, что у ребенка по-настоящему тяжелые проблемы со здоровьем или с психическим развитием. Врачами поставлены соответствующие тяжелые диагнозы. Врачи разъясняют родителям, что из-за проблем со здоровьем и развитием их ребенку необходимо обучаться в особых условиях. В одних случаях — в специальных школах или интернатах, в других — в санаторных школах или школах для детей с ослабленным здоровьем. Иногда утверждается, что обучение возможно только на дому, по крайней мере, в начальных классах. Главная идея специального образования — уменьшение нагрузки на таких особенных детей и приспособление школы к их реальным возможностям. Тем не менее,

часть родителей категорически не согласна с такими предложениями врачей и педагогов. Они настаивают на том, чтобы их дети учились «как все», или даже больше — в гимназиях и лицеях. Поэтому уже через несколько месяцев такого обучения на общих основаниях детям становится чрезвычайно тяжело постигать знания. Собственная несостоятельность выматывает этих детей, и они не желают больше ходить в школу никогда. А родители все настаивают и настаивают. Заставляют детей все преодолевать и все терпеть. И, конечно, во всем обвиняют учителей: «Учили бы лучше!»

Четвертая группа. Это дети из неблагополучных семей. Пьющим и асоциальным родителям просто не до своих детей. Они просыпают уроки, потому что мама и папа нигде не работают и сами спят до вечера. Или же пьяная гулянка родителей не оставляет детям возможности для приготовления домашних заданий. Наконец, ребенку может быть просто не в чем идти в школу. Да, и такое может быть в наше «зажиточное» время ...

5 группа. Достаточно редкая, но, тем не менее, очень проблемная. Здесь главное зло исходит от очень своеобразных родителей с неправильным пониманием роли школы в жизни ребенка. Эти родители, по фантастически нелепым мотивам и исходя из своих болезненных фантазий, не отдают своих детей в школу. Они не хотят, чтобы их дорогих и любимых детей третировали и узурпировали, прессовали в школе. Они хотят защитить своих чад от всех мнимых и реальных опасностей школы.

6 группа — сборная. Сюда входят, в первую очередь, юные неграждане России. Несмотря на все международные соглашения, акты и пакты, подтверждающие право детей-мигрантов на обучение в странах их фактического проживания, признанных нашей страной, российские власти активного желания привлекать к учебе этих детей не проявляют. Реже речь идет о «титulyных», «коренных» подрастающих, которые в силу рокового стечения обстоятельств вместе с родителями столь часто меняют географию своего проживания, что практически не успевают прижиться в многонациональных школах.

Так вот, всю эту массу мало и плохо обученных детей-подростков, зачастую вообще не посещавших школу, государство, по нашим законам, обязано учить дальше, — учить, разбираясь в причинах их отказа от школы и подбирая для них индивидуальные пути получения полноценного образования.

Теперь посмотрим, какие реальные и мало реальные пути государство предусматривает для этих целей.

Первый и самый «простой» путь. Подростков 14-15 лет с образованием в 3 класса принуждают продолжить обучение в следующем 4-м классе в статусе многократного второгодника. Мне такие случаи известны. Обычно этот метод неэффективен. Через много лет заставить подростка учиться, да еще сидеть за одной партой с малышом, — это сложно и даже опасно. Опасно, в первую очередь, для его младших партнеров по обучению. Тем не менее, при всей абсурдности метода, в ряде школ нашей необъятной родины к нему все еще прибегают.

Второй путь. СВШ — сменно-вечерняя школа. При всем скептическом и критическом отношении многих родителей к такому методу обучения нужно знать, что на сегодняшний день во многих случаях это палочка-выручалочка для многих подростков. В этих школах учителя готовы индивидуально подстраиваться к проблемам подростков, готовы терпеливо доносить до них учебный материал, не унижая их человеческое достоинство. В таких школах обычно многокомплексные классы по 10-15 человек. 5 дней занятий в неделю, не более 5 уроков в день. Минимум домашних заданий. Плюс (зачастую) поддержка психологов и социальных работников. Ограничение — принимают в эти школы только с 7-го класса, т.е. продолжить обучение в такой школе могут только те, у кого есть 6 классов образования.

Еще один вариант обучения неординарных подростков — надомное. Для этого, правда, необходима специальная справка из детской поликлиники. Получить такую справку можно, имея официальные основания, — наличие болезни, дающей право на «льготное» обучение. При такой форме возможно обучение, начиная с младших классов.

Малоизвестная форма образования — семейная. Эта форма предполагает, что родители заключают договор со школой о том, что родители сами обеспечивают обучение своего ребенка. Как они это делают — их дело. Обучают ли сами, или нанимают репетиторов, приглашают ли заниматься со своим чадом знакомых — неважно. Важно то, что ребенок сдает зачеты по предметам, определенным учебной программой. За своевременную и успешную сдачу экзаменов и зачетов по школьным предметам в этом случае отвечают непосредственно сами родители.

Вышеперечисленные варианты обучения — государственные, бесплатные, предусмотренные Министерством образования РФ.

В некоторых крупных городах по линиям Минздравсоцразвития и Министерства по делам молодежи предусматриваются так называемые мобильные школы. В них приглашенные педагоги пытаются заниматься с проблемными подростками, подготавливая их к сдаче своеобразных экзаменов за очередной пройденный класс. Переводные экзамены сдаются в строго определенном образовательном учреждении. Выбор этого учреждения осуществляют социальные или молодежные работники.

Помимо государственных возможностей, можно всегда иметь в виду негосударственные пути доучивания малообразованных подростков. Это и детские общественные организации, имеющие лицензию на подобную деятельность, и школы при религиозных общинах. Иное дело, что таких организаций очень мало и не все они берутся за обучение глубоко педагогически запущенных подростков.

Итак, мы познакомились с «законными» вариантами доучивания недоученных подростков в нашей стране. Как же обстоит дело на самом деле? К сожалению, практика показывает, что каждый случай подростка с образованием всего в несколько классов оказывается болезненным для всех. В первую очередь, для чиновников от образования. И, конечно, для самих подростков и их родителей. Такое ощущение, что подобные дети становятся тяжким бременем для специалистов, призванных помогать им. Эти дети должны пройти рай-

онные медико-педагогические комиссии (в крупных городах, например, в Санкт-Петербурге, городскую медико-педагогическую комиссию). Эти комиссии, относящиеся к ведомству образования, обязаны в каждом конкретном случае решать образовательную судьбу этих подростков. Справка из комиссии — документ, имеющий обязывающую силу. Игнорировать рекомендации комиссии невозможно, а в случае противодействия за поддержкой можно обращаться в прокуратуру.

Однако определение конкретного образовательного маршрута для малообразованного подростка — это лишь начало большого пути. Настоящая работа начинается, когда великовозрастный ученик младших классов должен будет напряженно учиться в течение нескольких лет. Обычно это всем дается крайне тяжело. Тем не менее, доброжелательность, поддержка и совместный труд всех участников процесса (самого подростка, учителей, родителей и друзей) может быть вознагражден. Мне известен случай, когда 17-летний юноша с образованием 2 класса (душевнобольной, мать забрала его из школы после 2-го класса) в одном психологическом центре с помощью педагогов-консультантов смог подготовиться к сдаче экзаменов за 9-й класс сменного вечерней школы, успешно их сдал и поступил в химико-технологический техникум. Сегодня этот юноша — дипломированный специалист и работает по специальности.

Теперь вспомним и Буратино из сказки о золотом ключике. Все мы знаем, что у потрясающей учительницы Мальвины так и не получилось провести хотя бы один полноценный урок с оболтусом, но славным парнем Буратино.

В отличие от героев этой чудной сказки, мы не должны отступать, а тем более капитулировать перед необразованностью. Другого пути в третьем тысячелетии нет и быть не может. Мы все-таки цивилизованные люди. Да, ситуации, из-за которых взрослые мальчики и девочки имеют всего лишь несколько классов образования, бывают разными. Тем не менее, продолжить учебу просто жизненно необходимо. И для этого нужно использовать все возможности, о которых мы вкратце рассказали в этой статье.

2010

ТАК МНЕ ЗАВИДОВАТЬ ДРУГИМ ИЛИ НЕТ, ДОРОГИЕ РОДИТЕЛИ?!

Именно таким вопросом, заданным 12-летним ребенком своим родителям, закончился совсем недавно один из моих психологических приемов. На прием пришли любящие родители со своим сыном-подростком. По большому счету, они *пока* (они пытались сконцентрировать мое внимание именно на этом слове) ничего страшного в поведении их ребенка не замечали. Тем не менее, они стали переживать из-за падения родительского авторитета, которое, по их мнению, стало проследиваться с начала нового учебного года. В этом мнении и отец и мать были едины. Похоже, это было действительно так. Все неприятные чувства, которые они переживали на приеме у психолога, можно было бы обобщить одним словом – уязвленность. Что же тогда произошло всего за два месяца с начала учебного года с их сыном, если родители так болезненно ощутили ненужность своего авторитета? Что же так быстро смогло уязвить их родительское самолюбие?

Все оказалось очень просто. С нового учебного года в класс пришел новый ученик – ребенок из достаточно обеспеченной семьи, два года живший со своими родителями в США. Естественно, с первых же дней своего пребывания в новом коллективе он стал центром притяжения для большинства одноклассников. Его рассказы о счастливой заморской жизни, его одежда, некоторые «фирменные» ученические принадлежности сделали свое дело. Ребята искренне заинтересовались его личностью и, конечно, многие стали ему завидовать.

Особенно впечатляющим для некоторых одноклассников оказался день рождения этого юного «американца». Его родители постарались на славу. С большим размахом, у себя в шикарной квартире они устроили настоящее шоу для своего ребенка и его новых друзей. И друзья впечатлились, впечатлились по полной программе возможностями своего нового «заокеанского» друга, в том числе возможностями компьютерными и игровыми.

Как вы уже догадались, среди приглашенных на это шоу был и наш юный герой, т.е. мой консультируемый подросток. И у него, так же как и у товарищей, загорелись глаза, закружилась голова, и он тоже стал завидовать, что можно жить «вот так круто». Ну а дальше, как всегда бывает в таких случаях, этот отрок выплеснул хорошую порцию своего восхищения на своих родителей: «Мама, папа, вот как у него, у них там здорово!» Затем поделился своими размышлениями: «Вот бы и мне так, вот бы и мне такое!» И, наконец: «А почему вы мне не можете подарить такой же компьютер, такие же игры? Вам что, слабо купить мне тоже, что ему купили его родители? А еще говорите, что любите меня».

«Вы понимаете, что стало с нашим ребенком! Вы понимаете, что стало с его душой! Теперь он завидует всем ровесникам, у которых есть то, чего у него нет. Теперь он упрекает нас практически по каждому поводу, когда мы не можем удовлетворить очередное его желание», – сетовали на свою горькую жизнь и заодно на своего неблагодарного ребенка эти консультируемые родители. «Где мы сделали ошибку? Мы пытались его воспитывать правильно, силой нашего примера честных и трудолюбивых людей. Чего мы не учли? А может быть, все поколение современных детей такое?» – вот такие вопросы задавали мне эти родители в течение всей нашей беседы. И просили совета: как им дальше воспитывать их ребенка, как отучить его от зависти?

Сразу же прокомментирую этот случай. Во-первых, ничего страшного не произошло со всеми членами этой семьи. Во-вторых, родители этого подростка напрасно себя обвиняют в педагогических просчетах. В-третьих, то, что сейчас переживает этот ребенок, то, какие вопросы он задает своим родителям, и то, как он критикует их, – все это нормально. Да, не удивляйтесь, именно для подростков и нормально. И поскольку с подобными «трагедиями» на прием к психологам приходит все больше и больше напуганных «внезапно проявившейся у их детей завистью» родителей, постольку нам ничего другого не остается, как вместе и без суеты разобраться с этой проблемой.

Итак, завидовать – это, в широком смысле этого слова, желать чего-либо (или кого-либо), чего (или кого) нет у тебя, а есть у другого (других). Зависть, по-видимому, появилась с момента появления самого человечества. Завидовать – это примерять на себя взгляды на жизнь других людей, только примерять страстно и активно. Зависть – это то, с чем человек с начала его сознательного возраста (с 5-7 лет) будет регулярно на своем опыте или опыте других людей сталкиваться на протяжении всей своей жизни, сталкиваться серьезно, грубо, зримо, или сталкиваться, слегка соприкасаясь, скользя по поверхности.

Можно даже сказать и так: человек обречен завидовать. Предвижу массу возражений: «Чушь! Ерунда! Я прожил (прожила) большую жизнь. В этой жизни случилось всякое, и хорошее, и плохое. Но никогда ни я, ни мои дети, ни дети моих детей не завидовали другим людям». И это тоже правильно. Это не противоречит идее изначальной зависти человеческой натуры. Все дело в том, что у разных людей зависть либо полностью осознается, либо осознается частично или переживается только бессознательно.

Почему же вообще люди переживают такое чувство, как зависть? Потому что человек для того, чтобы уверенно чувствовать себя и полноценно жить среди людей, должен постоянно учиться, сопоставлять, сравнивать свою жизнь с жизнью других людей, при этом оставаясь самим собой. Можно сказать, что зависть является одним из вариантов этого человеческого сравнения, только сравнения эмоционально насыщенного, сравнения не беспристрастного, сравнения с соблазнами.

Однако проблема не в самом сравнении вариантов зависти, а проблема (точнее, проблемы) в том, кто завидует. Если человек с раннего возраста учится доверять людям, открыт им всей душой, умеет с ними сопереживать, то у такого человека зависть примет светлый, радостный, добрый характер. Вспомним в этой связи известное выражение «я ему завидую по-доброму». Заметьте, что здесь «я ему завидую» по смыслу приближается к выражению «я

рад за тебя». В итоге получается: «Как хорошо было бы, если бы и у меня со временем все было бы так же здорово, как и у тебя. А пока, дружище, я искренне рад за тебя и твои успехи».

Понятно дело, что такое мудрое отношение к успехам ближнего приходит с возрастом. Понятно, что ребенок и подросток только учатся такой мудрости. И так же очевидно, что если ребенка с малых лет учат откровенно ненавидеть людей, то в дальнейшем ему пережить добрую зависть будет не дано. В противоположность этому у него наверняка сформируется «черная зависть», т.е. такая форма сравнения себя с другим человеком, когда кроме озлобления в связи с его успехами ничего другого ждать невозможно, вплоть до желания его физического уничтожения, или, как минимум, всего того, что с ним связано.

Я думаю, дорогие друзья, что вам уже ясно, к каким жутким последствиям может привести «Черная зависть». Да, да! Например, большинство бесчинств на этнической почве во многом «заквашены» на этой самой «черной зависти». Черная зависть и терпимость людей друг к другу – понятия абсолютно несовместимые.

Значит, вы можете задать вопрос: добрая зависть – это всегда благо для ребенка и подростка? Это то необходимое психологическое условие, без которого нормальное человеческое развитие подрастающего поколения невозможно? Что на это ответить? Во-первых, так круто вопрос ставить не стоит. Можно стать хорошим человеком и без переживания доброй зависти. И вообще, отсюда вовсе не следует, что не умеющим завидовать по-доброму нужно срочно обучаться этому искусству. Во-вторых, как мы уже говорили, зависть – это средство, инструмент познания мира, но не более того. Если средство перерастает свою цель, тогда становится плохо, т.е. если все больше и дольше завидовать другому (желать становиться другим), то незаметно можно потерять, лишиться своего собственного «Я». Завистливый человек убивает свою личность, пытаясь стать другим. И в этом случае разница между воздействием «черной» и «доброй» зависти на человека лишь

во времени. Если при «черной» зависти собственная личность уничтожается мгновенно, то при «доброй» зависти, если ею злоупотреблять, личность разрушается постепенно, исподволь.

Вот в двух словах о происхождении и предназначении такого сложного человеческого проявления, как зависть. Так что, применительно к рассмотренному нами в начале статьи случаю с уязвленными родителями и их завидующему ребенку, взрослым надо пожелать мудрости и понимания текущих проблем их чада. Родителям не стоит принимать всерьез и на свой счет излишне эмоциональные и незрелые «наезды» своих детей в виде беспощадной критики и детских капризов временно очарованных (или зачарованных) отроков. Однако родители при этом обязаны помогать детям творчески перерабатывать свою зависть, не теряя своего лица, т.е. личности. А вот это уже искусство, которому родителям надо постоянно учиться.

Кстати, сетуя на своего ребенка, эти раздосадованные родители из моего примера упрекали его за недостаточное рвение в учебе. В качестве примера, достойного подражания, они восхищались сыном своих знакомых, ровесником их «балбеса», который в те же 12 лет уже многого достиг: «Он посещает три серьезных клуба, уже кандидат в мастера по шахматам и при этом успевает заниматься в музыкальной школе», – в присутствии психолога увещевали они своего сына. Их сын, явно смущаясь, печально слушал нравоучения своих родителей, а затем не выдержал и спросил: «Так мне завидовать или нет, дорогие родители, что-то я совсем запутался».

На этом месте был закончен этот психологический сеанс. Закончим и мы наше повествование и пожелаем всем заинтересованным родителям воспитательски удачных ответов на подобные вопросы.

2005

ПОДРОСТКИ: ГРАНИЦЫ СВОБОДЫ И НЕЗАВИСИМОСТИ

Что позволительно подросткам, а что нет? Где начинается и где заканчивается их свобода? Кто дает или забирает эту свободу? Для нас, правозащитников, тема подростковой независимости и свободы — одна из наиважнейших: ведь в правовом обществе важно соблюдать права всех людей без исключения. Подростки, находящиеся в промежуточном положении между детьми и взрослыми, — это одна из самых бесправных групп, особенно в странах с проблемами дискриминации детского населения. Проблемы детей существуют и в России. Это и домашнее насилие, и убийство младенцев родителями, и педофилия, и воспитание детей в семьях аморальных родителей: алкоголиков и наркоманов. И многое другое из печального списка негуманного отношения к подрастающему поколению.

Есть проблемы и в восприятии обществом желания подростков (одинакового во все времена) чувствовать себя взрослыми и хотеть поступать, как взрослые.

Подростки — это дети 11-18 лет. Есть страны, где в 19 и даже в 21 год люди относятся к подросткам. Но в России в 18 лет речь уже идет о взрослых людях. Многие ученые предлагают всех подростков делить на младших (до 15 лет) и старших (15-18 лет). Это важно помнить, потому что в сознании многих взрослых людей в нашем обществе «настоящие подростки» — это только старшие подростки. Младшие подростки для них — это те же дети, которых зачем-то называют подростками. Кстати, такое отношение к ним поддерживает и государство. Взять, например, наши законы: паспорт с 14 лет, работа с 14 лет, уголовная ответственность с 14 лет. Самостоятельное решение, идти на прием к психиатру или нет, возможно только для подростков 15 лет и старше. До 15 лет это за него решают родители, по Закону о психиатрической помощи в РФ. То есть уже в этом делении подростков на старших и младших возникает своеобразная дискриминация.

Судите сами. Два ребенка совершают тяжкое преступление, допустим, покушение на убийство. Одному из них 13 лет и 10 месяцев, другому только что исполнилось 14 лет. Первый будет перевоспитываться в специальном, но тем не менее образовательном учреждении, второй — отбывать наказание в колонии для несовершеннолетних. Или, если такие подростки захотят подзаработать летом в строительном отряде, первого не возьмут, а второй будет работать.

Главное отличие подростков от детей — они уже не хотят быть детьми, а желают быть взрослыми, то есть жаждут таких же, как у нас, взрослых, прав. В первую очередь — права на независимость, независимость своих суждений, поступков, взглядов на жизнь, в итоге — независимости от нас. Получается «подростковая эмансипация», которую можно сравнить с понятием «женская независимость», «эмансипация». А для независимости им, подросткам, нужна свобода, порой очень много свободы.

Отличия подростков от взрослых такие: во-первых, у них нет еще реального жизненного опыта, который, художественно, имеем мы. Во-вторых, они не желают брать на себя ту самую пресловутую взрослую ответственность за свое поведение и за благополучие близких людей. В-третьих, они ощущают себя во многом неполноценными людьми, так как не имеют материального достатка, который имеем мы. Даже в самом тяжелом финансовом положении мы имеем хоть что-то, они же, как правило, — ничего.

Возникает сразу вопрос: а все ли подростки хотят независимости и свободы? Ответ специалистов — почти все подростки *должны этого хотеть*. Другое дело, как это желание проявляется. Но об этом позже.

Еще вопрос: зачем им это нужно — эмансипироваться от любимых родителей, особенно от тех, которые настроены постоянно заботиться о 17-летних юношах и девушках, как о грудных детях? Ответ — чтобы окончательно завершить строительство собственной личности, чтобы понять, кто же они такие, что им делать в этой жизни, какую правду жизни выбрать, каким богам верить. В жизни каждого человека в «развитых» странах это очень мучи-

тельный процесс. В странах, где люди живут в рамках жесткой традиционной культуры, таких мучений нет или почти нет: там все роли заданы обычаем, чаще всего не подлежащим пересмотру.

Итак, чтобы стать самим собой, нужно перестать быть маменькиным (или папенькиным) сынком или дочкой, заодно учеником или ученицей учителя, тренера, мастера. Перестать не в финансовом плане, а в личностном — как бы на время забыть о всех взрослых авторитетах, о взрослой морали, о той же взрослой правде, а все это выработать в самом себе, основываясь уже на авторитетах своего поколения. Конечно, полностью выкинуть из головы родителей, учителей и близких взрослых практически никогда не получается, кроме тех случаев, когда все значимые взрослые принесли подросткам столько горя и страданий за их короткую жизнь, что они уже давно были выброшены из жизни таких ребят. Но, как бы то ни было, для подростков даже самые любимые родители и учителя уже не стопроцентные авторитеты.

Процесс психологического отдаления обоюдно (и для подростков, и для родителей) в той или иной степени болезненный; основная его характеристика — приближение желания независимости; желание независимости у подростков сопровождается жадой свободы.

Это — нормальные проявления так называемого подросткового кризиса, который у разных подростков выражается по-разному. Плохо, когда подростки совсем не взрослеют и не хотят взрослеть. Так же плохо, когда этот кризис принимает чрезвычайные проявления, уродливые формы или становится явно нездоровым.

Значит, тормозить этот естественный процесс взросления подростков через желание эмансипации и жажду свободы нельзя. Тем более нельзя препятствовать этому процессу. Развитие человека вспять не повернуть. Что же тогда делать взрослым? Как проявлять свои родительские, учительские и прочие воспитательские права по отношению к подросткам, если эти права вообще остаются у взрослых? Как не ущемлять потребности подростков в

эмансипации и свободе, а с другой стороны, не допустить хаоса и вседозволенности? Чем руководствоваться, отвечая на эти вопросы?

Смотреть ли равнодушно на приходящего слегка пьяным после вечерней прогулки, тусовки с друзьями 15-летнего сына? Обращать или не обращать внимание на сплошной мат в общении друзей собственного чада, когда чаду всего 12 лет? Спрашивать или не спрашивать 17-летнюю дочь, куда она опять уходит так поздно и планирует ли вообще возвращаться домой ночевать? Наконец, как реагировать, когда сын или дочь на вопрос, когда же, наконец, ты сядешь за уроки, отвечает, что это, мол, мое дело? Где та самая справедливая родительско-подростковая граница между «мое» и «его»? Где та самая правовая граница, уважая которую мы не оттолкнем от себя наших подростков?

Во-первых, для этого есть законы. Для родителей — ответственности за воспитание своих детей. Для подростков — целый свод законов: Конвенция о правах ребенка, Закон об образовании, закон о комендантском часе для несовершеннолетних, законы о запрете продажи табачных и алкогольных изделий лицам, не достигшим 18 лет, и др. Эти законы обязаны соблюдать и взрослые, и подростки. Они могут быть надежным регулятором в разрешении повседневных проблем, дозволений или запретов подросткам.

Во-вторых, можно руководствоваться надежными семейными или школьными традициями, если они человечны и не ущемляют достоинство людей. Что плохого в том, что в выходные дни соблюдается традиция обедать всей семьей или же выезжать за город для совместной прогулки? Конечно, здесь недопустимо насилие. Если подросток не хочет есть со всеми или ехать за город, это не криминал. Или, допустим, где-то принято, что выпускники прощаются со школой в специально и заблаговременно сшитых для этого мантиях. Смешно, «киношно», но трогательно. Ведь это же память на всю жизнь — одетые в мантии школьники или студенты. Конечно, права некоторых выпускников мо-

гут позволить им заявиться на выпускной вечер в драных джинсах и валенках, но все же... Это о традициях, что же в них плохого или непригодного для подростков?

В-третьих, нужно слушать свое взрослое, родительское или учительское сердце, решая, что полезнее для подростка: удовлетворить его очередное, не очень приятное для нас желание или отказать ему в этом.

Множество конфликтных ситуаций, в том числе очень тяжелых, возникает из-за друзей подростков, режима дня или образа жизни. Каждый раз родители и учителя готовы разрушить дружбу подростков, если она представляется им опасной. Каждый раз возникают «войны» из-за требования родителей вначале сделать уроки, а уже потом заниматься личными делами. Кто-то из взрослых пытается переломить ситуацию, когда подросток «все время бесцельно шляется по улице с такими же гопниками». Дети-подростки упрекают родителей за вмешательство в их личную жизнь, за вечный контроль, за отказ в свободе и реагируют обычно так бурно, что родителям и учителям впредь ограничивать подростков ни в чем не хочется.

А как взрослым поступать, когда на разумные, с их точки зрения, ограничения и запреты подростками те отвечают угрозами типа «тогда я не пойду в школу» или того хуже – «уйду из дома»?

Мы не рассматриваем здесь абсолютно равнодушных родителей и учителей, которым наплевать, что делают подростки, потому что подобное поведение полностью безответственно. Все оправдательные отговорки, мол, пусть ребенок сам набивает себе шишки и учится жить, неприемлемы. Это, как говорят сами подростки, чистой воды «отмазка», желание снять с себя полностью ответственность за несовершеннолетних.

Другая крайность в отношении родителей и учителей к потребностям подростков тоже опасна. Это когда игнорируются почти все подростковые желания: слушать свою музыку, иметь своих молодежных кумиров, заниматься делом, которое нравится, например, школьным театром. Часто родители о таких увлечениях говорят: «Это чужь, это

несерьезно, тебе это не нужно. Надо готовиться к институту, учить математику». Чем иногда кончается такое давление на подростка, прекрасно показано в американском фильме «Общество мертвых поэтов» с Робинсом Уильямсом в главной роли: юноша, ученик «серьезной» школы, страстно увлеченный театром, из-за запрета родителей покончил с собой.

А вот живой пример. Несколько лет назад достаточно просвещенные цыганские родители не пустили в путешествие по Золотому Кольцу своего сына «одного». Мальчик учился в 6-м классе одной из массовых школ Петербурга. Группа была небольшая — 7 человек. С детьми было двое взрослых педагогов. Родители настояли на том, чтобы в путешествие поехала тетя мальчика, для присмотра. Всю дорогу подросток мучился ее присутствием, блокировалась его потребность побыть хотя бы несколько дней с друзьями, без пригляда родных.

Кстати, о потребности подростков побыть одним. Оказывается, это проблема в масштабах страны. Во-первых, многие семьи у нас живут в крайне стесненных жилищных условиях, где для подростка просто отсутствует личное пространство. А если подростку посчастливилось иметь свою комнату, то родители часто без стука и без разрешения входят к нему, хотя подросток просит оставить его в покое и не входить в его комнату без особой необходимости.

Завершая наш разговор, нужно заметить, что общей формулы счастья в воспитании взрослеющих детей нет и быть не может. Однако можно начать с понимания и уважения их потребностей. Это уже немало. Затем нужно попытаться отделить сферу своей взрослой ответственности за них от сферы их личной жизни. Именно в их личной жизни в первую очередь сосредоточена вся эмансипация и жажда свободы.

Обычно подростки, протестуя против взрослых, не покушаются на их воспитательские права, «посланные свыше». А именно: забота о безопасности детей, забота об их здоровье, забота об их законопослушном поведении и успешной жизненной перспективе. Поэтому здесь они все-

таки согласны на разумное ограничение своих потребностей. Но так бывает, к сожалению, не всегда. В тяжелых случаях подростковый кризис выходит из-под контроля, и подростков «несет». Их эмансипация приобретает грубую и нелепую форму: они ведут разгульную жизнь, бросают учебу, становятся юными бандитами, очень ожесточаются, в том числе и против своих близких, пьют, принимают наркотики, вступают в беспорядочные половые связи, занимаются проституцией. Таких детей (напоминаю, что подростки — это все равно дети) нужно, и притом срочно, спасать. Здесь без помощи специалистов (юристов, врачей и социальных работников) уже не обойтись. Но опять же, это только тогда, когда кризис «выходит из берегов».

Как это ни парадоксально звучит, но с точки зрения науки, подростки, протестуя, тем не менее, остро нуждаются в контроле над ними со стороны взрослых, в первую очередь, родителей. Если такой контроль есть, то при всем их свободном и эмансипированном сопротивлении они остаются благодарными, ибо для них быть контролируемыми и опекаемыми взрослыми — значит быть по-прежнему любимыми и желанными, ощущать надежность и стабильность в своей жизни. Правда, не все подростки выражают эти чувства словами.

2010

ЧТО НУЖНЕЕ ВСЕГО ДЕТЯМ?

Ничего себе, скажете вы, вот так вопрос! Можно подумывать, что мы не знаем. Конечно, детям нужны любовь, забота, участие. Дальше продолжим: нормальная семья, нормальные родители. Кстати, желательно еще — нормальные бабушки, нормальные дедушки, нормальные братья и сестры. Наконец, нормальные учителя, нормальные друзья, нормальные люди на их жизненном пути. И это все правильно. Однако и этого мало. Как, скажете вы, что же

еще нужно, если и так полный комплект этих нормально-стей в наличии? А еще нужны некоторые глубоко человеческие понятия: истина, правда, вера. Эти понятия похожи на тех трех китов, на которых, как считали люди в далеком прошлом, держится Земля. Только в нашем случае на этих понятиях в начале строится, а затем держится личность человека.

Вот, к примеру, правда. Все родители хотят, чтобы их дети выросли честными. Все родители хотят, чтобы их дети всегда говорили правду, даже самую горькую. На деле это оказывается не всегда так, как хочется родителям. И тогда они искренне печалются, что их дети вырастают лживыми и двуличными и ищут причины этому в самих детях. «Мои дети порочные, а мы (родители) — честные и правдивые». И часто оказывается, что это не более чем желание самих родителей видеть себя в лучшем свете, чувствовать себя непогрешимыми. На самом деле, многие родители живут двойными стандартами: одна правда для красивых слов и требований ее от своих детей, другая правда — для повседневной жизни. Давайте на минутку себе представим, как это бывает в жизни.

После ссоры с мужем мать выходит крайне обозленная. Семилетний сын спрашивает: «Мама, что с тобой? Ты поругалась с папой?» Возможный ответ: «Нет, милый, с чего это ты взял? Просто у мамы сильно, очень сильно болит зуб».

Еще пример. В гостях, расслабившись, несколько женщин оживленно обсуждают другую женщину, которая, естественно, отсутствует. Перемыывание костей происходит в присутствии 11-летней девочки. Обсуждаемая женщина — мама ее близкой подруги. Девочка возмущена. Потом, когда гости ушли, она гневно спрашивает мать: «Почему, почему ты молчала, когда они говорили такие гадости про тетю Наташу? Ведь ты ее знаешь. Тетя Наташа хорошая! Ведь правда, мама?!»

Увы, из таких примеров соткана наша жизнь. А произрастает эта двойная правда еще в дошкольном и младшем школьном возрасте. Типичные родительские отказы от правды перед ребенком, в первую очередь в младшем

возрасте, связаны с утаиванием сведений об отце, реже матери, еще реже о бабушках, дедушках, братьях и сестрах. «Отцовские тайны» уверенно занимают первое место среди всех тайн, с которыми знаком или еще познакомится ребенок в неполной семье. Причем тайны, связанные как с жизнью отца, так и с его смертью. Вспомним хорошо знакомые нам по многим литературным произведениям и по художественным фильмам трогательные ситуации, когда маленький герой искренне доказывает старшим подросткам, что его отец, например, капитан дальнего плавания, который героически погиб в Тихом океане. В свою очередь, подростки, выслушав исповедь такого наивного малыша, грубо, зло, цинично разрушают его веру в одну секунду: «Что-что? Ах, капитан, говоришь, как герой погиб в Тихом океане? Как «Титаник». Ха-ха-ха! Так вот, папаша твой алкоголик и бомж. За воровство третий раз на зоне. Теперь понял, мелкий? Капитан!»

Так что же делать одинокой маме в такой ситуации? Давайте отделим беспокойство за ребенка от своих собственных проблем и обид, связанных с этим человеком. Отделили? Хорошо. Тогда давайте себя спросим: «Я не хочу ничего говорить моему ребенку об отце, беспокоясь о нем самом, или же я не желаю ворошить свою личную сердечную травму?» Если вы ответили: «Да, это мои личные проблемы!», то подумайте о том, зачем вам перекладывать свои проблемы на неокрепшие плечи маленького ребенка. Ответ очевиден — незачем, да и для душевного здоровья это очень вредно. Ребенок не должен быть губкой, впитывающей материнские (и вообще родительские) страдания. Это запрещено! Тогда остается один вариант. Как сказать об отце ребенку, чтобы это не было травматично? Когда сказать? В каких обстоятельствах это сделать? И, наконец, нужно ли вообще об этом говорить?

Отвечаю последовательно.

1. Говорить об отце (любом другом близком родственнике, имевшем или имеющем прямое отношение к семье и самому ребенку) надо всегда. Надо это делать потому, что есть такое понятие, как образ мира. В центре этого

понятия другое понятие — образ семьи и образ самого меня. Эти образы — как строение, как дом. Представьте себе дом, в котором, например, не хватает крыши. Вы же не стали бы жить в таком доме? А как же ребенок? Нет образа отца — нет той же самой крыши, или окон, или дверей. Значит, для полного строительства детской души ребенок нуждается как в образе матери, так и в образе отца. Нет этих главнейших образов или же они плохо сформированы — нет и нормального образа своего детского «я». Кстати, здесь начинаются многие психологические и психиатрические проблемы в будущей жизни таких «недостроенных» детей.

2. Говорить тогда, когда ребенок будет задавать об этом вопросы. А если нет? — спросите вы. Так не бывает. Рано или поздно ребенок будет об этом спрашивать. Значит, к этому нужно готовиться.

3. Говорить, естественно, соразмерно возрасту и развитию ребенка. Говорить серьезные вещи на его языке.

4. Если нет возможности показать фотографии или даже организовать встречу с живым отцом (не удивляйтесь, дети и об этом вас могут попросить), попытайтесь честно и правдиво создать на словах образ отца.

5. Если с жизнью отца связано много злого, ужасного — не говорите об этом прямолинейно.

Ага, обрадуется кое-кто из вас, дорогие читатели, вот наш психолог и попался. Все-таки есть то, что нужно скрывать от ребенка. Да, естественно! Но речь о другом: у ребенка есть или был отец. Какой-никакой, а отец. Если бы не он, его бы на этой земле не было. Другое дело, что же сказать, защищая ребенка от стресса, связанного с полным знанием о его проблемной личности? Здесь все зависит от возраста. В младшем возрасте это может звучать так: «Я благодарна твоему отцу за то, что у меня есть ты. К сожалению, он был (есть) очень тяжелый человек. И он в своей жизни много наделал глупостей, за что сейчас расплачивается». Старшим детям и подросткам в таком же ключе нужно преподносят полную информацию об отце.

Такие же вопросы-проблемы очень часто застают врасплох родителей и во многих других чрезвычайных обстоятельствах жизни: смерть близкого человека, уход отца (матери) из семьи, тайна усыновления (удочерения) и тому подобное. Тем не менее, во имя своих детей и, конечно, во имя себя правде надо учиться, порой всю жизнь. Зато, получая от вас правду, ваши дети приближаются шаг за шагом к истине (сколько же им еще за свою жизнь шагов предстоит сделать?). А чем ближе к истине, тем прочнее вера. А вера — это стержень души человеческой. Так поможем же нашим детям в создании этого стержня!

2006

НАШИ ДЕТИ И НАРКОТИКИ

Это произошло с моим ребенком. То, чего я больше всего опасался (опасалась) все-таки случилось. Наркотики поразили моего ребенка.

Сегодня поговорим о том, что могут чувствовать нормальные родители, когда факты употребления наркотиков их ребенком налицо. А также о том, как грамотно им реагировать на это.

1. Быть реалистами

Человек так уж устроен, что готов верить до последнего: самые большие человеческие несчастья его минуют. Без веры жить нам нельзя. Надежда умирает последней.

Мы всегда думаем: «Конечно, что-то самое страшное, грозное, то, что происходит с другими, со мной и моими близкими не произойдет. Кто-то, но не мы, заболеет раком. Кто-то, но не мы, сойдет с ума. Кто-то, но не мы, попадет в катастрофу, авто-, авиа- или любую другую. Не мы сядем в тюрьму. Не наши дети будут употреблять наркотики, болеть гепатитом «С» и СПИДом».

Еще раз повторяюсь: это природа-мать позаботилась о нас, снабдив механизмами Веры и Надежды. Без них от множества страхов, связанных с жизнью, мы просто сошли бы с ума – перегрелись бы, как электропроводка.

Так и с наркотиками. Кто-то из родителей уверен: мой ребенок никогда к этой гадости не притронется. А кто-то хорошо помнит народную мудрость: от суммы да от тюрьмы не зарекайся. Так вот, вторым удары судьбы воспринимать значительно легче. Они, эти вторые, себя как бы исподволь, на всякий случай, заранее подготавливают. Подготавливают потому, что они реалисты. Первые же не хотят никакой реальности, она для них как бы не существует. Поэтому и думать о потенциальной опасности не хотят. А раз так – не готовятся. Удары судьбы их застают врасплох.

2. Открытие. Что мы при этом можем чувствовать

И вот оно произошло – открытие, что твой ребенок употребляет наркотики. Жизнь многообразна и непредсказуема, поэтому и открытие это происходит по-разному. В одном случае родители сами начинают о чем-то догадываться, сопоставляя факты, анализируя поведение своих детей: стал воровать, поздно приходить домой, стал «какой-то не такой» – весь напряженный, озлобленный. Таким он раньше не был. Школу бросил. Работу бросил. Девушку любимую бросил. Перестал за собой следить, очень грязный, а раньше всегда чистым любил быть. А глаза-то, глаза! Одни зрачки!

В другом случае добрые люди об этом сообщают: «вой-то (твоя-то) только с этими наркоманами и гуляет. Гляди, быть беде!» Иногда об этом ставят в известность официальные органы, например, милиция. И уж совсем редко дети в этом признаются сами.

Вот тогда все родители остро испытывают самые тяжелые, самые болезненные чувства. Часто эти чувства сложные: страх, ужас, отчаяние, депрессия, гнев, ярость, опустошенность. Например, один отец только на факт общения его дочери, студентки университета, с друзьями-наркоманами отреагировал так. Вначале этот добрейший, интеллигентнейший, но очень темпераментный по нату-

ре человек пережил шок. Потом, дождавшись дочь, схватил большой столовый нож и заорал, что этим ножом он убьет всех ее друзей-наркоманов, а потом убьет себя. Он мне рассказывал: «В этот миг я потерял голову и не ведал, что говорю».

Вслед за этими первыми чувствами появляются другие, более продолжительные переживания: тревога, подавленность, уныние. Одновременно с чувствами появляются злые мысли: как он посмел?! Теперь все, конец! Как же так, почему именно мой сын (моя дочь)? Очень хочется обвинить и отомстить тому, «кто посадил его на иглу». Себя родители винят гораздо реже.

Среди всех «плохих» мыслей всплывает и одна хорошая: что делать, что же теперь делать? Появившись, эта мысль уже не дает покоя ни днем, ни ночью, терзая родительское сознание. И вот здесь наступает самый ответственный момент для родителей. Они должны взять себя в руки и правильно себя вести при первом объяснении с ребенком и последующих разговорах с ним. О том, как это правильно сделать и не наломать дров, мы поговорим в третьей, последней части нашей сегодняшней беседы.

3. Отражение

Самое первое, о чем всегда нужно помнить: *как бы вам ни было плохо, вашему ребенку еще хуже*. Еще хуже оттого, что ему страшно за свое будущее и ему совестно перед вами. Иное дело, что практически все дети об этом вам никогда не скажут – по крайней мере, сразу. Раз так, то основные усилия по спасению ребенка, его вызволению из плена наркотиков лягут на ваши плечи. Без вашего понимания, без вашего соучастия ребенку отказаться от наркотиков практически невозможно.

Второе: важно понять, что *мгновенного отказа от наркотиков не происходит*. Значит, родителям надо запастись терпением. На все нужно время.

Третье. Никаких резких движений. Никаких криков, ругани, проклятий, тем более запугиваний. Это не имеет смысла. Это только может заставить ребенка уйти из дома, хлопнув дверью. Тем более, не стоит напрямую выгонять

ребенка из дома. Это очень опасная игра, которая может закончиться печально. Надежда на то, что подросток сразу же испугается и бросит наркотики, – нелепа.

Четвертое. Глупо делать вид, что ничего не произошло.

Что этим достигается? А этим достигается то, что попавший в беду подросток уверен в том, что ситуация под контролем родителей. Это чрезвычайно важно.

Итак, *взять ситуацию под контроль*.

4. Действия

Сесть и спокойно, но убедительно и твердо заставить подростка срочно с вами поговорить на серьезную тему. Прямо и уверенно сказать, что вам кажется, что сын (или дочь) употребляет наркотики. Сразу же предупредить, что это ваше, родительское мнение, что это ваша, родительская интуиция, внутреннее чувство, – сердце подсказывает, что ваш ребенок употребляет наркотики. Тем самым вы сходу отбрасываете вопрос: «Кто это сказал?». Убедить ребенка, что вы, родители, очень его любите, и поэтому надеетесь на откровенность. Что вы, родители, желаете ему только добра, и что главное, чтобы ребенок вам доверился. Убедить ребенка в том, что с вами он в безопасности. Объяснить ребенку, что это только семейное дело. Успокоить его, что ситуация под контролем. Объяснить, что родители в любом случае будут благодарны ребенку за то, что он им скажет, и не будут его критиковать.

Обычно такая последовательность родительских предложений, изложенных в доброжелательной форме, побуждает большинство подростков рассказать о своей беде с той или иной степенью достоверности, правдивости. Меньшая часть подростков реагирует агрессивно, злобно, с угрозами и требованиями не вмешиваться в их личную жизнь. Не отчаивайтесь. Скажите: «Я понимаю тебя, мой дорогой (дорогая). Это не так просто. Вернемся к этому разговору позже». Обычно этот прием действует.

Потом вы внимательно выслушиваете ребенка – пусть говорит столько, сколько ему нужно! Не перебивайте его. Во время этого непростого разговора, этой исповеди вашего ребенка поддерживайте его всем своим видом. В этот

момент вам нельзя плакать, злиться, причитать, истерично заламывать руки. Старайтесь сесть напротив ребенка и смотреть ему по-доброму в глаза. Это действует. После этого еще раз поблагодарите его за смелость и мужество признания.

Вне зависимости от того, сознается ли ребенок в итоге в употреблении наркотиков или нет, желает он получить помощь или не желает, сообщите ему о том, что он должен проконсультироваться у специалиста-нарколога. Сообщите, что консультация – это всего лишь консультация. Врач выскажет свое мнение. А дальше подросток должен хорошенько обдумать и сам принять решение, согласиться на лечение или нет.

Напоминаю, что наркологическая помощь для несовершеннолетних бесплатная. Однако вашего ребенка поставят на учет в наркологический кабинет. Согласно закону, вся информация о пациентах конфиденциальна, речь идет о врачебной тайне. Анонимная помощь оказывается в платных консультациях. В разных наркологических центрах и больницах разные тарифы.

Вот, собственно говоря, и все. Все, что будет после консультации нарколога, – это уже другая история. И на этом этапе родителям тоже понадобится много терпения и энергии. Но это будет уже потом. А пока – дай вам Бог удачно сделать первый шаг навстречу вашему заблудшему ребенку!

2007

О ЗАВИСИМОСТЯХ И ЗАВИСИМОМ ПОВЕДЕНИИ

О зависимом поведении все чаще и чаще говорят и спорят многочисленные ученые и специалисты. Все чаще произносится слово «зависимость» вместо бывшего «пристрастие», то есть пристрастие к спиртным напиткам, наркотикам и другим химическим веществам. Поче-

му так? Может, старое слово «потребность» просто заменилось на новое красивое и модное слово «зависимость»? Нет! Это не замена.

Зависимость — это в первую очередь поведение. Это особое поведение, необычное поведение человека, направленное на поиск чего-то или кого-то, от которых можно будет зависеть. Вы скажете: «Зачем человеку еще от чего-то или от кого-то зависеть?» И правильно сделаете, если зададите этот вопрос. Обычно взрослый человек — это уверенная в себе, зрелая личность, умеющая мужественно преодолевать жизненные невзгоды. И, конечно же, такой зрелой личности не надо от кого-либо или чего-либо зависеть. Однако есть и такие люди, которым преодоление всяких жизненных невзгод дается с большим трудом. Они быстро выматываются, теряют веру в себя, и на душе у них становится плохо. Причем так плохо, что они уже не могут, как прежде, спокойно существовать. Появившаяся душевная боль не дает покоя. Вот тогда возникает потребность эту душевную боль притупить или даже заглушить. Человек начинает искать способы, как лучше это сделать. И находит. Нужно изменить сознание, сделать его радостным, веселым, беззаботным. Здесь одни выбирают водку, другие — наркотики, третьи — азарт (вождение машины на высоких скоростях с риском для жизни, игровые автоматы, карты). Есть еще одна категория таких людей — им постоянно, ежедневно нужны компании.

Итак, разочаровавшиеся в жизни люди находят «палочку-выручалочку», без которой они уже и жить не могут. Они начинают зависеть от нее: одному каждый день после работы надо «снять стресс» при помощи водки, другому после ссоры с женой надо бежать к другу, а третьему хочется засесть за карты и проиграть последние штаны. Четвертого так все достало, так все окружающие ему надоели, что он предпочитает уколоться вместо того, чтобы что-то изменить в своей жизни. И смотрите, что получается: кто ничего не видит в азарте от карточной игры, кто под кайфом, кто уже спит, приняв сто грамм, а кто-то смотрит телевизор с утра и до утра. Вот это и есть то самое зависи-

мое поведение: человек, убегая от своих проблем при помощи водки, наркотиков и прочего, начинает от них зависеть. Без них, сам, он уже не может ничего изменить в своей жизни. Например, если он взвинчен после скандала с женой, то без водки ему никак не успокоиться. Представьте, как ему, бедолаге, будет тяжело, если водки дома не найдется, напарник не придет играть в карты или телевизор и видеоманитофон сломаются в один день.

Чем опасно зависимое поведение? Ну и что, подумает кто-нибудь, что же такого ужасного в том, что человек после работы выпил сто грамм и три часа телевизор посмотрел? Ответ: если это происходит иногда, просто так, — конечно, ничего страшного в этом нет. Однако если это происходит каждый день, а особенно когда на душе плохо, — это опасно. Почему? Потому что каждый раз, чтобы успокоиться, таким людям нужно все больше и больше водки, больше часов перед телевизором, больше наркотика. И вот наступает такой момент, когда это им становится нужно постоянно. И этому бесконечному «успокоению» незаметно начинает подчиняться вся их жизнь. Теперь их мысли — только о новых способах борьбы с печалью, грустью, скукой и страхом. Им уже не до работы, не до семьи, не до детей. Так рождаются на свет алкоголизм, наркомания и токсикомания, а также многие неврозы, психопатии и депрессии. А истоки этих состояний находятся в детстве и подростковом возрасте, но это уже отдельный разговор.

2010

КАК НЕ СТАТЬ ЖЕРТВОЙ МАНИПУЛЯТОРОВ

Человеческие манипуляции — это способы, приемы, технологии нечестного по своей сути влияния одних людей на других. Влияние корыстное, т.е. связанное с желанием всеми неправдами добиться своего, поскольку честным путем этого не добиться. Короче говоря, это обман

одного человека другим. Манипуляторы – это люди, которые привыкли добиваться своего таким нечестным путем. Манипулируемые – это жертвы манипуляторов.

Приемы манипуляторы используют разные: можно шантажировать, можно угрожать, можно сочувствовать, можно перебивать, можно забалтывать, резко переходить на другую тему. Можно подлавливать потенциальную жертву на его же оговорках. Можно вырывать слово из контекста и говорить: «Ну вы же сами сказали». Короче говоря, способов манипулировать людьми великое множество. Какие-то из них очевидные, легко прочитываемые профессионалом-психологом. А какие-то – почти искусство, которые не всякий профессионал сразу разглядит.

«Как во сне. Это со мной произошло как во сне», – жаловалась мне лет десять тому назад одна пенсионерка – как оказалось, в прошлом прокурор. В тот год она очень бедствовала и продала в музей фамильную ценность – картину известного русского художника. Картиной этой в семье очень дорожили, даже в блокаду сохранили, не продали. Картина была очень дорогой, на эти деньги пожилая женщина могла бы безбедно жить до самой смерти. Однако, получив деньги, она соблазнилась игрой наперсточников. И проиграла, проиграла все деньги. Вот так-то. А еще прокурор.

Иногда и специалистам по роду своей служебной деятельности приходится прибегать к всевозможным ухищрениям – манипуляциям. Например, следователям в работе с подозреваемыми. Да и нам, простым людям, в определенных ситуациях свойственно манипулировать другими людьми. Это особенно часто бывает в каких-либо экстремальных ситуациях. Например, вы опаздываете на поезд. Подходите к кассе, уже готовитесь получить вожделенный билет. Касса должна закрыться на перерыв через 8 минут, но кассир всячески тянет время, пересчитывает деньги, что-то пишет... Вы сильно волнуетесь и начинаете... манипулировать. То угрожаете, то пытаетесь разжалобить.

Манипуляции – это плохо, потому что это нечестно, это подло, это неискренне, это не для друзей. Наконец, за не-

которые виды манипуляций можно и за решетку угодить – сразу на ум приходят наперсточники и подобного рода мошенничество.

Так как же не стать жертвой манипуляции? Для этого надо:

Знать, что такие ситуации возможны.

При любых сомнениях в общении с предполагаемыми манипуляторами прислушаться к своему внутреннему голосу, к своему чутью, интуиции.

Почувствовав что-то неладное, самому брать ситуацию в свои руки и постараться сбить возможного манипулятора с толку. Если вы на правильном пути, то сразу увидите резкие изменения в поведении манипулятора. Он вдруг теряет свою уверенность, начнет волноваться и, скорее всего, быстро с вами распрощается.

В общении с неизвестными или официальными (чиновниками, например) лицами партнеру доверяйте, но и своей головы не теряйте. Соображайте, хотят ли с вами искренне пообщаться или же хотят вас использовать для каких-то своих целей. Всегда думайте об этом и не попадайтесь на незаметные крючки людей-манипуляторов.

2007

КАК МЫ МОЖЕМ ПРОДЛИТЬ СЧАСТЬЕ НАШИМ ДЕДУШКАМ И БАБУШКАМ

Уместна ли сама постановка вопроса об осчастливливании пожилых людей? Да, такая бурно развивающаяся наука как геронтология (наука о старении человека и старых людях) подтверждает правомочность постановки такого вопроса. Точнее, не только подтверждает, но и настоятельно рекомендует всем благодарным и даже неблагодарным детям, внукам и правнукам неустанно, денно и нощно думать об этом и свои думы претворять в жизнь. Почему именно каждый день? Да потому что дней этих в жизни

старых людей остается все меньше и меньше, а субъективно они переживают однообразно и монотонно. Значит, главное, к чему надо стремиться в общении с нашими дорогими стариками и старушками, – чтобы эта монотонность переживалась ими как можно меньше. Чтобы хотя бы немножко эти дни были бы непохожи один на другой.

За счет чего же этого можно и должно достичь? Во-первых, за счет вас самих. Это заблуждение, что все старые люди ворчливые, замкнутые и жаждут одиночества и покоя. Наоборот, это только лишь оболочка, за которой прячется потребность в человеческом общении, пожалуй, еще большая, чем у младенцев. Для особо занятых – даже 10-15 минут, с пользой и самоотдачей проведенные со своими бабушками и дедушками, наверняка пойдут им на пользу. Пожилым людям интересно все, о чем говорят с ними молодые родственники. И о политике, и о новом заводе, и даже о курсе евро. Особенно им интересны сведения из жизни близких им людей. Больше всего скрашивают жизнь пожилых людей самые маленькие дети. Они как волшебный эликсир для своих бабушек и дедушек.

Но не только одно пассивное слушание своих детей полезно пожилым людям. Важно также иметь возможность регулярно делиться своим мнением по самым разнообразным вопросам. Старые люди за свою жизнь накопили большой опыт, и поэтому им важно регулярно кому-то этот опыт передавать. Итак, второе средство от старческого одиночества – предоставление возможности пожилым людям как можно больше и чаще делиться своим опытом с подрастающим поколением, в каком-то смысле – обучать его.

Третье условие счастливой старости – умение близких найти для стариков какое-либо полезное, творческое и сильное дело. Пусть это будет уборка кухонного стола или задание отвечать на определенные телефонные звонки, важные для их детей. Важно в конечном итоге то, что эти уважаемые люди будут ощущать свою причастность к жизни своей семьи, а через нее – и ко всему роду человеческому. В этой связи мне вспоминается практика действенного общения в одном из канадских домов престарелых. По пятницам ровно

в 10 утра в этот центр подъезжает автобус с детьми, кошками, собаками и одним взрослым руководителем. Далее вся эта компания собирается в центральном зале. К этому времени там уже их ожидают, сопровождаемые средним медицинским персоналом, обитатели этого гериатрического центра. Затем в течение четырех часов дедушки и бабушки – с помощью детей-волонтеров и инструктора – занимаются зоопарикмахерской: моют привезенных зверюшек, подстригают и расчесывают их и т.д. При этом все получают ни с чем несравнимое удовольствие и заряд бодрости на целую неделю.

Кстати, о домашних животных. Они очень скрашивают жизнь пожилым людям. Порой это самые близкие для них существа, поскольку, в отличие от детей, всегда рядом, всегда с ними. То же самое можно сказать о птицах, рыбках и даже цветах. Любое проявление жизни очень важно для стариков.

И, наконец, не ленитесь читать старикам и озвучивать текст по телевидению, если это нужно: старые люди, как правило, плохо видят и плохо слышат.

Естественно, все эти приемы «осчастливливания» пожилых людей работают только тогда, когда они чувствуют исходящие от нас любовь и заботу, когда мы стараемся их как можно меньше обижать. Именно тогда они укрепляются в своей вере, что жизнь прожили все-таки не зря и что даже сейчас, будучи немощными, они нужны своим детям, людям, человечеству.

Казалось бы, это простые житейские истины в отношении старых людей. И так понятно, без специалистов. Все правильно, обо всем об этом знают многие, а вот выполняют эти рекомендации далеко не все. Для скептиков и пессимистов хочу напомнить, что все больше и больше людей в разных странах мира доживают до глубокой старости в ясном уме и с завидной для их возраста творческой активностью. И отступают от таких людей всякие склерозы и артриты. И ощущают они себя счастливыми, потому что не одиноки, потому что нужны своим детям и внукам, потому что, оказывается, есть у них еще порох в пороховницах.

СЕМЬЯ И ДЕТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Все люди на Земле желают счастья своим детям. Желают, чтобы дети выросли более здоровыми, чем они, более успешными, чем они, более счастливыми, чем они. Желают, чтобы дети их детей, то есть внуки, преуспели еще больше своих родителей. И поэтому многие считают, что хорошо кормить детей, хорошо одевать детей, хорошо учить детей, хорошо оздоравливать детей – это главные условия для будущего детского счастья. Правда, здесь же они вспоминают, что детей надо еще хорошо любить, хорошо уважать и хорошо к ним относиться. Этого достаточно для строительства детского счастья? Да, именно строительства. Потому, что усилия, которые родители должны прилагать, делая жизнь ребенка счастливой, – грандиозные. Счастье детей – это каждодневный родительский труд. Труд душевный и труд физический. Итак, чего еще не хватает для полного детского счастья, если папа и мама богатые, по-настоящему заботятся о своем ребенке, устроили его в хорошую школу и любят его так сильно, что усомниться в этом трудно? А не хватает часто, оказывается, ребенку хорошей семьи, хороших, теплых, глубоких и человеческих отношений между родителями.

Почему это так? Почему одной любви родителей к нему оказывается мало? Потому что очень долго, порой вплоть до юношеского возраста ребенок воспринимает себя и родителей как одно целое. Ребенку очень долго свойственно свои переживания смешивать с переживаниями родителей.

Вспомните, пожалуйста, как часто мы это слышим: «Не надо мне ставить «двойку», потому что мама обидится на меня». Или: «У папы будет болеть сердце». Здесь надо заметить, что именно в детстве человек обладает самой совершенной способностью наиболее тонко чувствовать других людей и им сопереживать.

Детям, как мы знаем, свойственна искренность – редкий дар, который мы, к сожалению, теряем с возрастом. Иное дело, что детям часто очень сложно говорить о том, что у

них творится на душе. Особенно, когда они чувствуют неблагоприятие в жизни самых близких людей. Поэтому все дети настроены на мир в семье, на счастье в семье. Увы, как мы знаем, часто это оказывается для ребенка лишь только его мечтой, его сказкой. И начинается гибель этой сказки, когда что-то не то начинает происходить с самой важной фигурой в жизни любых детей – с матерью. Та самая мама, которую я очень люблю и которую я очень боюсь потерять, начинает плохо себя чувствовать, начинает часто плакать, начинает сердиться, начинает ругаться с папой. *Что происходит с моей мамой? Может быть, я чем-то обидел мою маму? А может быть (это очень страшно), мама больше меня не любит?*

Представьте себе, что вот такие тревожные мысли появляются в детской голове и такие печальные чувства в детском сердце, когда ребенок впервые сталкивается с родительскими конфликтами. Ребенок, как мы уже говорили, не может все, что он чувствует, выразить «правильными» словами. Но он чувствует, и ему становится жутко.

Если на глазах ребенка отец отчитывает мать, говорит с ней грубо, очень грубо, то для него это критическая ситуация. Как это возможно, почему кричат и ругаются на *мою маму*, это же *моя мама*! Для нормального ребенка мать – это кумир, это идеал, который нельзя трогать!

Особенно страшно, когда на глазах детей отец бьет мать. Нормальная детская психика это переносить не должна и не переносит. Не случайно у большинства людей, совершивших тяжкие преступления против личности, в первую очередь убийство, в детстве их отцы жестоко относились к их матерям.

В практике юристов бывало и так, что отец будущего убийцы избивал его мать, когда тот был совсем еще маленьким, а эта «картинка» впечаталась в его психику на всю жизнь и фактически сделала этого человека монстром. Конечно, не все дети, на глазах которых их отцы жестоко относятся к своим женам, становятся убийцами. Однако полностью бесследно такая семейная жизнь не проходит. Конфликты в семье так или иначе ожесточают детей и

часто делают из них невротиков или психопатов. Людей, которым трудно находить общий язык с другими людьми. Людей, которым трудно находить взаимопонимание со своими близкими. Таким будущим женщинам трудно быть полноценными женами и мамами, а будущим мужчинам трудно быть полноценно любящими мужьями и папами. *Почему трудно?* Потому что вначале мальчики, а затем и мужчины привыкают относиться к женщине как к вещи и руководить ею с помощью силы. Потому что одновременно любить и бить, жалеть и оскорблять, поклоняться женщине и унижать ее – невозможно.

Итак, полное уважение к женщине, к жене, к матери со стороны мужа и других родственников – основа будущей здоровой и счастливой жизни детей. А уже на эту основу, как на фундамент будущего здания, будут прочно оседать безусловная родительская любовь, финансовое благополучие семьи, постоянная забота о ребенке и его хорошее образование.

2005

ОБ ОДНОПОЛОЙ ЛЮБВИ

Раньше голубой и розовый были просто цветами счастливого детства: малыши пели о голубом ручейке и розовом слоне, не пытаясь придать этим простым словам непростой смысл. В наше время даже первоклассники знают, что «голубой» – это мужчина-гей, а ребята постарше в курсе, что лесбиянки – «розовые».

Разные общества с разной степенью терпимости и понимания относились к этому неизбежному, всегда и везде присутствующему явлению – любви людей одного пола друг к другу. Христианская культура (вслед за иудейской) в целом отрицательно относилась к этим людям. В разных странах это проявлялось по-разному: от порицания до тюремного

заклучения. В числе стран, уголовно преследующих таких людей, был и Советский Союз. Еще в 80-х годах прошлого столетия по статье за гомосексуализм были посажены за решетку многие граждане СССР.

Однако к третьему тысячелетию ситуация коренным образом изменилась. Представители сексуальных меньшинств были во многих странах признаны нормальными людьми, так же, как и остальные граждане, защищенными законами, имеющими право, в первую очередь, на безопасность. Во всех цивилизованных странах представителей секс-меньшинств стало запрещено преследовать, унижать, отказывать им в работе и т.д. За ними было признано право быть самими собой, любить друг друга и не опасаться преследования.

Пионером защиты этой категории своих граждан от всех форм дискриминации стала Голландия. Начало этому процессу в США положили несколько громких дел, выигранных гомосексуалами несколько десятилетий назад в разных штатах Америки. В них истцы добивались восстановления на работе, т.к. считали себя незаслуженно уволенными по причине их сексуальной ориентации. Все процессы были выиграны истцами. В Америке, Англии, Испании, Франции и Португалии, как и во многих других странах, признание прав людей с иной сексуальной ориентацией стало делом большой политики: вспомним хотя бы мэров нескольких крупных городов, публично заявивших о своей гомосексуальности, или борьбу кандидатов в президенты, привлекающих на свою сторону голоса геев и лесбиянок.

Казалось бы, восторжествовала справедливость. Почти восторжествовала. Все-таки осталась одна сфера, в которой геи и лесбиянки все еще дискриминируются во многих странах, – часто они не могут официально регистрировать свои брачные отношения. Неофициальные браки – пожалуйста, официально – нет. Во многих европейских странах, однако, постепенно решается и эта проблема, и гомосексуальные пары получают все те же брачные права, что и гетеросексуальные.

Но это все у них, на Западе. А что же у нас, в России? К счастью, теперь геев и лесбиянок не осуждают в судах и не уничтожают в лагерях, как было при Сталине. И все же – православная церковь категорически не приемлет однополые браки и всячески их осуждает. Вспомним, каким гонениям подвергся православный священник, который решился обвенчать двух любящих друг друга мужчин. Официальные однополые браки также запрещены. Попытки гей-прайдов в Москве и Санкт-Петербурге пресечены властями двух столиц. Увы, так, как в Голландии, у нас не получилось.

Наше общество в целом страдает тяжелой гомофобией. Гомофобия – это специальный психиатрический термин, который означает страх перед гомосексуальностью и самими гомосексуалами.

Что же все-таки разрешено в нашей стране отношении «розово-голубых»? Снисходительно-смешливое отношение к популярным шоуменам типа Бориса Моисеева. И все. А тем, кто не в шоу-бизнесе, и вообще не при искусстве, на понимание окружающих надеяться почти не приходится.

Как психолог, я хочу предотвратить ваши страхи, ваше предубеждение против этой категории людей – людей, которые встречаются среди нас, представителей всех национальностей и разных профессий.

Страх № 1: геи и лесбиянки – психически нездоровые люди. Это не так. Вспомним хотя бы известного композитора Чайковского.

Страх № 2: геи и лесбиянки – в половом отношении неполноценные люди. И это не так. Многие из них имеют детей.

Страх № 3: эти люди – маньяки и насильники. И это не так. По уголовной статистике, маньяки и насильники, в первую очередь, люди семейные и ведущие вполне «традиционную» жизнь.

Страх № 4: дружба с такими людьми в глазах других делает вас таким же. Ну, во-первых, что за люди вас будут оценивать? Если глупее вас, то и наплевать. А если это люди умные, то пусть со своим умом сами разбираются в таких вопросах..

Страх № 5: эти люди опасны для детей. Нет! Не более, чем мы с вами. Очень часто путают людей этой категории с педофилами. Но педофилия – это совсем другая проблема.

Теперь уместно прояснить некоторые правовые стороны гомосексуальных отношений. Добровольная любовь двух взрослых людей (однополоая или двуполоая) не наказуема. Когда кого-то к любому виду любви принуждают – это уже насилие и по последствиям своим уголовно наказуемо. Принуждение несовершеннолетних (детей и подростков) к любой форме любви – это преступление.

Кстати, о несовершеннолетних. Как свидетельствуют многочисленные исследования ученых, врачей и психологов, серьезные гомосексуальные отношения у подростков – редкость. Часто речь идет о нежной дружбе, именно дружбе между двумя мальчиками или девочками. Именно такая дружба часто принимается за однополую любовь.

В любом случае, хочу вас предупредить: к любым отношениям подростков между собой нужно относиться крайне не уважительно, осторожно. Если подруга или друг вашего ребенка вам не нравится, то отговаривать их от этой дружбы (вы как родители имеете на это право) нужно крайне аккуратно. Иначе вы рискуете мгновенно испортить ваши отношения, спровоцировать у детей тяжелую депрессию. А подросток, находящийся в печали из-за разлуки с любимым другом (или подругой), – это всегда реальная опасность суицида, т.е. готовности свести счеты с жизнью.

Закончить эту статью мне бы хотелось пожеланиями вам мира, большой человеческой любви и дружбы, не зависящей от цвета кожи, разреза глаз, толщины кошелька и половых предпочтений ваших друзей.

2009

КАК ДОКАЗАТЬ, ЧТО РЕБЕНКУ С МАМОЙ БУДЕТ ЛУЧШЕ

К сожалению, жизнь так устроена, что очень часто воспитательные возможности матери меняются в худшую сторону. Происходит это по разным причинам. Например, мать может тяжело заболеть, или лишиться средств к существованию, или запить с горя. В результате она уже не может, как прежде, заботиться о ребенке и даже любить свое дитя. И вот тогда может встать вопрос о насильственной ее разлуке с ребенком.

На языке юристов это называется ограничением или лишением ее прав материнства. Вроде бы, первое полечче второго. Мать лишают прав на ребенка не полностью, а только на время. А бывает и так, что матери оставляют родительские права, но дальнейшее воспитание ребенка передают, например, отцу. В таком случае ребенок получает или отца, чаще всего с его новой семьей; или приемную семью, в том числе и зарубежное усыновление или удочерение; или опекунов, от родственников до посторонних людей; или устройство в дом ребенка или детский дом.

У всех на слуху непутевые папаши, жестоко обращающиеся с близкими, злобные алкоголики и злостные неплательщики алиментов. Но и женщина, если она крепко не стоит на ногах и у нее возникают воспитательные проблемы, запросто может лишиться ребенка.

Теперь нужно уточнить, что значит «женщина крепко стоит на ногах». Во-первых, она грамотна и знает законы. Она имеет свое благоустроенное жилье. Она сама зарабатывает на жизнь. Она не больна неизлечимой болезнью и не является тяжелым инвалидом, т.е. недееспособным человеком. Плюс к этому, она не должна находиться в местах лишения свободы, а лучше и вообще никогда не привлекаться к ответственности правоохранительными органами, не быть алкоголичкой или наркоманкой. Соответственно, женщина без жилья, без регистрации, без документов, без денег, больная, сидевшая, пьющая с

большой долей вероятности лишится своего ребенка. Насильственно разлучают мать и с младенцами, и с детьми более старшего возраста.

Кто-то может сказать: все правильно. Сама виновата, что до такой жизни дошла. И вроде бы все по закону. Не могут такие матери воспитывать в подобных условиях детей. Где они с ними будут жить? Чем будут кормить? Как будут за ними следить? В общем, закон говорит: не можешь создать условий для ребенка – отдай его тому, кто может. А если таких людей нет, то ребенком займется государство. Вот так все сурово. И психологи, и врачи тоже вроде бы говорят, что так будет лучше.

Все по закону. О чем, казалось бы, говорить? А дело в том, что все не так просто, не так однозначно. Самое главное, что большинство таких матерей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, любят своих детей, не обижают их, а их дети привязаны к ним. Привязаны настолько, что готовы вместе со своими матерями переносить все тяготы и лишения жизни. И как показывает опыт, переносят стойчески, по-спартански.

Этих женщин категорически нельзя путать с другими женщинами, которые случайно, против воли стали матерями. Они порой не только не любят – они ненавидят своих детей. Они относятся к ним пренебрежительно и жестоко. Однако для юристов и чиновников из органов опеки и попечительства принципиальной разницы между такими разными матерями нет.

Изгнанная жестоким самодуром-мужем с маленьким ребенком из дома, несчастная мать очень часто вынуждена скитаться, жить у случайных людей, перебиваться случайными заработками. Соответственно, у нее нет возможности устроить своего ребенка в ясли, садик или школу. Она глубоко страдает из-за своего положения, одинока в своем несчастье и, к сожалению, зачастую на самом деле не может обеспечить заботой своих детей даже по минимуму.

И фактически она признается такой же неспособной, не имеющей права в дальнейшем воспитывать своих детей, как и мать-детоненавистница. У нее так же насильно отбирают детей. Если кто-нибудь когда-нибудь был свидетелем

этого действия, то, я думаю, этот ужас он запомнит на всю жизнь. Это, знаете ли, все равно, что резать по живому. И здесь совершенно неважно, в каком возрасте находятся отбираемые у матери дети. Страдания младенца, страдания дошкольника, страдания младшего школьника или подростка – это прежде всего страдания человека. И размышлять на тему, когда, в каком возрасте и при каких обстоятельствах разлучаемый с матерью ребенок будет страдать меньше, а когда больше – безнравственно.

Нелепость в том, что даже люди, наделенные властью разлучать матерей с детьми, это признают, но приводят довод, который считают самым веским и оправдывающим их решение: «Так детям будет лучше». Ребенок будет жить с отцом. Отец бизнесмен, обеспечит всем необходимым. Или: ребенок будет жить с бабушкой и дедушкой в домике, в экологически чистой деревне, на молочке и масле. Или: что плохого, если малыш будет счастливо жить в солнечной Испании, например, и быть четвертым и самым желанным ребенком в богатой семье. На самом деле, что плохого в международном усыновлении, если оно было сделано честно и ребенок попал к добрым людям. Да в том же современном детском доме есть все, что нужно ребенку-сироте – порой даже больше, чем имеет ребенок в обычной семье. Вот только отобранному от матери ребенку без нее живется плохо и в хрустальном замке, и на берегу молочной реки с кисельными берегами. Он тоскует, он грустит без нее. А на своих «благодетелей» смотрит как на палачей. И очень часто благодетели быстро разочаровываются в своем новом «счастье», потому что эти дети, подрастая, все сильнее и сильнее начинают протестовать против людей, которые поломали им жизнь, разлучив с самым дорогим человеком – матерью.

Зачастую этот протест может принимать и такие крайние формы, как хулиганство, бандитизм, алкоголизм и наркомания. Опыт многих сотрудников детских домов и приютов свидетельствует, что основной причиной частых побегов воспитанников этих сиротских учреждений является их тяга к дому, к матери. И этого ничем не остановить.

Опять же – и эти проблемы известны судьям, принимающим решение о разлучении матери и ребенка. И тем

не менее, главный довод – «так ребенку будет лучше» – почти всегда побеждает.

Теперь несколько соображений и рекомендаций. Если все-таки, не дай Бог, нечто подобное произойдет, то:

Не стоит отчаиваться.

Уверенно убеждайте чиновников в том, что вы очень любите своего ребенка, а он любит вас, и что ваша ситуация временная.

Предлагайте чиновникам получить подтверждение ваших слов у ваших друзей и знакомых, и у других чиновников – воспитателей, учителей, врачей и т.п.

Принимайте любую помощь, которую могут вам предложить, – консультации врачей, устройство ребенка в ясли, сад, школу и т.д.

Просите дать вам испытательный срок на разрешение своей жизненной ситуации.

Просите поддержки у этих же чиновников – помощь в прописке, трудоустройстве, бесплатном лечении и т.п.

В крайнем случае, соглашайтесь на временное (до получения жилья, например) определение ребенка во временное государственное учреждение социальной защиты (в приют).

До последнего, даже через повторный суд, боритесь за своего ребенка, даже если уже будет принято решение о лишении вас родительских прав.

И самое главное, не боюсь еще раз повториться, убеждайте и убеждайте всех в том, что только вы сможете по-настоящему воспитать своего ребенка, что *с вами ему будет лучше!*

Будем надеяться, что в связи с национальными проектами по стимуляции рождаемости, качественной заботе о детях и матерях наступят те времена, когда женщине-матери, оказавшейся в сложной жизненной ситуации, будет оказываться государственная помощь в решении ее проблем. И в результате этой помощи не будет у государства больше поводов для разлучения матери и ребенка. А пока нужно быть готовым к подобным ситуациям и не давать себя и своего ребенка в обиду. Лучше, чем с вами, ему нигде не будет!

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ЖЕРТВАМИ НАСИЛИЯ

Мне выпала честь побывать с группой посланцев нашего города в Швеции и в Финляндии 10-17 октября 2010 года по приглашению Совета Северных Стран. Цель поездки — поучиться тому, как можно на государственном и негосударственном уровнях предотвращать семейное и детское насилие и как не допускать проституцию. А если эти явления уже есть, как вовремя оказывать помощь пострадавшим.

Во время поездки мы посетили 13 организаций. Все они специализируются по проблемам: проституции; женщин, переживших семейное насилие; женщин — мигранток и эмигранток; по защите детей от насилия. Все эти организации очень нужны. Большая часть НГО получает финансовую поддержку от самого государства (это называется «покупать социальные услуги»).

Лично на меня особенное впечатление произвела финская негосударственная организация «Протукиписте», созданная 12 лет назад двумя бывшими гражданками России. Здесь работают четыре профессионала (директор, два социальных работника и психолог), остальные сотрудники — волонтеры. Их задача — оказывать действенную помощь «иностранцам» жительницам Хельсинки (но если будут обращения из других регионов Финляндии, то и им тоже), которые находятся в тяжелой жизненной ситуации. А таких ситуаций много. Одна из них произошла прямо на наших глазах. Утром этого дня из маленького городка, находящегося на севере Финляндии, позвонила заплаканная русская женщина. Она рассказала, что семь лет назад она вышла замуж за финна, переехала в Финляндию, но не смогла выучить язык своей новой родины даже на самом низком уровне, не работала, не училась — пыталась быть домохозяйкой. Недавно гостила у матери в России, а когда вернулась в Финляндию, муж встретил ее на крыльце дома следующей фразой: «Возвращайся туда, откуда приехала. Я подал на развод. Свободна! Ты больше не жительница

Финляндии». Вынес на порог чемоданы и захлопнул дверь. Вот она и плачет: «А что мне делать? У меня же нет ни одного евро».

Сотрудники «Протукиписте» объяснили, что местный социальный работник организует переезд этой женщины в Хельсинки, а они ее встретят, поселят в шелтер, окажут психологическую помощь. Оказывается, у этой женщины есть право остаться в Финляндии — муж ее просто обманул. Женщина должна пережить свое кризисное состояние, а потом принять решение. В любом случае, она будет чувствовать, что она не одна со своей бедой.

Какие же выводы я сделал из всего увиденного и услышанного?

Когда хочешь помогать людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, помогай им от всей души и не делай никаких исключений типа «цыган», «проститутка», «законченный наркоман», «деградировавший алкоголик», «вонючий бомж» и т.п.

Никаких оправданий в отношении насилия в семье против любых женщин, детей быть не может. В этой связи массовая истерия в нашей и финской прессе по поводу на шумевшего случая о наказании «шлепком» мальчика от смешанного брака и последующей его эвакуации в финский социозащитный приют нашим финским коллегам непонятна и вызывает у них только недоумение. Насилие против ребенка — оно и есть насилие, без смягчающих обстоятельств (мама, мол, была сильно взволнована и потому сорвалась).

Проституция — это плохо. Проституция — это зло, от которого страдают в первую очередь сами проститутки. И все они нуждаются в помощи. Среди них очень много обманутых девушек и женщин, которые выезжали на Запад работать нянями или сиделками, а оказались в итоге в порнобизнесе без всяких прав, зачастую, без паспортов и денег. А это уже рабство. Особая ситуация, когда в порнобизнес вовлекаются несовершеннолетние. За это в скандинавских странах автоматически предусматривается уголовная ответственность.

Итак, это и есть мои главные впечатления от поездки. А теперь поговорим о том, надо ли нам заново открывать Америку и изобретать велосипед. Ведь бывает так: когда на Западе что-то хорошо работает, а мы тем не менее заявляем – сами, мол, как-нибудь справимся, свои придумаем законы и будем защищать «наших людей». Законы придумываются, возможно, хорошие, а вот реализация их не получается. Поэтому очень хотелось бы, чтобы:

1) разные категории несчастных людей, независимо от их материального положения и легальности пребывания у нас в стране, равновелико получали бы в момент своих страданий реальную помощь в России.

2) всяческих разночтений, включая религиозные, на тему «оправданных исключений» для физических наказаний детей и жен просто бы не было.

Никто, никогда, нигде и ни за что не должен физически наказывать детей. Нельзя наказывать детей и психологически, ибо физическое и психологическое наказание – суть одна, насилие.

Равным образом не может быть никаких оправданий любому насилию против женщин, даже если они не жительницы России, даже если они проститутки. Среди проституток очень много по-настоящему несчастных людей, которым уже сейчас нужна человеческая любовь, помощь и поддержка.

2010

ЖЕРТВА НАСИЛИЯ НУЖДАЕТСЯ В ПОМОЩИ

Сегодня мы с вами поговорим о том, о чем говорить якобы стыдно. О том, как люди должны реагировать на мужчин, подвергшихся сексуальному насилию.

Эта статья – ответ на письмо одного из наших читателей, в котором он сообщает нам о трагедии, случившейся с молодым цыганом, вернувшимся к себе домой из мест заклю-

чения. Никто не захотел с ним общаться. Повод – банально печален. На зоне этот молодой человек был изнасилован. Об этом по «цыганской почте» узнали земляки. Увы, так уж жизнь устроена. Дурная весть всегда опережает хорошую. Итог – парень покончил с собой.

Своим письмом наш читатель обозначил чрезвычайную и крайне серьезную тему, которую до сих пор не принято поднимать. Она как бы есть, но в то же время ее вроде бы и не существует. То есть неясно, как к ней относятся все те, кто обладает соответствующей властью и формирует общественное мнение. От власти зависит официальное осуждение этого постыдного явления и суровое наказание виновных – насильников, а от общества – отношение к жертве.

Вообще-то проблема насилия над мужчинами, и молодыми, и постарше, – традиционная проблема закрытых учреждений. К ним относятся следственные изоляторы, тюрьмы, армейские казармы, военные училища и т.д. В них традиционно, «по странному стечению обстоятельств», никогда не создавались условия для обеспечения безопасности взрослых мужчин от сексуальных посягательств других заключенных, солдат, офицеров и т.д. Скорее, эти посягательства исторически всегда поощрялись и даже использовались начальниками (в следственных изоляторах, в тюрьмах, в армии). В других закрытых местах об этом просто не принято говорить, да и самую очевидную информацию, уже давно ставшую достоянием народной гласности, принято отрицать.

Во всех этих учреждениях мужчина бесправен, то есть он абсолютно не может рассчитывать на какую-либо защиту. Он ограничен стенами закрытого заведения. В армии эти стены потоньше, там все-таки можно попытаться убежать, а из тюрьмы побег практически невозможен.

Теперь о тех, кто стал жертвой мужского сексуального насилия. Есть установившееся мнение, что это только слабые люди. На самом деле это далеко не всегда так. Физически слабые иногда могут откупиться большими деньгами, чтобы их не изнасиловали или, по-тюремному,

не «опустили». И наоборот, физически сильные, богатырского сложения мужчины могут быть изнасилованы. Хотя бы для того, чтобы сломать их волю. Их могут сначала забить до полусмерти, а затем в бессознательном состоянии изнасиловать.

И наконец, об истоках презрительного отношения к изнасилованным мужчинам. Эти истоки – тюремные. «На зоне» изнасилованный («опущенный») – самый последний изгой, он словно не человек. Ему не подадут руки, с ним не сядут за один стол. Якобы, он это все заслужил – заслужил только тем, что его бесчеловечным, дьявольским образом унизили.

Соответственно, люди на воле, отрицательно относящиеся к изнасилованным мужчинам, желают они этого или нет, поддерживают эти тюремные отношения. То есть они думают, что их дом, город, улица – это одна большая зона, тюрьма. Согласитесь же, уважаемые читатели, это обидно, когда вдруг выясняется, что в своей обычной жизни ты живешь по уголовным понятиям.

Сейчас вся наша страна в едином порыве обрушилась на педофилов. Насильники детей (мальчиков и девочек) с точки зрения народа достойны только смерти. При этом уже куда с большей терпимостью относятся к насильникам женщин, если только жертву при этом не убивают. А как относятся к насильникам мужчин? «Это не наша проблема. Это их, изнасилованных, проблема». Что же получается? Одних граждан насиловать категорически нельзя, потому что они еще в юном возрасте, а других, получается, можно – они уже взрослые?

Законы, конечно, запрещают насиловать всех граждан, от мала до велика, вне зависимости от цвета кожи и вероисповедания. Но вот только в отношении систематически насилуемых в тюрьмах мужчин они почему-то не действуют.

Заканчивая краткое описание проблемы с изнасилованием мужчин, мы должны понять следующее. Для цивилизованного человека сознательное унижение другого человека просто невозможно. Невозможна любая форма

унижения, независимо от возраста и пола. Сексуальное насилие является самым тяжким, самым греховным способом унижения человека. И поэтому насильники – это всегда нелюди. Пострадавшая сторона – это всегда жертва, этот тот человек, который достоин любви, сочувствия и человеческой поддержки. Кроме того, он нуждается в специальной помощи. Поэтому все симпатии должны быть на стороне жертвы. И наоборот, все антипатии, вся ненависть и презрение должны быть направлены на насильника. Высмеивать же пострадавшего и объявлять ему бойкот – так могут вести себя лишь те, кто согласен с насильниками, маньяками и вырожденками.

Теперь о помощи специалистов. У человека, пострадавшего от сексуального насилия, подобное событие навсегда из его души не уходит. Очень часто человек пытается забыть этот кошмар, как страшный сон. Но даже если он это событие забывает, это вовсе не значит, что он от этого воспоминания избавляется. Нет! Оно «оседает» на дно его памяти. И уже оттуда в течение всей жизни дает о себе знать, но уже в других формах: через страхи, депрессию, через сердечные болезни, алкоголизм, наркотики и т.п. Ибо это переживание порождает своеобразную «язву», которая с каждым днем становится все больше и больше, пока не разъест душу, а затем и тело. Именно для таких людей чрезвычайно необходима помощь психотерапевта. Врач как профессионал поможет страждущему справиться с душевной болью, вернуть нормальное расположение духа и заново почувствовать себя полноценной личностью. Главное – убедить пострадавшего в том, что эта помощь ему необходима и получить ее надо как можно быстрее.

А до этого нужно оказывать ему постоянную моральную поддержку, убеждая его, что он для вас и всех друзей и близких остается таким же желанным и любимым, каким был до трагедии.

ПЕДОФИЛИЯ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В последнее время в нашей прессе и на телевидении тема педофилии очень активно обсуждалась. Высказывались очень резкие мнения — о том, что к педофилам нужно применять самые суровые наказания, вплоть до смертной казни. Давайте попытаемся понять, что правда, а что ложь в разговорах о педофилии, чего и кого надо опасаться, где речь идет о необоснованных страхах, нелепых фантазиях и просто мифах.

Проблема педофилии не нова — примеры сексуальной эксплуатации детей, как бы мы назвали это сегодня, известны с древних времен и были распространены и на Западе, и на Востоке. И лишь совсем недавно, в XX веке, человеческая жизнь была признана уникальной и высшей общественной ценностью, а жизнь ребенка — наивысшей. Поменялись законы — и международные, и государственные: они стали призывать защищать детство, в том числе и от различных форм сексуальных посягательств. Так почему же и до сих пор существует явление, именуемое педофилией, т.е. страстью (психической, физической и сексуальной) к детям?

Причин несколько. Бывает античеловеческое поведение некоторых родителей и близких родственников, которые ничего дурного не видят в том, что кто-либо из членов семьи или друзей, в том или ином варианте, воспользовался их собственными детьми. Есть такие родители, которые искренне считают, что, подкладывая свою 13-летнюю дочь в постель к ее очень богатому 50-летнему двоюродному дяде, мать не делает ничего плохого. Наоборот, девочка как сыр в масле будет кататься с таким дядей: и денег даст, квартирой обеспечит, а заодно и нищую маму поддержит. Существуют несчастные люди, которые, перенеся психическую травму в раннем детстве, так и не смогли сформироваться в полноценных женщин и мужчин. Кроме того, есть так называемые «серийные маньяки» — это глубоко личностно

деформированные люди, для которых сексуальное насилие против детей — месть всему роду человеческому, месть всем молодым девушкам, всем детям. И очень драматичная по своему происхождению причина педофилии у тех, кто стал педофилом, потому что сам в детстве был жертвой сексуального насилия.

Проявления педофилии могут быть разными. В одних случаях это подглядывание за обнаженными детьми, в других — прикосновения к их телу, в-третьих — различные манипуляции с их телом, в-четвертых — собственно сексуальное насилие. Бывает, что взрослые «случайно» ходят голыми перед детьми, или манипулируют перед ними своими гениталиями, или заставляют детей делать это.

Отвратительной формой массовой педофилии является детская проституция. В этой связи хочется напомнить, что дети по законам Российской Федерации — это люди до 18 лет. Очень печально порой бывает слышать о том, что 15-16-летняя жертва проституции — девочка, например, «сама виновата в том, что стала такой». Порой такие взгляды имеют даже некоторые официальные лица: милиционеры, педагоги, врачи, т. е. те люди, которые первыми должны встать на защиту подростков, пострадавших от всякой взрослой сволочи.

Случиться насилие над детьми может везде, однако чаще происходит все-таки при особых условиях: в темное время суток, на пустырях, в лесопарковой зоне, в зланных развлекательных заведениях — клубах, барах и т. п. В ситуациях, когда маленькие дети надолго остаются без присмотра на игровых площадках или даже возле дома. В закрытых детских коллективах типа интернатов. В неблагополучных, анормальных семьях, особенно если родители пьяницы или наркоманы, — в таких семьях контроль за детьми значительно ослаблен или отсутствует вовсе.

Следовательно, благополучие детей — это, в первую очередь, ваше пристальное внимание и забота о них на протяжении всей их детской жизни. Это постоянный контроль за их безопасностью во всех смыслах этого слова. Это постоянное обучение тому, как не стать жертвой, в том числе

и сексуального насилия, в любых обстоятельствах: в школе, на площадке, в городе, в походе, на отдыхе. Важно помнить о том, что жизнь всегда была, есть и будет насыщенной различными опасностями. И здесь важно создать нашим детям максимальные условия безопасности.

Последнее: об опасениях, страхах, фантазиях и мифах. Не каждый воспитатель, или учитель, или тренер, искренне обнимающий в минуты радости своего питомца, — педофил. Хотя ваше право попросить его этого не делать. Не каждый воспитатель детского сада или учитель младших классов — мужчины — потенциальные педофилы. Ведь раньше педагогами и старших, и младших классов были только мужчины. Хотя ваше право требовать воспитателя или учителя — женщину. Если, например, ваш 10-летний сын боготворит своего тренера по футболу или 14-летняя дочка задерживается в школе, беседуя о творчестве с молодым учителем живописи, то это вовсе не означает, что вашего ребенка уже начали сексуально соблазнять. Хотя ваше право требовать от педагога не задерживать ребенка дольше положенного времени.

Не каждая компания молодых людей, в которой большинство — совершеннолетние парни и девушки, отправляясь за город или на пикник, может стать причиной изнасилования вашей 16-летней дочери. Хотя ваше право и ваша обязанность оценить степень подобного риска и в соответствии с этим принять правильное родительское решение. И уж тем более, откровенными мифами являются представления о том, что практически каждый рабочий-мигрант может быть педофилом. Или же вера в сексуальную опасность душевнобольных людей или бездомных.

Конечно, не надо поддаваться слухам и массовому психозу, когда взрослые начинают пугать друг друга маньяками, которые бродят по городу. С другой стороны, ни один из случаев сексуального использования детей не должен оставаться безнаказанным. Само же наказание педофилов, конечно, должно быть не кратковременным, а долгим, с применением медицины и психиатрии. По выходе же их из

мест заключения за ними должен быть установлен настоящий систематический надзор с обязательным включением в него психиатров, сексологов и психологов.

Пусть эти проблемы никогда не коснутся ни ваших детей, ни всех детей на Земле. Удачи вам и трезвой оценки ситуаций, имеющих, возможно, отношение к педофилии. Если что-то подобное вас смущает, обращайтесь к специалистам: психологам и психотерапевтам. Если же вы уверены, что сексуальное насилие против ребенка произошло, ваш долг – обратиться в милицию.

2009

ПСИХОЛОГИЯ СПИДА, ИЛИ ЧЕГО МЫ БОИМСЯ, УСЛЫШАВ ЭТО СТРАШНОЕ СЛОВО

Мы много слышим о том, что СПИД – это страшное заболевание. Мы много слышим и о том, какие «страшные» люди болеют этой болезнью: наркоманы и прочие. Наконец, мы слышим о том, как стремительно СПИД распространяется по планете. Уже говорят о десятках миллионах людей, пораженных этой инфекцией. Кстати, говорят, что их больше всего в Африке, немного в Америке и уже много у нас в России. И чем больше говорят, тем больше нагоняют на нас страхов: страх смерти, страх заражения, страх прикосновения и еще много-много других. Ведь человеческая фантазия неистощима. Но нам нужно научиться не бояться того, чего бояться не нужно. А здесь без психологии никак не обойтись.

Итак, психология СПИДа – это как бы три отдельных психологических раздела:

1. Влияние самой болезни на психологию человека.

СПИД – тяжелая инфекция, в конечном итоге поражающая все органы и системы организма. Нервная система тоже переживает тяжелейшие изменения. Эти изменения сказываются и на человеческой психике следующим об-

разом: человек теряет энергию, т.е. его нервная система истощается; раз так, то человеку становится труднее думать, запоминать и напрягать свою волю; это делает человека все более возбудимым и раздражительным; в конечном итоге человек впадает в депрессию – состояние глубокого и длительного сниженного настроения; при этом, как правило, нарушается сон, аппетит и появляются всякие «нехорошие» мысли, страхи.

2. Что думает о себе больной СПИДом человек?

В первую очередь он думает о том, что о нем могут подумать люди, когда узнают, что он «подцепил эту заразу». И эти думы, увы, очень печальные: «Я изгой, монстр, я чудовище, я прокаженный». «Теперь все будут сторониться, избегать или убегать от меня». «Я не буду работать – не возьмут никуда, даже мусорщиком». «Родные и друзья мгновенно меня забудут». «А впереди у меня неминуемая и мучительная смерть».

3. Что думают здоровые люди, слыша слово «СПИД» и сталкиваясь с людьми, больными СПИДом. Что же мы, здоровые, больше сочувствуем этим людям или больше боимся их, или даже ненавидим? Как показывает жизнь, мы их больше боимся, а в последнее время и все больше ненавидим. Почему же такое происходит? Почему из множества болезней, к которым мы относимся с пониманием и сочувствием, есть одна, которую мы воспринимаем как лютого врага? Воспринимаем настолько сильно, что отвергаем наших ближних, которые этой болезнью заболели?

Психология пытается на этот вопрос ответить следующим образом: *все дело в общественном мнении*. Ведь общественное мнение – это как монета, у нее две стороны – орел и решка. Мы помним из истории ситуации, когда общественное мнение работало на благо человечества. Вспомним хотя бы так критикуемую нашей прессой «оранжевую революцию» в Украине. Не захотел больше украинский народ прежнюю власть, вышел на площади, и победило ... общественное мнение! Но мы помним и другой сюжет из истории. Когда-то в 30-х годах прошлого столетия вся Германия поверила в триумф «самой

чистой, самой избранной» арийской расы. И общественное мнение Германии породило страшнейшее чудовище, дьявола – фашизм!

Отсюда, говорят психологи, наиглавнейшее свойство общественного мнения – его *заразительность*. Почти как при вирусных летучих инфекциях, например, при гриппе: кто-то чихнул на тебя, ты чихаешь на других... Так и с общественным мнением. То оно поворачивается в добрую, а то в злую сторону, как при порывах ветра.

То же самое произошло и со СПИДом: что-то слышали, что-то видели, что-то читали, а что-то подумали и поделились думками с близкими и друзьями. И пошло-поехало, началась эпидемия страха, страха СПИДа. И уже никому не остановиться. А когда страшно, страшно до жути, то хочется бежать без оглядки, или наоборот – атаковать источник страха.

Много лет назад в Польше в одном маленьком поселке, точнее, на хуторе, состоящем из одного дома, произошла трагедия. Узнав о том, что произошло, вы поймете, что это была трагедия даже не одного хутора, а всей Польши – прекрасной страны, где почти все население – христиане-католики.

А произошло следующее. Большая и известная во всей Польше общественная благотворительная организация «Монары» построила на этом хуторе дом, в котором поселились несколько молодых мам, католичек, со своими грудными детьми. Правда, мамы эти были не простые, да и детишки тоже. Все они были носителями ВИЧ-инфекции. Здесь, я считаю, самое время всем нам вспомнить, что СПИД – это болезнь, а ВИЧ – это только выявленный вирус иммунодефицита у человека, и станет ли этот вирус причиной заболевания конкретного человека СПИДом или же все обойдется, – это пока науке неизвестно.

Так вот, тихо, мирно и трудолюбиво жили на этом хуторе молодые мамы со своими детишками, жили и никому не мешали. Жили одной дружной семьей, зарабатывали на жизнь тяжелым сельскохозяйственным трудом, любили и воспитывали своих ребятишек. Никто не знал, что с ними

и с их детьми «не так». Но, увы, со временем информация все-таки просочилась. Местные христианские активисты в ужасе прибежали к ксендзу, чья главная забота – печься о своей пастве, и добродетельной, и грешной. Ксендз перепугался, а, перепугавшись, на проповедях взбудоражил общественное мнение.

«Зараза» распространилась по поселку с быстротой молнии, и народ, ведомый этим католическим батюшкой, пошел в «крестовый поход против неверных» – несчастных мам с их детьми. Дойдя до их дома, одуревшая толпа орала и угрожала, затем в окна полетели камни, а потом и дом подожгли.

Как это похоже на еврейские погромы в прошлом или на поджоги цыганских поселений в настоящем! К счастью, в Польше не дошло до смертоубийства невинных мам и младенцев. «Сжалилась» толпа, дала им возможность убежать. Видимо, остался хоть островок разума в беснующемся океане ненависти этих верующих людей, последняя капелька совести в их сердцах.

К сожалению, обществу до сих пор свойственно порождать злые идеи, и идеи эти страшно заразительны. Заразившись ими, люди переживают сильный страх и ненависть ко всему, что связано со СПИДом, и в первую очередь – к больным и просто инфицированным людям (для большинства в обществе заразившиеся ВИЧ-инфекцией и больные СПИДом – одно и то же).

Так давайте перестанем бояться того, чего бояться не нужно.

1. Бояться не нужно прикосновений таких людей и к таким людям.
2. Бояться не нужно выдыхаемого ими воздуха.
3. Не нужно бояться сидеть с ними за одним столом, пользоваться одной кастрюлей, одним чайником и т.п.
4. Давайте помнить, что эти болезни передаются только половым путем или через инъекции. И больше никак.
5. Давайте помнить, что наука движется вперед и в будущем этот вирус будет уничтожен.
6. Давайте вместо страхов вести здоровый образ жизни.

7. Давайте пользоваться при половых контактах защитными средствами.

8. Давайте помнить, что ВИЧ – это не приговор.

9. Давайте помнить, что бывают обидные и случайные пути заражения ВИЧ. Например, при тяжелых операциях в результате переливания крови или кровезаменителей.

10. Давайте помнить, наконец, что все мы ходим под Богом, и любому из нас грозит упасть на голову тот самый «кирпич».

Короче говоря, выкидываем из головы страхи и изгоняем из головы и из души ненависть к этим несчастным людям. Все это заменяем на понимание и сострадание к ним. Ведь куда лучше быть человеком здравомыслящим и добросердечным, чем психопатом-параноиком и человеконенавистником.

2007

МИФЫ И ПРАВДА О ПСИХИАТРИИ

Страх психиатрии часто не обоснован и не приводит ни к чему хорошему, как и вообще отказ от квалифицированной медицинской помощи. Так уж сложилось, что некоторые врачебные специальности воспринимаются как «благородные», «престижные» (допустим, мануальный терапевт или пластический хирург), а некоторых врачей пациенты сторонятся (скажем, как можно дольше оттягивают поход к онкологу или венерологу). К числу «нежеланных» относятся и психиатры — человеку трудно признаться самому себе, что он «слегка того».

Есть одно особое заблуждение, даже правильнее будет сказать — сознательная ложь про психиатрию. «Нет и не было, и не может быть такой науки, как психиатрия. Ее выдумали «злые гении» для нанесения вреда человечеству. Вместо нее есть неврология. И психически больных тоже нет — это всего-навсего люди, которые находятся в

сложной жизненной ситуации или просто нестандартные личности (например, дети, у которых есть проблемы с развитием, поведением, послушанием и обучением). «Злые психиатры» проблемных детей травят сильными лекарственными препаратами типа наркотиков и сотнями запирают в психушки». Представители такой лживой идеологии гордо именуют себя анти- (противо) психиатрами. Они разворачивают во всем мире массовые пропагандистские кампании, пытаясь внушить людям страх и ужас перед психиатрией. Большинство из них представляют мощное движение сайентологов (или дианетиков), которое полностью соответствует определению «тоталитарная секта». В нашей стране тоже есть такие «борцы», которые выслеживают любые конфликтные ситуации, связанные с психиатрическим обслуживанием населения, и раздувают их до небес. Да, психиатрия, как и любая другая медицинская специальность, не застрахована от ошибок и плохих врачей, медсестер и санитаров, которых надлежит гнать из профессии. Однако эти печальные ситуации не характеризуют положение дел в российской психиатрии в целом и не отменяют необходимость психиатрии как науки.

Психиатрия — это область медицины, занимающаяся различными нарушениями в сфере психической деятельности. При этом те душевные расстройства, которые у всех на слуху, — шизофрения, паранойя, мания — далеко не самые главные объекты помощи врачей-психиатров. В возникновении этих нарушений принимают участие различные факторы: наследственные, анатомические, иммунные, психологические и социальные. То есть сами пациенты в них не виноваты, но, тем не менее, в общественном мнении и люди с нарушениями, и их доктора ассоциируются с чем-то нехорошим. Почему так?

Психиатрия — достаточно молодая медицинская наука, ей каких-нибудь 250 лет. До возникновения психиатрии страдающие люди не воспринимались как больные, их считали одержимыми дьяволом или наказанными Богом («хочет Бог наказать человека, лишает его разума»). Их или навечно запирали в тюрьму и заковывали в кандалы, или

пытались жестокими способами изгонять из них дьявола, а то и сжигали на костре как ведьм и колдунов. Но самое главное, психиатрия — это единственная врачебная специальность, где медицина напрямую связана с душой. А вопросами души у нас традиционно занимаются священники, философы, психологи, культурологи, историки и даже филологи. И у них, естественно, есть свои взгляды на многие вопросы психической жизни людей.

Таким образом, относительно молодой раздел медицины, в прошлом подменяемый процедурами изгнания дьявола из пораженных, а ныне вынужденный заниматься определением, в первую очередь, границы между здоровой и больной душой, некоторыми людьми просто не воспринимается как медицинская специальность. Причем многие шарлатаны-экстрасенсы, сомнительные философы и даже иногда врачи других специальностей считают себя вправе подменять психиатров, и подменяют. Поэтому неудивительно, что вокруг психиатрии существует множество слухов, домыслов и мифов. Итак, заблуждение первое: «Если человек попал в поле зрения психиатров, то это навсегда». Многие искренне считают, что в психдиспансере ставят на учет пожизненно. На самом деле это не так. Согласно действующему законодательству, обращение к психиатру и, соответственно, обследование и лечение у него зависит исключительно от воли обратившегося, а для детей до 15 лет — от воли их родителей. Исключений из этого правила два. Первое — если человек совершил уголовно наказуемое преступление. Суд после специальной психиатрической экспертизы может признать его невменяемым, и такой человек принудительно будет длительно наблюдаться психиатрами до тех пор, пока суд это принудительное наблюдение не отменит. Второе — когда человек не просто тяжело болен, но его болезненное состояние опасно для окружающих. Например, когда он может убить кого-то, или совершить самоубийство. В таком случае его обследуют, лечат и наблюдают принудительно до тех пор, пока его состояние не улучшится, а значит, и опасность пройдет.

Заблуждение второе: «Те, кто получает психиатрическую помощь, не смогут ни поступить в институт, ни устроиться на работу». Это не так. По закону, для этих целей никакие справки от психиатра не нужны. Запомните: вся информация о лечении у психиатра секретна. Исключение одно: если вы устраиваетесь работать в милицию, авиацию или тому подобные места. Здесь обследуют свои психиатры — военные, милицейские, авиационные, морские. Всем понятно, что люди с расстройшенной нервной системой опасны в роли военных, милиционеров, летчиков, пожарных и моряков.

Заблуждение третье: «Психиатры, кроме болтовни, ничего сделать с душевнобольным человеком не могут». И снова не так. Сейчас для лечения многих заболеваний психики существует целый ряд надежных и эффективных лекарств. Главное — лечение должно начинаться как можно раньше и проводиться столько, сколько назначит врач-психиатр.

Заблуждение четвертое: «Лекарства для лечения психиатрических расстройств опасны для человека, вредны, токсичны». На самом деле, любое лекарство для лечения любой патологии, будь то насморк или головная боль, может обладать побочными действиями. Любые врачи, в том числе и психиатры, назначают такое лекарство в таких дозах, чтобы его лечебный эффект был максимальным, а побочные действия минимальными.

Заблуждение пятое: «Если есть явные психиатрические проблемы, то вовсе не обязательно обращаться к психиатрам. Еще с большим успехом таким больным могут помочь...» — далее большой ассортимент. К сожалению, за несвойственную им работу с удовольствием и, кстати, за большие деньги берутся многие амбициозные профессиональные непрофессионалы — психологи и невропатологи. Печально, но ряд врачей общей практики сами негативно настраивают пациентов против психиатров. Причем многие из них отговаривают уже получающих медикаментозную помощь психически больных принимать лекарства, взамен предлагая лечение гомеопатическими средствами. Эти средства, по крайней мере, для психически больных,

никогда не дают нужного эффекта. В результате внезапный обрыв медикаментозной терапии резко ухудшает состояние и даже может стать причиной смерти. Следующими в ряду желающих за большие деньги помочь психически больным стоят так называемые нетрадиционные целители: экстрасенсы, разноцветные маги, биоэнергетики, йогопрактики и т. п., в том числе, и «лекари» с незаконченным школьным образованием. Наконец, некоторые священники также берутся за процедуру изгнания дьявола, ибо вместо явных симптомов душевной патологии они видят разного рода бесовщину.

Мне вспоминается рассказ матери одного психически нездорового подростка о такой процедуре. Она образованная женщина, музыкант. По совету своих таких же культурных коллег, когда у сына начались первые симптомы психического неблагополучия, она поехала в глухую деревню на Псковщине к одному «психотерапевтическому» батюшке. Этот религиозный «специалист» поставил отрока в центр своей церквушки, да как заорет благим матом: «Вижу, вижу, много в нем бесов сидит!» А далее начал этих бесов изгонять. Разумеется, «лечение» ничем не помогло мальчику, лишь усилив его тревоги, а ведь за свою «работу» предприимчивый бесогон взял деньги, и немалые.

После того, как мы познакомились с человеческими заблуждениями в отношении психиатрии, укажем на ее реальное значение в охране здоровья. Помимо психозов (бредовых расстройств, галлюцинаторных расстройств, маниакальных состояний), которые мы уже упоминали, существует еще много проблем здоровья, решение которые в принципе без психиатров невозможно.

Депрессии — устойчиво сниженное настроение. По данным ученых из разных стран мира, состояние депрессии испытывает за свою жизнь хотя бы один раз 80% людей.

Неврозы — особые состояния эмоционального напряжения, связанные с длительными и неразрешимыми конфликтами человека с самим собой или с окружающим миром. Классические примеры такого невротического состояния — длительная бессонница и заикание.

Психопатические личности. Они в представлении не нуждаются, поскольку доставляют проблемы и себе, и окружающим.

Эпилепсия и другие припадочные состояния — объект и неврологов, и психиатров.

Последствия травм головного мозга. От попадания в ДТП или другую катастрофу, увы, никто не застрахован. Часто после механического повреждения мозга наступают и психические изменения.

Ряд наследственных заболеваний головного мозга, например, болезнь Альцгеймера, опухоли мозга и дефекты сосудов часто проявляются психическими расстройствами, при том, что все они опасны для жизни.

Психические изменения у пожилых и старых людей. Всем известны «выжившие из ума» старики и старушки, потерявшие память, которые, уйдя из дома, не могут вспомнить, кто они такие и где живут. Сюда же отнесем изменения психики после инсультов.

Чума XXI века — СПИД — породила у большинства заболевших этой инфекционной патологией особые психические нарушения.

ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство) — часто необратимые психические изменения у людей (особенно у женщин и детей), оказавшихся в зоне военных конфликтов, стихийных бедствий и различных катастроф.

Разные серьезные проблемы развития, эмоций и поведения у детей и подростков, разобраться в сути которых — есть психическое отклонение или нет — может только команда детских специалистов в составе психиатра, психолога и педагога-логопеда.

Суицидальные проблемы, т. е. связанные с мыслями, желанием и попытками людей свести счеты с жизнью.

Пожалуй, хватит теории на сегодня. Я надеюсь, что смог убедить всех вас, дорогие читатели, что без профессиональной психиатрии современное человечество, к сожалению, пока обойтись не может. И если, как говорится, гром грянет — не надо бояться мифов о психиатрии и психиатрах. Смело обращайтесь за помощью к этим специалистам. Лучше

перестраховаться и обратиться к психиатру, чем упустить драгоценное время, необходимое для оказания помощи при душевном неблагополучии.

2010

СПЕКУЛЯТИВНАЯ ГЕНЕТИКА НА СЛУЖБЕ РАСИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА

Человечество, уставшее от больших и малых войн, старается двигаться к прогрессу и миру. Людям хочется любви, счастья и радости больше, чем ненависти, страданий и печали. Тем не менее, кому-то и сегодня спокойно жить не хочется: вновь стали популярными идеи о превосходстве одной расы или нации над другой. И самое досадное, что помимо основного «поставщика» подобных идей, бытового сознания обывательской, дремуче необразованной и малокультурной части толпы, эти идеи генерируют люди очень даже приближенные к науке. Из-за манипулирования фактами само научное знание дискредитируется. Одним из таких варварских примеров спекуляции на науке — использование генетики в античеловеческих целях.

Генетика, наука о наследственности, объясняет закономерности развития живых существ, в том числе и закономерности нарушения развития — как простейших организмов, типа вирусов и микробов, так и венца эволюции на нашей планете — человека. Генетика уверенно вторгается в нашу жизнь. Это и генно-модифицированные продукты (польза или вред от них — вечные споры), это и выведение новых пород скота, и многое другое.

Наконец, самая ответственная отрасль генетики — медицинская генетика. Ее выводы крайне важны, будь то подтверждение факта родства (генетическая экспертиза) или рекомендации врачей-генетиков — рожать или не рожать очередного ребенка, если предыдущий родился с

наследственным заболеванием. Понятно, что ошибочные заключения здесь могут привести к реальным человеческим трагедиям.

Но если ошибки в медицинской генетике, как и в других отраслях медицины, к сожалению, еще долго будут возможны (пресловутый человеческий фактор и вечное несовершенство средств диагностики), то намеренное введение в заблуждение людей на предмет этой науки недопустимо и даже преступно.

Так поступают только нечистоплотные ученые, когда пытаются использовать в своих пропагандистских целях для мало что понимающих в вопросах генетики людей так называемые «новые достижения» в области изучения наследственности человеческой личности. Подобные ученые пытаются внушить нам идею, что целый ряд негативных человеческих проявлений (низкий интеллект, слабый ум, преступное поведение, воровство, склонность к аморальному образу жизни — например, проституции, употреблению наркотиков или алкоголя) наследуются у людей, генетически предопределены. То есть наследственно предопределяются родословные слабоумных людей, людей-преступников, людей, занимающихся проституцией, людей-алкоголиков и людей-наркоманов. Причем делаются эти выводы якобы на основе новых генетических данных.

Получается, что благодаря этим «новым данным» бессмысленно «генетически обреченным людям» давать шанс на повышение их интеллекта, бессмысленно стараться сделать их законопослушными гражданами и прививать им правила морали через образование и культуру. И в самом деле, зачем стараться? Зачем перевоспитывать проблемных подростков, если они все равно, сколько в них ни вкладывай, из-за плохой генетики вырастут в бандитов и убийц? Зачем излечивать алкоголиков и наркоманов, тратя громадные деньги, если генетика уже приговорила их к смертельному исходу? И, наконец, зачем что-то пытаться сделать для детей из трущоб, окультуривая и обучая их, если все они «умом не вышли»? «Новые данные» якобы говорят: это печально, но это генетическая правда жизни.

Эти утверждения в истории человечества уже были, еще до появления науки генетики. В XIX веке итальянский ученый и врач Чезаре Ламброзо пытался создать целую науку о выявлении преступных задатков у людей по особенностям внешнего вида: строения черепа, рисунка на ладонях и некоторых других внешних признаках, так называемых стигм. Впоследствии эта скандальная теория не нашла никакого научного подтверждения. В первую очередь, были проведены широкомасштабные исследования преступников, в том числе отбывающих наказание за особо тяжкие деяния: покушение на убийство и убийство. Оказалось, что убийства совершали как люди, выглядящие монстрами, так и красавцы с очень правильными пропорциями лица и тела. А ведь именно внешние черты человека связывались Ламброзо с преступными наклонностями.

Тем не менее, много позже у Ламброзо нашлись свои последователи — его идеи получили второе рождение в период фашизма. Выведение «сверхчеловека» у фашистов непосредственно увязывалось с избавлением от «плохой наследственности» — как отдельных людей, так и целых групп и наций. Душевнобольные, даже если они были немцами, были не нужны фашистской Германии, от них избавлялись. Затем стали избавляться и от людей, больных наследственными заболеваниями. Евреи и цыгане были объявлены фашистами неполноценными нациями, славяне — недостаточно полноценными.

Казалось бы, эпоха фашистского мракобесия прошла. Но нет же, кому-то упорно хочется якобы от науки снова возродить те же идеи, но сделать это не так шумно, как раньше. Для этих целей предлагается некоторая, на первый взгляд, понятная последовательность. Вначале «исследуются» отдельные негативные черты и особенности личности человека, например, лень, тяга к воровству, агрессивность и т.п. Затем под них подбираются якобы научные подтверждения генетической обусловленности этих качеств. Делаются даже заявления об открытии всевозможных антисоциальных генов, например, гена

наркомании или гена агрессивности. Затем в фокус рассмотрения берется уже вся личность. Здесь в ходу уже своя специфическая терминология: дурной характер, примитивная личность, весь гнилой, человек с двойным дном, извращенец, психопат, дегенерат. И снова пытаются найти «генетические принципы» личностной аномалии. Следующим фиктивным этапом становятся уже аферы на тему научно-генетического обоснования дурных родов, неважно, по каким признакам. Так незаметно подобные «психогенетики» подбираются под обоснование «дурных» и «хороших» крупных социальных общностей, наций и рас.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже появляются «ученые» голоса в пользу новой науки — этногенетики. Предлагается «наука», желающая на полном серьезе генетикой обосновать всю полноту социальной жизни всего человечества. Например, в 1990-е годы ученый-психиатр, психолог и криминолог Горьковая на некоторых научных заседаниях, посвященных проблемам преступности, призывала, ссылаясь якобы на многочисленные примеры такого опыта в цивилизованных странах, к принудительной стерилизации преступников, тяжелых шизофреников и, по ее выражению, «всякого сброда».

Это же так притягательно для некоторых «добытчиков истины»: сравнивать между собой разных людей, разные группы и разные общности — нации и расы, выявляя позитивные (хорошие) у одних и негативные (плохие) у других человеческие признаки, и при этом, опять же, ссылаться на генетику.

И неудивительно, что при подобной логике «все цыгане воруют», потому что так генетически предопределено («воровство в крови»), все чеченцы «только и могут, что заниматься резней и стрельбой» («нация такая»), а все русские уже давно во многих поколениях «только и делают, что пьянствуют».

На самом же деле, гены преступности, воровства, в частности, не найдены. Само воровство многолико. И жизнь составляет, и дурной пример, и последствия дурного обраще-

ния с ребенком в раннем детстве, и то, что называется «по глупости» или «за компанию». Клептомания (болезненная страсть к воровству) — достаточно редкое и малопонятное для самих психиатров болезненное нарушение психики. Тем не менее, многие безответственные родители обращаются к психологам или психиатрам по поводу своих воруемых детей и надеются услышать от специалистов, что их чадо «больно kleптоманией». Тогда, по такой родительской логике, никто в этом не виноват, это все болезнь проклятая. Глядишь, любое воровство и оправдано.

Алкоголики и наркоманы не имеют стопроцентного генетического наследования. Есть некоторые иммунологические, физиологические и биохимические особенности пьющих и наркотирующихся людей, выявляемые при одних исследованиях и не выявляемые при других. То есть стать алкоголиком или наркоманом может стать каждый из нас.

Количество людей со сниженными умственными возможностями устойчиво и равномерно определяется в разных странах и на разных континентах в соотношении 1 на 100, т. е. один человек из каждых ста, живущих на планете людей, имеет проблемы с умственным развитием, в любом народе, в любой нации, в любой расе.

На сегодняшний день достоверно можно говорить лишь о том, что из всего многообразия человеческой жизни наследуется только темперамент человека или его отдельные компоненты, например, от вспыльчивого папы может получиться вспыльчивый сын, а от печальной мамы может получиться такая же печальная дочка. И даже здесь нет ясности: где собственно генетика, а где непроизвольное копирование детьми поведения и эмоциональной жизни родителей.

Таким образом, на сегодняшний день нет никаких настоящих научных оснований считать, что существуют генетические различия между людьми разных рас и национальностей. Тем более в контексте постановки вопроса о том, кто из них лучше, а кто хуже. Посему любые утверждения на этот счет — спекуляция и к науке генетике никакого отношения не имеют.

Не стоит поддаваться на подобные провокации: не читать подобные ложно-научные труды, и уж тем более нельзя воспринимать их всерьез. Пожалуйста, доверяйте своему разуму более, чем «фактам», приводимым такими горе-учеными.

2011

ЛЖЕНАУЧНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ ПРИМИТИВНЫХ ПРЕДРАССУДКОВ

Во второй половине XX века многим представлялся невозможным возврат к старинным верованиям в магические свойства предметов, сглаз, порчу, колдунов и ведьм. Казалось, все эти наивные и смешные представления отступили под натиском научно-технического прогресса, популяризация исследований всего окружающего мира – от космоса до устройства глаза – сделала достоверную информацию доступной каждому, доказывая несостоятельность досужих вымыслов.

Трудно понять, как же в XXI веке случилось такое – больше половины жителей нашей страны верят или «скорее верят» в сглаз и порчу, опережая числом тех, кто верит в религиозные чудеса и в царствие небесное. Последнее ведь – хоть тоже не очень сочетается с научными знаниями об устройстве мира – все-таки ближе к традиционному христианству и может быть объяснено религиозностью и церковностью части населения. Но порча и сглаз – это ведь дикость, да и вредная дикость со всех точек зрения. Увы: нет оснований не доверять авторитетным исследователям из «Левада-центра», которые провели опрос в 130 населенных пунктах с участием 1 600 человек. Вот его результаты: в «Царство небесное» верят 22% из числа опрошенных; 31% – скорее, верят; 19% – скорее, не верят; 10% – совсем не верят. В «религиозные чудеса» верят 17% опрошенных; скорее, верят – 35%; скорее, не верят – 23%; совсем не

верят — 10 %. В «сглаз и порчу» верят 21% участников опроса; скорее, верят — 38%; скорее, не верят — 18%; не верят — 10%.

Чтобы проанализировать причины распространения дремучих предрассудков, а также обсудить их потенциальный вред, мы обратились к профессиональному психологу, психотерапевту — И.С. Бердышеву. Вот его комментарий.

Несомненно, вера в сглаз, силу проклятья, колдунов и прочих магических носителей всех этих псевдовозможностей вредна. Вредна как тем, кто не пытается понять реальные причины своих проблем, а значит, упускает шанс что-то изменить и исправить в своей жизни, так и тем, кто становится невольной жертвой этих нелепых бабсен, — кого подозревают в «колдовстве» и «черной магии».

Малообразованным людям порой можно простить суеверие, но задача всех просветителей — бороться с этим злом всеми доступными средствами. А средства в наше время есть, самое убедительное среди них пока еще телевидение. Но, к моему большому удивлению, я недавно наблюдал, как в популярных телепрограммах не только транслируют старые мифы о магии, но и позволяют каким-то горе-экспертам досочинить их, усиливая лженаучными измышлениями. Самое возмутительное, что никто, видимо, не думает о тех людях, которых порочат с телеэкранов, подозревая в «колдовстве» и опасных сверхъестественных возможностях. Как водится, эти людьми оказываются многострадальные цыгане.

Так, 26 июня этого года на одном из популярных российских каналов «РЕН-ТВ» вечером был показан фильм, претендующий на научно-популярный жанр, с интригующим названием «Вся правда о цыганской магии». Организаторы этого проекта пригласили для комментариев очень необычную команду специалистов. С одной стороны — цыгановед, Н.Г. Деметр, с другой — два «оригинальных» психолога, мужчина и женщина, настроенных необычайно мистически для своей специальности (например, на шее

психолога-мужчины висел магический многоугольник). Психологов поддерживала врач-терапевт, которая, по ее словам, блестяще разбиралась во всех аспектах цыганского здоровья. Помимо официальных профессионалов содержание фильма комментировали несколько «цыгански ориентированных» экстрасенсов.

Какой же правдой создатели фильма хотели потрясти аудиторию? Зрителям предлагается воспринимать цыган как особых, отличающихся от остальных, людей, обладающих необычными способностями. Эти способности, якобы, наследственные, генетически обусловленные. Ничем не доказывая эти нелепые с научной точки зрения утверждения, «эксперты» идут еще дальше: чего стоит заявление врача-терапевта о том, что цыгане «генетически устойчивы к болезням», поэтому они никогда не болеют. Любой настоящий медик знает: к большому сожалению — болеют, как все люди, а трудные условия таборной жизни делают и болезни тяжелее, и жизнь — увы — короче.

Дальше — больше. Якобы, по наследственной причине цыгане способны к экстрасенсорике (от чтения и передачи мыслей на расстояние до чудес белой и черной магии) — и все это связывается с их возможным контактом с инопланетянами, который, по мнению наших «экспертов», когда-то, в давние времена, произошел на территории Ближнего Востока. Оказывается, некими археологами недавно были расшифрованы найденные в этом регионе «особые» письмена, которые на проверку оказались «цыганскими космическими письменами». В этой связи якобы присущая всем цыганам генетическая страсть к золоту тоже была обыграна фантастически. Золото, как считают те же горе-эксперты, нужно цыганам для качественного экстрасенсорного контакта, вплоть до его космического варианта. И уж совсем сногшибательное заявление — что цыгане как избранная нация спасутся после конца света. Таким образом, вроде бы, исключительности цыганской нации делались всевозможные исторические и культурологические комплименты. Казалось бы, что, несмотря на бредовость этих идей о цыганах, в них есть нечто трогательно возвеличи-

вающее эту многострадальную нацию. Они необычные, они волшебные, у них сверхспособности... Но откуда? И тут-то авторы фильма делают ошеломляющий вывод: все, что в цыганах сверхъестественно, — это от дьявола. То есть в итоге все необычайные и магические свойства цыган должны ассоциироваться у обычных людей со злом.

Дай Бог, чтобы разум телезрителей победил и они бы смогли воспринять все сказанное о цыганах в фильме — и хорошее, и плохое — со здравым смыслом, воспринять так, чтобы суметь отделить реальность от мифов, легенд и сказок. Как можно поверить в наше время, что целый народ связан с инопланетянами и дьяволом?

Но ведь непросто разобраться простому человеку, когда ему морочат голову эти «ученые». Хотя то, что они говорят, порой просто анекдотически нелепо: вот один из приглашенных экспертов и экстрасенсов всерьез заявляет, что бывший президент Франции Саркози по происхождению румынский цыган, который предал свой народ. Оказывается, цыгане Франции возлагали на него большие надежды и поэтому помогли ему стать президентом на первых выборах. Но он, неблагодарный, их надежд не оправдал, а, наоборот, стал выдворять цыган из Франции. Поэтому вторые выборы он, естественно, провалил. Был наказан за свое предательство, поплатился цыганским проклятьем.... Смешно?! Когда бы не было так грустно...

Наша задача — помогать всеми доступными психологическими способами изменять негативное отношение других народов к цыганам, а ведь оно еще сохранилось у некоторой части нашего общества. Равно нужно и помогать цыганам изживать чувство обиды и несправедливости, возникающее от дискриминации, которой подвергается этот народ. Нужно бороться с предрассудками, а не насаждать их через СМИ.

Защищать людей надо не от сглаза, а от оболванивания!

РАЗНЫЕ ДЕТИ

О ПОЛЬЗЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В НАШЕ ВРЕМЯ

Все мы очень разные. У каждого из нас есть отличительные черты характера, свои привычки, особенная внешность, наконец.

И при общении с другими людьми мы невольно отмечаем, чем они на нас похожи, а чем отличаются от нас. И это нормально. Ненормальность начинается в том случае, если, за то, что кто-то не такой, как я, мы начинаем презирать непохожих на нас людей, считать их существами второго сорта. Это на языке правозащитников называется «дискриминация». Каково жить человеку, которого все презирают? Каково учиться ребенку, если его одноклассники дразнят его за то, что у него другой цвет кожи? Как поступать педагогу в таких случаях? Более 30 лет назад американские психологи провели в нескольких школах ряд интересных экспериментов. Эти эксперименты были посвящены тому, как одни дети воспринимают других детей. Еще точнее — тому, как завоевывается авторитет школьниками. В этих школах непопулярным и неавторитетными учениками считались дети — выходцы из стран Латинской Америки. Проблема этих детей состояла в том, что они плохо знали английский язык. Родной испанский язык, казалось, был никому не нужен. Они отставали в учебе. Психологи поставили перед собой цель — повысить авторитет этих школьников. Но как? За счет чего? И вот что они придумали. Ряд заданий они стали предлагать делать в виде исследовательской работы для учеников всего класса. То есть они школьникам предложили «поработать» учеными. Предложили так, чтобы один «научный труд» подготавливался бы по частям. Каждую такую часть должен был сделать один ученик. Поэтому вся работа считалась завершенной, когда в ней принимали участие абсолютно все ученики. И что же получилось в итоге? Один раз выполненная работа — радость всему классу. Два раза — еще одна радость. И так далее. Очень быстро участие латиноамериканских детей

в общем школьном деле стало другими детьми — кореным американцами — рассматриваться как весьма успешное. На них стали иначе, с уважением смотреть как на способных учеников. И даже искренне стали интересоваться культурой и обычаям тех стран, из которых они приехали в Америку. В свою очередь, латиноамериканцы стали чувствовать себя намного уверенней и улучшать свои учебные достижения.

Теперь вернемся в Россию. В Москве есть уникальная школа «Ковчег». Это государственная школа. Здесь вместе учатся дети-инвалиды и здоровые дети. Например, в этой школе много глухих детей. Самое интересное, что всем ученикам в этой школе хорошо друг с другом. Автор этой статьи в мае 2000 года смотрел выпускной спектакль двух 11-х классов (помимо освоения общеобразовательных предметов дети с 1-го класса занимаются театром). Один класс — класс обычных выпускников. Второй класс — глухих детей. Вместе они играли в очень сложном спектакле: они предложили свою версию шекспировского «Гамлета». Хочу вам сказать, дорогие читатели, получилось очень здорово. Язык жестов великолепно дополнял речь говорящих актеров. Совместные старинные танцы и игра на флейтах сделали эти два класса единой актерской командой.

Из приведенных двух примеров видно, как одни дети, у которых есть какие-то проблемы (плохое владение языком, слабая успеваемость, проблемы со здоровьем) и успешные ученики при желании взрослых могут быть очень нужным и полезными друг для друга в школе. Такое обучение разнопроблемных и непроблемных детей называется интегрированным (т. е. объединяющим). Пока в нашей стране еще ведутся споры о пользе интегрированного обучения, в Америке и в Европе оно уже стало популярным. Правда, здесь необходимы соответствующая подготовка учителей, их доброжелательность и желание постоянно расширять свои культурные горизонты. А самое главное — постоянная работа в классах. Девиз такой работы может звучать так: «Мир Детства без границ». Без границ в плане учебных достижений, без границ в плане здоровья и без границ в плане

национальности. Важно не путать это с открытием национальных классов и даже школ — попыткой сохранить для детей родной язык и самобытность их культуры. В нашей стране после распада СССР они стали открываться как воплощение искренней надежды тех народов, которые больше всех пострадали в годы советской власти от уничтожения своей национальной культуры. Наоборот, в интегрированных классах сама идея объединения дает возможность для постоянного обмена разных детей своими культурами. В частности, выборочный мониторинг по Северо-Западному региону нашей страны показал, что большинство цыганских детей и их родителей желали бы и впредь продолжать обучение в обычных классах. При этом поддерживать цыганскую культуру и пропагандировать ее они предлагают путем создания различных фольклорных объединений, там же изучать родной язык. Многие из них были бы рады видеть в цыганских ансамблях, организуемых при школах, и детей других национальностей. Заканчивая этот короткий обзор об интегрированном обучении в школах, важно помнить о двух обстоятельствах. Обстоятельство первое — психологическое: взаимное влияние детей друг на друга — это взаимная помощь, это взаимное доверие, это воспитание с малых лет основ человеколюбия. Обстоятельство второе — философское: интеграционная педагогика — это прежде всего педагогика воспитания терпимости к другим, не похожим на тебя, и воспитания миротворцев.

2000

ДЕТИ ОТ СМЕШАННЫХ БРАКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Что бы и кто бы ни говорил, смешанные браки были, есть и будут в нашем стремительно меняющемся мире. Будут появляться на свет и дети от этих браков. И это хорошо, это здорово. Но, к сожалению, в XXI веке в на-

шем великом и могучем государстве так считают не все. Есть люди, которые с лютой ненавистью и массовым психозом кликуш предостерегают граждан титульной нации (т.е. «чисто русских») от появления таких детишек. Это неонацисты всех мастей, неопатриоты и пр. Ссылаясь на свое толкование генетики, мировой истории, религии, они убеждают российский народ «не портить кровь нации», «не разрушать генофонд», «не впадать в грех». Эти мрачные, пропитанные нафталином и поросшие плесенью идеи хорошо известны большинству умеющих и желающих думать сознательных россиян. Тем не менее, эта тема актуальна, ее нельзя игнорировать.

Прежде всего, надо иметь в виду совершенно разное происхождение детей от смешанных браков. Во-первых, это дети от браков россиян (чаще россиянок) и иностранцев, официальные или неофициальные. Среди них браки с европейцами, американцами, австралийцами, новозеландцами и т.п. Это браки с африканцами или азиатами. Нередки браки с гражданами центральноазиатских и кавказских стран — бывшими нашими братьями по СССР. Особая тема — браки с гражданами нашей страны другой национальности: русского (или русской) с татаркой (или татариним), русского (или русской) с осетинкой (осетиним), русского (или русской) с чеченкой (или чеченцем), русского (или русской) с еврейкой (или евреем) и т.д.

У детей от смешанных браков разная социальная история: это может быть устойчивый, гармоничный смешанный брак, дети живут в полной семье. Брак может быть неблагополучным: дети подолгу не видят одного из родителей, могут внезапно перебрасываться на родину одного из них без учета желания детей, без учета их обстоятельств (состояния здоровья, проблем с учебой и т.д.). Дети от смешанных браков иногда воспитываются одинокими родителями (чаще — матерями).

И у детей от смешанных браков, и у их родителей, проблемы могут быть самые разные — как и у прочих детей и родителей. В каждом случае имеет место своя уникальная история появления таких детей на свет, своя уникальная судьба.

Когда на телеэкранах разгорается очередной международный скандал о судьбе ребенка, мать которого россиянка, а отец иностранец (финн, швед, француз или американец), то это всегда печальная история. Российская женщина хотела устроить свою счастливую жизнь на Западе с надежным иностранцем. Потом что-то не заладилось, а заложником их спора стал ребенок, которого родители по очереди выкрадывают друг у друга. Страна, безусловно, защищает право на ребенка именно своего гражданина. А страдают при этом всегда дети.

Но в целом таких драм значительно меньше, чем положительных исходов для детей от смешанных браков с иностранцами. В реальной жизни специалисты, например, психологи, сталкиваются с семьями (полными или неполными), которые стабильно проживают в России, испытывая на себе все тяготы и радости среднестатистического россиянина. К ним мы сейчас и перейдем.

Жизнь детей от смешанных браков нуждается в научных исследованиях, но тема эта очень тонкая: важно не обидеть ребенка и его родителей, не нарушить права человека. Когда люди обращаются за помощью, психологи, психотерапевты, семейные консультанты просто не могут, будучи профессионалами, не учитывать особенности семьи в ситуации смешанных браков.

Один из самых убежденных врачей-психотерапевтов, призывающих обязательно учитывать национальные, культурные и религиозные причины человеческих страданий, равно как и достижений, – доктор медицины из Германии, иранец по происхождению Носсрат Пезешкиан. Этот доктор вместе со своей семьей, будучи приверженцем новой интернациональной религии бахаизма, в свое время бежал от преследований исламского режима в Иране. Германия стала его новой родиной. Именно в Германии он смог создать новое направление в медицине — позитивную, основанную на всем положительном в человеке, психотерапию. Его идеи интеграции и различия в культурно-религиозной жизни людей разных национальностей нашли поддержку в Германии и за ее пределами. С его опытом работы хорошо знакомы и многие специалисты в России. Это радует.

Очень важное значение имеет опыт педагогов школ, в которых все больше и больше вместе с местными детьми обучаются дети трудовых мигрантов. Возникают школы с национальными классами, в них много детей от смешанных браков. Вопрос в другом: насколько, обучая и воспитывая своих учеников из смешанных семей, учителя желают вникать в такую деликатную сферу, как национальность? Часто и не вникают — до тех пор, пока какие-либо серьезные проблемы детей внезапно не связываются с национальным фактором. К сожалению, также мало вникают в такие тонкости и врачи-психопатологи, даже те из них, кто знаком с творчеством доктора Пезешкиана. Тем не менее, какой-то опыт есть, и это уже немало.

Специалисты сталкиваются с проблемами (поведенческими, связанными с психическим здоровьем) детей от смешанных браков в школе, в семье. Например: определенное значение для воспитания детей имеют разные взгляды родителей: культурные (традиции), религиозные (что велит религия), национальные (общенациональные убеждения, мифы, предрассудки). В чем это конкретно проявляется? Наказывать — не наказывать, поощрять — не поощрять, держать в строгости или все разрешать, сдерживать агрессию ребенка или учить нападать. Из-за этих различий могут конфликтовать родители. А ребенок не может определиться, чью сторону взять. Из-за этого он нервничает. Часто возникает осознание национальности одного из родителей как «плохой». В результате дети начинают стыдиться своей второй национальности и часто ее всячески скрывают. Порой этому способствует то, что сами родители стесняются своей «нерусской» национальности. Многие из таких «стеснительных» родителей у меня на приеме, сообщая свои имя и отчество, заменяют их на близкие русские имена. Например, Рамзан Абдурахманович заменяется на Романа Андреевича. Мотивируется это тем, что «вы все равно не произнесете», «так легче» и т.п. Бывает, что переживание детьми от смешанных браков своей этнической «неполноценности» доходит до уровня глубокого невроза. На вопрос специалиста о том, откуда

приехали твои родители, следует раздражительный, озлобленный ответ: «Я русский». Выясняется, что этих детей одноклассники дразнили из-за нерусской фамилии или отчества, интересовались, русские они или нет. Поэтому они больше всего боятся быть «нерусскими» не только в глазах своих товарищей, но, что ужасно, и в собственных глазах.

Самым тяжелым следствием эмоциональных и поведенческих нарушений у таких детей становится их агрессия. Чаще — групповая, направленная, в первую очередь, на детей трудовых мигрантов. Такой жуткой ценой «полукровки» готовы публично убедить своих русских одноклассников в своей «русскости». Одна мать 14-летнего подростка, причастного к коллективному избиению грузинского мальчика, сетовала: «Откуда у него такие националистические взгляды? Он же знает, что в наших с отцом родословных кого только не было: и евреи, и армяне, и даже цыгане».

В молодости от некоторых умных и уважаемых мною людей я часто слышал мнение, что иногда самыми сильными антисемитами (людьми, которые ненавидят евреев) бывают еврей-полукровки. Как известно, некоторые немецкие нацисты, уничтожавшие евреев, были еврейского происхождения. К сожалению, позже я убедился, что зачастую это мнение о полукровках справедливо и в отношении любой другой национальности.

В истории мировой психологии драма национальной идентичности связана с величайшим ученым, психологом Эриком Эриксоном. Его мать была немка, а отец — немецкий еврей. Дело происходило в 1920-30-х годах. Своей еврейской половинки он всегда стеснялся, и только после смерти отца избавился от подобных переживаний. Мать повторно вышла замуж за датчанина Эриксона. Юный Эрик взял фамилию отчима — так он решил свою проблему с национальной идентичностью. Кто-то скажет: «Какой ушлый, фактически, он предал своего отца». Но ведь это мучило его всю жизнь.

Необходимо заниматься профилактикой подобных проблем. Надо помочь ребенку быть гордым за свою национальность; культурно и религиозно просвещать детей; вос-

питывать у детей толерантность; обучать ребенка языкам обоих родителей; своевременно помогать детям во всех вопросах, связанным с их национальной принадлежностью, ничего не утаивать, ко всему относиться серьезно.

Трудно и семьям, где визуальные меньшинства — приемные или опекаемые дети. В моей практике был такой случай: одна амбициозная русская мать-одиночка, усыновив африканского мальчика, до 18 лет не отпускала его от себя, даже обучала его не в школе, а на дому, запрещала общаться со сверстниками. Мотивировала она это страхом, что на ее сына нападут скинхеды. Мальчик вырос, вырвался на волю, грубо понося за изуродованное детство свою спасительницу.

К счастью, проблемы детей от смешанных браков довольно редки в сравнении с большинством счастливых союзов, умных матерей-одиночек, создающих полноценную жизнь для своего горячо любимого потомства и уважительно относящихся к биологическим нерусским отцам, оставившим их. Очень хочется надеяться на то, что со временем эта проблема для России будет неактуальна. Верьте в себя, и если что, обращайтесь за помощью к специалистам.

2012

НЕВЕСЕЛЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ИНТЕГРАЦИИ

По роду своей профессиональной деятельности мне часто приходится бывать в разных детских учреждениях, где имеют место попытки интеграции российских детей и детей-мигрантов. Это школы, детско-подростковые клубы по месту жительства, творческие студии, спортивные центры, дома культуры. В них с разными целями и задачами профессионалы (учителя, работники культуры, тренеры) пытаются объединить детей. Они — местные дети и дети — азербайджанцы, таджики, узбеки, киргизы и т.д. — вместе учатся, выступают, показывают свои спортивные достижения.

Каждый из учителей этих воспитательных учреждений, встречаясь с детьми-мигрантами, в первую очередь спрашивает себя: «Хочу ли я очередному пришлому «оттуда» ребенку помочь или нет?» Помочь почувствовать себя уверенно и безопасно на пока чуждой для него земле. Помочь поверить в то, что здесь его ждут и надеются быть для него полезными, в то, что его ждут и хотят быть к нему толерантными русские дети, русские учителя, физкультурники, художники, музыкальные работники. Помочь ему освоить новый для него и очень трудный русский язык. Помочь понять и, возможно, полюбить русскую культуру. Помочь включиться во все виды деятельности, популярные у русских детей. Наконец, помочь подружиться с русскими детьми: в классе, в школе, в клубе, в студии, в спортивной секции и еще много где.

Каждый специалист честно отвечает самому себе на эти вопросы — хочет ли он, должен ли он, обязан ли он. В зависимости от ответа, детские работники относятся к таким детям по-разному. Некоторые к «иным», «пришлым», «понаехавшим» относятся формально — не хочу, не должен, не обязан, но надо, потому что законы такие, никому не имею права отказать, еще обвинят в нетолерантности. А другие относятся неформально, от души, потому что внутренняя культура, порядочность и осознание великой миссии Учителя побуждают любить каждого ребенка и бескорыстно ему служить. И не делать разницы между «своими» и «чужими», богатыми и бедными, талантливыми и неспособными, здоровыми и больными, русскими и азиатами.

Учителей с большой буквы, конечно, меньше, но такие профессионалы, посвятившие свою жизнь детям, есть. И встреча с ними всегда радостна и долгожданна: ведь радостно видеть, как искренне они относятся к самым разным детям, общаются и работают с ними. Это и человечность, это и мастерство, это искусство.

Недавно у меня была как раз такая радостная встреча. В начале ноября 2010 года я несколько дней был в Челябинске: читал лекции и проводил занятия с разными категориями врачей, психологов и социальных работни-

ков этого города по проблемам оказания психологической помощи детям, подвергшимся насилию и находящимся в кризисных ситуациях.

В этот приезд мои челябинские коллеги познакомили меня с интересным и уникальным детским учреждением под названием «Комплексный психолого-педагогический центр-школа реабилитации детей города Челябинска». Это государственное учреждение, относящееся к Департаменту образования, призвано комплексно реабилитировать (возвращать к социальной жизни) разных детей, у которых имеются большие сложности с обучением. В силу особенностей личности или состояния здоровья им крайне тяжело приспособиться к жесткому режиму и железной дисциплине обычных школ. У многих из этих детей родители – алкоголики, проблемные взрослые люди, часто длительно нигде не работающие, плохо относящиеся к своим детям, жестоко и немотивированно их наказывающие. Сами же дети имеют многочисленные проблемы с поведением и отношением к жизни вообще. Многие из них не могут говорить без матерных выражений, курят, пробуют выпивать, любят бродяжничать, агрессивны. Понятно, что они культурно и педагогически запущены, не привыкли и не способны учиться. Так вот, всех этих детей надо успокоить, упорядочить, окультурить, приобщить к прекрасному, научить учиться и цивилизованно общаться, помочь почувствовать вкус настоящего детства и расстаться с дурными привычками. И самое главное – внушить им идею ценности собственной личности.

В Центре реабилитации я встретил очень милых, добрых и равнодушных людей. Большинство специалистов – недавние выпускники вузов. Все они погружены в судьбы своих юных питомцев, все они желают им только добра. Они могут бесконечно долго с восхищением рассказывать о даже незначительных достижениях своих подопечных. Они настоящие энтузиасты. И это – за смешотворные зарплаты в 4-5 тысяч рублей в месяц. И это – в маленьком, скромном и очень бедном внутри и снаружи здании. Бедно везде и во всем: с мебелью, игрушками, пособиями и реабилитационными комплексами.

Мне показали старые вещи, которые учителя собирают для самых необеспеченных подопечных детей. Секонд-хенд начала 90-х годов прошлого столетия по сравнению с увиденным «детским общаком» — шикарные модельные коллекции.

В последние годы этому центру-школе добавили еще одну нагрузку: их обязали обучать детей младшего школьного возраста из семей трудовых мигрантов, которые практически не владеют русским языком. Это дети из Азербайджана и республик Центральной Азии. У них не только проблемы с языком и адаптацией в новых для них условиях, но и порой отчаянные конфликты между собой. Разные нации, разные культурные традиции — все это в одном плавильном котле маленького школьного центра. Сегодня среди 200 учащихся этого учреждения — 30 не говорящих по-русски детей. Не имея специальной подготовки и специальных пособий и учебников, коллектив молодых педагогов-энтузиастов пытается работать, обучать, и поддерживать этих детишек. Учителя неподдельно обожают их и принимают такими, какие они есть, со всеми их плюсами и минусами.

Встречаясь с коллективом этого самобытного детского учреждения, я, в том числе, был поражен их неутомимой жадой познания. Я не смущаясь подбираю такие высокие выражения для описания их профессиональной деятельности. А все дело в том, что все реже и реже видишь светящиеся глаза у учителей, а все чаще — уставшие, грустные и обозленные. А уж желание узнать, что еще новенького можно прочесть по проблемам детей (а их всегда будет много), по-видимому, осталось в далеком прошлом. А здесь хотят и просят об этом.

Вот такая невеселая, но очень обнадеживающая заметка из Челябинска. И здесь важно то, что «не хлебом единым» они пытаются сделать детей счастливыми.

2010

ЗАМЕТКИ ПСИХОЛОГА ОБ ИСТОКАХ НАЦИОНАЛИЗМА У ДЕТЕЙ

— Ты лох!

— Сам ты лох!

— А ты хачик!

(реплики ссорящихся детей)

Каждое лето я с группой эмоционально неуравновешенных детей выезжаю в Карелию, где мы живем в сельскохозяйственной коммуне «Надежда», организованной для молодых людей, оставшихся без попечения родителей. Я пристально наблюдаю за межнациональными отношениями во временном детском сообществе.

Поводом для такого профессионального интереса для меня как сотрудника правозащитной организации и психолога послужило пребывание в таких летних сообществах цыганских детей, родители которых Вера Белявская и Антонина Суховская – цыганки, сотрудницы нашей организации «Мемориал» – в 2005 и 2006 гг. работали в коммуне поварами на добровольных началах.

В этом году среди моих подопечных, детей из благополучных интеллигентных семей, большинство из которых учится в престижных гимназиях Санкт-Петербурга, был один ребенок от смешанного брака: отец армянин, мать русская. Напомню, что одна из главных целей летней реабилитации моих невротичных детей в условиях коммуны – это попытка нормализации их детского общения. В условиях совместной жизни на протяжении сорока дней дети должны сделать существенный шаг вперед в облагораживании своих человеческих отношений. И сделать этот шаг для них достаточно сложно, потому что их отношения с ровесниками отличаются систематическими провокациями, жесткой конкуренцией, эгоизмом и агрессивностью. К сожалению, только так они чувствуют себя уверенными в общении с другими. Но это лишь на время. Как только такие дети отступают от своего проблемного стиля общения, они вновь

чувствуют себя неуверенно и зависимо. Понятное дело, что эти взаимоотношения не могут быть полноценными и нуждаются в исправлении. Понятно и то, что такие дети в обычной жизни более конфликтные, чем большинство их ровесников.

Вот таким, с одной стороны, благополучным, а с другой – конфликтным, как и его сотоварищи по этому лету, оказался и наш наполовину армянский, наполовину русский мальчик с типично кавказской внешностью. Мальчик, как оказалось, с двойственным отношением к своей национальной принадлежности: то он гордится тем, что он армянин, то заявляет: «Какой я армянин? Я русский».

Как у таких детей обычно возникают конфликты? Кто-то кому-то говорит достаточно обидную фразу, публично обвиняя или отказывая в чем-то. Например, мальчик, имеющий мобильник, отказывает в просьбе попользоваться своим телефоном, точнее, поиграть в какую-то игру на мобильнике. При этом хозяин телефона совсем недавно другому ребенку не отказал в подобной просьбе. Тот, кому отказано, впадает в горькую обиду. Обиженный мальчик обзывает обидчика считающимся оскорбительным в среде детей словом «лох» (никчемный человек, дурак, слабак). В ответ получает всем известное «сам дурак», в нашем случае «сам лох». И далее, после короткой перепалки, когда исчерпаны все общие приемы унижения достоинства противника, связанные с конкретным поведением ребенка в конфликтной ситуации, стороны переходят на личности. Например: «ты очкарик», «ты жирный», «ты заяц» (если у ребенка дефект губы), «ты баба» (если у мальчика длинные волосы) и т.д. Так же естественно в конфликтах с нашим наполовину армянским мальчиком часть детей переходила на национальную определяющую нашего героя: «А ты... а ты хачик!».

Естественно, мое своевременное вмешательство каждый раз, когда у детей возникали подобные реакции, немедленно тушило такого рода конфликты. Тем не менее, готовность к такому реагированию на конфликтную ситуацию у, казалось бы, благополучных детей из благопо-

лучных семей – это реальность нашего времени. Игнорировать эту реальность, так же как снисходительно-беспечно относиться к таким конфликтам у детей, – для цивилизованных взрослых (родителей, педагогов и других авторитетных для детей людей) недопустимо! Ибо такая культура воспитания, которая потворствует агрессивной направленности детей и, фактически, узаконивает право ребенка на оскорбительное отношение к окружающим, становится базой будущего негативного отношения детей к людям, в том числе и основой формирования национализма.

Эти летние уроки и побудили меня еще раз попросить вас не проходить мимо часто и всерьез конфликтующих детей, а также напомнить вам, что большинство детских конфликтов на национальной почве произрастают из самых обыкновенных детских, мальчишеских или девчоночьих «разборок», как бы вульгарно ни звучало это слово.

Дети не идеальны и не могут жить без выяснения отношений между собой. Но задача взрослых – контролировать эти «разборки» так, чтобы они не выходили за рамки дозволенного. Границами же дозволенного нужно считать такое поведение ссорящихся детей, которое не унижает их человеческого достоинства, не затрагивает их личности, не представляет реальной опасности для их душевного и физического здоровья.

2007

ОПЫТ ЖИЗНИ ЦЫГАНСКОЙ ДЕВОЧКИ В ЛЕТНЕМ ЛАГЕРЕ

Ровно год назад мы писали о том, как специалисты по гендерным проблемам Вера Белявская и Антонина Суховская, две цыганские активистки нашей организации, вместе со своими детьми откликнулись на просьбу дружественной организации – коммуны «Надежда» – помочь в проведении очередного летнего сезона в качестве поваров-волонтеров.

Прошел год, и вновь коммуна «Надежда» попросила нашу организацию о подобной помощи. В этот раз кашеварить поехала одна Антонина Суховская вместе со своей дочерью Олесей. В течение 35 дней в июле-августе Антонина практически одна готовила пищу для семи «трудных» молодых людей, которые под началом их бессменного руководителя Е.А. Клиота живут здесь, в Карельском Приладожье, на хуторе в коммуне за счет производимой ими сельскохозяйственной продукции. Плюс к этому — для шумной десятки петербургских мальчиков 8–14 лет, которые каждое лето выезжают помогать коммуне по хозяйству. Мальчиков «домашних», из социально благополучных семей, но имеющих непростые психологические проблемы, в первую очередь в плане общения. С ними под руководством специалистов из городской детской кризисной службы каждое лето реализуется программа по общинной реабилитации. Таким образом, для них каждое лето — продолжение специальной психологической программы, которая проводилась с ними и с их родителями в течение всего учебного года в условиях того самого кризисного центра. Цель — в летних условиях еще больше помочь этим детям лучше общаться, со взрослыми и между собой. Понятно, какая гремучая смесь образуется каждое лето из этих молодых людей.

Поскольку все в коммуне происходит добровольно (и родители отправляют детей по доброй воле в Карелию, и дети добровольно едут перевоспитываться в сельских условиях, и специалисты тоже едут добровольно), то и в качестве повара — центральной фигуры в этих условиях — тоже предполагается доброволец. Тоня не только вкусно кормила эту братию, но и довольно часто терпела, мягко скажем, их некорректное (по-русски — хамское) поведение. Да, такие это дети. И в этом их главная проблема. Спасибо тебе от всех нас, Тоня! Однако героиней этой статьи сегодня будет ее дочь — красивая цыганская девочка Олеся.

Олеся всей душой в прошлом году полюбила Карелию. Настолько, что весь год ждала нового карельского лета. И вот Олеся снова в Карелии. Почему мне интересно писать

об этой девочке? А вот почему. Я второй год вижу, вижу своими глазами, как в таких чудных заповедных местах, в моем любимом Карельском Приладожье, в условиях хутора, где живут простые люди-труженики, отсутствуют национальные предрассудки. Судите сами. Прошлым летом Олеся обзавелась подружкой. Вика — 12-летняя дочь соседей по коммуне. Этим летом их дружба настолько окрепла, что по просьбе Вики Олеся все время проводила в доме ее родителей. И никто не боялся цыганской девочки, и никто не прятал от нее кошельки.

Что же касается наших питерских мальчиков, то трогательно было наблюдать, как все они по очереди пытались влюбляться в Олесю. И как сама Олеся (ох уж этот женский характер!) сталкивала их лбами. И как они, бедные, страдали и злились на нее. Однако продолжали дружить и временами атаковать конкурентов. Можно сказать, что Олеся этим летом была героиней многих романов. А если предположить, что Олеся — девочка не робкого десятка и если что, так и по-мальчишески обидчику может ответить, то все наблюдаемое мною могло стать сюжетом для романтической детской повести о жизни современных мальчишек и девчонок. Повести, где между детьми по-детски может происходить всякое, кроме одного — настоящей травли по национальному признаку. Как и прошлым летом, дети слишком поздно «узнали», что Олеся цыганка. Это открытие, однако, ничего в их отношениях не изменило. Конечно, были случаи, когда обиженные Олесей мальчики вдруг об этом вспоминали. «Ну и что, — в таких случаях отвечала Олеся, — что из этого следует?» В таких случаях обескураженные дети только пожимали плечами.

Почему то, о чем я пишу, особенно важно для меня как для психолога? Очень часто, когда говорят и пишут о национальной вражде в детских коллективах, из-за незнания детской психологии смешивают такие понятия, как детские конфликты и эту самую вражду. Когда дети конфликтуют, то в запале они очень часто, как говорят сами, «переходят на личности». Если ты в споре использовал все реальные доводы, а других у тебя больше нет, то хочется

задеть противника за живое. Например: «Ты жердай!», «Ты очкарик!», «Ты жиртрест!», «Ты зайка!», «Ты хачик!», «Ты черномазый!». Это, конечно, плохо. Так спорить дети не должны. Их надо переучивать. Но нельзя это приравнять к национализму. Слава богу, Олеся и ее мама — умные люди. Поэтому именно так эти эпизодические вспышки детской глупости они и расценивали. И сама Олеся уж никак себя дискриминируемой девочкой не ощущала. А главное — Олеся из Карелии уезжала со слезами на глазах, надеюсь, в радостных ожиданиях следующего лета на хуторе Терву. «Терву» по-карельски значит «древесная смола». Значит, защита, значит, то вещество, что склеивает необходимые компоненты дерева. Так и нас это карельское лето пыталось по-своему склеить всех вместе и защитить.

2011

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ

Во многих странах Европы и США существуют и активно работают организации (государственные и негосударственные), помогающие детям-мигрантам решать разные психологические проблемы. К сожалению, Россия подобными успехами пока похвастаться не может, даже в Москве и Санкт-Петербурге. И причина здесь не только в отсутствии соответствующих учреждений. Например, в Санкт-Петербурге соответствующую помощь готовы оказывать районные центры помощи семье и детям, районные службы сопровождения образования, медико-психологические учреждения города, негосударственные учреждения — общественные организации. Помощь предлагается профессиональная (психологи, психотерапевты, врачи-психиатры) и абсолютно бесплатная.

Однако у родителей детей-мигрантов против обращения за психологической помощью есть свои возражения: «Проблемы наших детей — это проблемы только нашей семьи, никто в дела семейные не должен вторгаться»; «У на-

ших детей не может быть плохо с головой, поэтому никаких психологических или психиатрических проблем у нас не может быть». Бывают опасения и другого рода, если родители детей-мигрантов, все же осознают, что проблемы у их детей есть: «У наших детей так много проблем, что нам, родителям, самим не справиться, нам стыдно за проблемы наших детей, нам стыдно обращаться за помощью к кому-то постороннему»; «Мы хотели бы к кому-нибудь и куда-нибудь обратиться, но мы не знаем, куда, сколько это стоит, и самое главное, не знаем, какие могут быть последствия, как для наших детей, так и для всей семьи».

Тем не менее, наш опыт и опыт наших коллег в Санкт-Петербурге свидетельствует о том, что ситуация с обращением за психологической помощью родителей детей-мигрантов постепенно меняется в лучшую сторону: они начинают активно обращаться в разные службы города. Попытаемся коротко рассказать о самых типичных психологических проблемах этих детей.

Все эти проблемы можно подразделить на три основные группы: проблемы, связанные с нарушением общения детей; проблемы, связанные с эмоциональными нарушениями (детские страхи); прочие проблемы, преимущественно связанные с нарушением здоровья детей.

Начнем с первой группы – проблем общения. Эти проблемы наиболее распространены среди детей-мигрантов, обучающихся в школах города. К сожалению, не все дети-мигранты могут реализовать свое право на образование. Те же, кто приступает к учебе, вынужден в школьной ситуации показывать свое умение общаться: с классным руководителем, с другими учителями, со школьной администрацией и, самое главное – с одноклассниками и другими учащимися. И вот здесь могут возникнуть и возникают различные сложности, которые в случае их несвоевременного решения могут перерасти в проблемы.

Как об этом узнают родители детей-мигрантов? Их ставят в известность учителя школ. Об этом сообщают одноклассники их детей и другие родители. Гораздо реже об этом сообщают сами дети.

Какие претензии предъявляют родителям детей-мигрантов учителя? «Ваш ребенок сложный. Он не слышит меня и других педагогов или не желает слышать. Делает все назло. Он дает обещание больше так не делать, но делает. Он абсолютно неуправляемый. Он грубит и оправдывается в ответ на критику. Он злой и агрессивный. Его не любят дети. С ним никто не хочет дружить».

Что могут говорить о детях-мигрантах одноклассники и их родители? «Скажите вашему ребенку, чтобы он больше не ругался, не дразнился, не пинался, не издевался и т.д. Если вы не сделаете что-нибудь со своим ребенком, не заставите его не трогать наших детей, то мы сами, родители, научим правильно вести себя вашего сына или дочь».

О чем могут поведать сами дети-мигранты? «В школе все несправедливо. Учителя мне никогда не верят. Дети меня не любят. Они часто наговаривают на меня. Они не хотят со мной дружить, часто дразнят. Они трусы, нападают группой и бьют. Теперь я всегда буду их бить. Я не хочу ходить в эту школу».

Все вышеперечисленное свидетельствует о серьезных проблемах, которые возникают или уже возникли у ребенка-мигранта в школе. Что происходит? Сложно изучать предметы? Плохо понимают учителя? Сложности с русским языком? Боятся учителей или считает их просто несправедливыми? Стыдно за свои недостаточные знания, учебные достижения?

Как показать, что ты не трус? Как реагировать на насмешки, «обзывалки» и откровенные оскорбления? Когда пользоваться кулаками, а когда надо (очень надо!) себя сдерживать? Подобные, и еще множество подобных вопросов появляется в сознании таких детей, переживающих психологические проблемы в школе. И, конечно, они не могут не проявляться в их повседневной жизни, не могут не проявляться непосредственно во взаимоотношениях с учителями и учащимися. Вот три конкретных примера на этот счет.

Первый пример. Идет диктант в 4-м классе. Ученик не успевает понять текст (темп диктанта слишком быстрый для него) и все записывать. Он нервничает, злится. Однако

поднять руку и сказать, что он не все понял, и попросить повторить непонятое он не может – ему стыдно. В результате он перестает писать, вертится по сторонам, пытается подглядеть у одноклассников. Это видит учительница, но, не зная причины такого поведения ученика, решает, что ему просто надоело писать. Поэтому она делает замечание: «Сам не работаешь, так хоть другим не мешай!». Ученик обижен: «Я никому не мешаю». Учительница рассержена: «Так ты еще и спорить со мной вздумал». В результате она жалуется матери ученика, что он плохо воспитан, не хочет признавать ошибки, спорит со взрослыми, просит мать принять меры.

Пример второй. На перемене в том же классе один провокативный одноклассник пытается толкнуть нашего ученика, уже пострадавшего из-за неправильного понимания его поведения учительницей. Наш ученик удерживается от падения, догоняет юного провокатора и наносит ему кулаком удар в грудь. Это видит учительница. Она искренне возмущена, требует немедленно прекратить безобразие, берет провинившегося, по ее мнению, ученика за руку и ведет к директору, где ставит вопрос ребром: она, мол, больше не может так, этот несносный мальчишка опасен для других, поэтому нужно принимать решительные меры. Решительные меры – это означает, что нужно избавиться от «агрессора», т.е. попросить ученика покинуть школу.

Пример третий. На улице убит таджикский мальчик, ученик 9-го класса московской школы. Убийца не найден, но есть основания подозревать расистский мотив нападения. Одноклассник убитого (тоже из семьи мигрантов) предлагает другим ученикам школы одеться в черное в день похорон и собрать деньги на цветы. Эта вполне понятная инициатива ребенка, травмированного случившейся трагедией и желающего выразить свою скорбь и тревогу, вызывает истерический монолог учительницы истории, которая, используя ненормативную лексику, говорит о том, что она, как «исконный житель России», не собирается терпеть присутствие мигрантов и имеет право «устанавливать здесь свои правила». Оскорбительная речь была записана

на диктофон и стала достоянием общественности, родители обратились с жалобой, учительница была уволена, но – впоследствии восстановлена по суду и, как стало известно, действительно стала «устанавливать здесь свои правила». В столь враждебном поведении некоторых учителей дети-мигранты и представители меньшинств чувствуют угрозу, они обижены, унижены, затравлены. Необходим чуткий и гуманный подход, психологическая поддержка и помощь, дружеское участие и забота, чтобы преодолеть травмирующий эффект подобной ситуации.

Вывод один: любые устойчивые проблемы детей-мигрантов в школе, в первую очередь, во взаимоотношениях с учениками и учителями, требуют самого серьезного к ним отношения. За этими проблемами могут скрываться как простые недоразумения, вызванные понятным недостатком культуры взаимоотношений новичка-учащегося в принципиально новой для него образовательной среде, так и более серьезные психологические нарушения. Поэтому родителям таких детей необходимо сразу обращаться к специалистам – к психологам и врачам-психотерапевтам. Цель обращения – разобраться вместе с ребенком в истоках его психологических проблем в школе и найти пути выхода их них.

Если говорить о второй выделенной нами группе проблем – эмоциональных нарушениях у детей-мигрантов, то это такие проявления в эмоциональной сфере детей, как страхи, плохое настроение и тревога. Обычно эти проявления устойчивые. Многие из них появились еще в раннем, дошкольном возрасте. Наука сегодня говорит о том, что важны эти проявления не сами по себе (страх пауков, собак, темноты и т.д.), а то, что за ними стоит, что они выражают. Та же наука убедительно доказывают, что все эти эмоциональные проявления, в первую очередь, связаны с какими-то неблагоприятными событиями, которые когда-то пережил ребенок, особенно если эти события произошли в его самом раннем возрасте. То есть для части людей, переживающих эти негативные события, они просто так не проходят, а надолго остаются в памяти. Человек может

как бы вообще «забыть» о них, но эти события никуда не деваются и рано или поздно напоминают о себе, напоминают через страхи, тревогу, необъяснимые спады настроения, страшные сны, ночные кошмары. В настоящее время такие отрицательно влияющие события принято называть травматическими, и, в первую очередь, связывают их с перенесенным стрессом. Обращающиеся за психологической помощью матери детей-мигрантов разъясняют причину проявившихся нарушения: оказывается, что их дети стали жертвами различных военных конфликтов или террористических акций. На глазах детей происходили страшные события. Их родные и близкие, а часто и они сами подвергались различным видам насилия. Соответственно, тот же имеющийся страх темноты у обращающихся за психологической помощью детей-мигрантов может быть проявлением неотреагированного стрессового события, которое когда-то произошло в темном помещении или в ночное время. Например, внезапно разбуженный глубокой ночью ребенок становится свидетелем сцены насилия, чинимой бандитами в отношении его родителей.

Очевидно, что цель психотерапевтической работы с детьми в случаях с эмоциональными нарушениями заключается в проработке «забытых» стрессовых ситуаций. Это работа длительная. Надо запастись терпением и взрослым, и самим детям.

Проблемы третьей группы – психологические нарушения у детей как результат расстроенного здоровья – проявляются в повышенной возбудимости, раздражительности, расторможенности, замедленном развитии и своеобразном психическом состоянии. Все эти нарушения у детей – повод для пристального врачебного, психологического и логопедического обследования. Без своевременной правильной диагностики и последующего правильно подобранного лечения эти симптомы никуда не исчезают и способны значительно усложнить жизнь детям и их родителям.

Таким образом, психологические проблемы у детей-мигрантов – это реальность. Реальность и то, что специалисты Санкт-Петербурга готовы оказывать соответствующую

щую бесплатную профессиональную помощь в различных государственных и негосударственных учреждениях и организациях города. И опыт первых прогрессивных родителей детей-мигрантов, уверенно обращающихся за подобной помощью в учреждения Санкт-Петербурга, – это тоже реальность наших дней. Долг людей, работающих с детьми, – своевременно направить детей и родителей к специалистам, которые могут им помочь.

2013

ДОСУГОВЫЕ ЦЕНТРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В ПЕТЕРБУРГЕ

Несколько лет тому назад, когда мы только начинали осуществлять культурные мероприятия с детьми из цыганского табора в Пери (Ленинградская область), мне довелось возить тогдашних школьников в цирк. Для цыганских детей, их родителей и учителей эта поездка была долгожданным подарком. Никто из цыганских детей раньше не был в цирке, и о нем они имели самое смутное представление. Учителя, как могли, подготовили их к поездке, рассказали и о правилах поведения в цирке. И вот этот день настал. Предвкушая представление, мы стали рассаживаться по своим местам – к сожалению, нам тогда достался лишь последний ряд. Я сидел рядом с кабинкой осветителя. Примерно через пять минут оттуда вышел интеллигентного вида мужчина, присел возле меня и тихо сказал: «Простите меня, хочу вас спросить. Это кто? Это цыгане?». Я, не чувствуя подвоха, искренне ему ответил, что да, это цыганские дети. Что у нас культурная программа. Сейчас это цирк, и это здорово! Дяденька в ответ застыл, потом побледнел и парировал: «А зачем? Зачем будущих воров и наркоманов к культуре приобщать?». Этому представителю «культурного цеха» я тогда ответил жестко-психологически. Мол, уважаемый товарищ осветитель, возможно, вы

облучились от вашей осветительной аппаратуры, и в связи с этим у вас возникли проблемы с головой. Сказав это, я вернулся к детям, а осветитель проводил меня сочувственным взглядом, полагая, что это у меня проблемы с головой.

Теперь часто говорят о том, что инокультурные люди должны знать русскую культуру, если «они хотят жить с нами». Соответственно должны быть структуры, а главное – люди, которые искренне хотят работать на ниве культурного просвещения, работать от души и профессионально. И каждый раз, когда я слышу пламенные речи на тему «окультуривания» мигрантов, я невольно вспоминаю тот случай в цирке, хотя потом цыганских детей везде принимали хорошо, где бы они ни были, – в музеях, театрах или на экскурсиях. Если кто-то из «служителей культуры» на детей-россиян реагирует негативно, то можно себе представить, насколько надо быть мотивированным на работу с детьми-мигрантами.

Культурно-досуговыми учреждениями для детей-мигрантов, в которых работают профессионалы и очень хорошие люди, нужно пользоваться. Любая полезная досуговая деятельность для детей-мигрантов – это расширение их жизненного горизонта. Ведь большинство из них, особенно тех, кто не учится в школе, ограничены домашним кругом и местом работы родителей. Им нужны новые контакты с новыми людьми – детьми и взрослыми, понимание правил поведения и особенностей менталитета россиян, и самое главное – постоянное погружение в языковую среду, без которой, как ни крутись, не обойтись тем, кто планирует надолго остаться в новой для себя стране.

Что самое, с точки зрения психологии, главное в интеграции мигрантов в социум нашей культурной столицы? Ответ – постоянное и эффективное преодоление чувства инакости: они и мы, россияне и мигранты, мусульмане и православные. И поэтому для детей-мигрантов полезный досуг – очень хорошая лаборатория, площадка, арена для такой психологической работы. В отличие от школы, где все по режиму (от звонка до звонка) и во многом формально, – в местах полезного досуга все естественнее,

все неформальнее. Значит, у детей – мигрантов снижается настроенность, они меньше ждут подвоха, искренне «открываются» другим.

Что же в реальности предлагает наш город детям-мигрантам в качестве полезного досуга? Кружки и спортивные секции (иногда бесплатные) при школах или в подростковых клубах, военно-патриотическая работа в школах (несколько модифицированная в наше время игра «Зарница», ее минус – военизированность, плюс – поездки на соревнования).

В последние годы в ряде районных центров социального обслуживания населения появились отделы работы с семьями мигрантов. Однако посетителей, особенно постоянных и из числа несовершеннолетних, в них мало. Есть и негосударственные клубы, но из-за проблем спонсорского финансирования их становится все меньше. Мне вспоминается опыт проекта «Юные живописцы», который несколько лет подряд реализовывался на базе некогда существовавшего негосударственного клуба «К9С» в Центральном районе Санкт-Петербурга для двадцати азербайджанских детей 9-12 лет. Они рисовали, устраивали выставки своих рисунков, ходили бесплатно в Эрмитаж, Русский музей, пили чай с печеньем. Правда, было слабовато с интеграцией.

По нашим наблюдениям, педагоги таких кружков, как правило, открыты и доброжелательны к детям-мигрантам, а есть среди них и настоящие энтузиасты. Обстановка в самих клубах тоже обычно спокойная. Конечно, возникают временами естественные, ожидаемые единичные конфликты между детьми, но все они носят в итоге бытовой характер, хотя их источником становится иногда разное понимание некоторых норм культуры. Так, в одном из негосударственных клубов в Адмиралтейском районе поссорились два друга-подростка. Русский мальчик по незнанию предложил своему таджикскому другу бутерброд с ветчиной, тот болезненно отреагировал. Русский мальчик узнал, что религия не позволяет его другу есть ветчину, назвал религию глупой. Возникла было

драка, но конфликт удалось быстро погасить. Я и мой коллега Андрей провели в этом клубе занятие для всех детей и рассказали о бытовых культурных различиях двух народов.

Впрочем, пока в подростковых клубах, кружках и секциях занимается не так уж много детей-мигрантов, нет их и в известных творческих студиях нашего города. Не видно и нескончаемых потоков юных мигрантов в Русском музее и Эрмитаже, в этнографических музеях. Уже год мы ищем (и не находим) детские учреждения, которым понравилась бы наша идея организовать любительский театр с участием детей-мигрантов и русскоязычных детей.

И, тем не менее, я призываю детей-мигрантов и их родителей смело посещать доступные учреждения и находить себе дело по душе. Не стесняться своего несовершеннолетнего русского языка, незнания наших традиций. Не бояться сделать первый шаг навстречу дружбе. Главное – почувствовать себя уверенно, быть самими собой и открываться тому новому, что вам и вашим детям может подарить наш замечательный город.

2013

ДВА КВАНТА МИЛОСЕРДИЯ ДЛЯ УЗБЕКСКИХ ПОДРОСТКОВ

Середина апреля в нашем городе традиционно богата на культурные события, одним из которых стал международный фестиваль детских театров «Золотой Арлекин», отмечающий в этом году 10-летие. Его инициатор и самый активный участник – детский музыкальный театр «Зазеркалье». Вот туда-то на один из внеконкурсных фестивальных спектаклей мы и пошли с нашими юными друзьями – детьми, приехавшими в Петербург из Узбекистана.

Это были «Крылья для клоуна» нижегородского театра «Пиано» – необычного тем, что его артисты – глухонемые дети, которых профессиональный режиссер Владимир Чикишев нашел в нижегородском школе-интернате № 1. У нас не было сомнений, что общение без слов – это тот универсальный язык, который понятен людям любой национальности. И действительно, зрелище было уникальным. Дети на сцене создавали трогательные человеческие образы и мизансцены, абсолютно понятные всем присутствующим в зале. Почти каждая короткая сценическая история, грустная или радостная, была интерактивной: юные актеры вовлекали зрителей из зала в свое действие. Одним из таких совместных игровых действий стал полет стаи птиц. Я видел, как наши юные узбеки с воодушевлением «летали» вместе с актерами и зрителями и радовались искренне и неподдельно. Расходились все вдохновленные и с очень добрыми чувствами.

Вскоре после фестиваля ребята приняли участие еще в одном гуманистическом мероприятии. Польское землячество в Санкт-Петербурге активно пропагандирует взгляды и творчество великого польского гуманиста, врача, педагога, писателя и общественного деятеля Януша Корчака. В этот раз землячество представило театрализованную композицию «Януш Корчак и дети», подготовленную совместно Польским культурным центром и воскресной школой при Еврейском общинном центре в Санкт-Петербурге.

Само действие представляло собой монтаж из четко подобранной информации о героической жизни Януша Корчака, о созданном им Варшавском детском доме для еврейских сирот. Звучали стихи и песни, посвященные трагедии корчаковских детей в варшавском гетто. Все в зале следили за происходящим на сцене, затаив дыхание. Так же тихо и сосредоточенно следили за действием и наши ребята, так же внимательно слушали песни, исполняемые на польском языке. Большое впечатление на всех произвела финальная сцена спектакля: дети из еврейской воскресной школы, в повязках с желтыми звезд-

дами, застыв, выстроились в ряд и читали на русском языке стихи, посвященные последним дням жизни детей Корчака. На экране – посадка детей и Корчака в товарные вагоны, отправляющиеся в концлагерь Треблинку, это кинокадры из легендарного фильма Анджея Вайды «Януш Корчак».

Я уверен, что любым детям нужны театральные впечатления, которые воспитывают доброту, милосердие, гуманизм. Прекрасно, что у некоторых детей-мигрантов теперь есть возможность прикоснуться к искусству, возвышающему душу.

2013

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕЧЕНСКИХ ДЕТЕЙ ПО САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ

С 7 по 12 ноября 2010 года, во время каникул, в нашем городе гостили дети из Чечни со своими педагогами – из Грозного и поселка Новые Алды. Они хотели увидеть наш знаменитый город.

Разные люди и разные общественные организации, зная об этом желании детей, подготовились к приему этой уникальной «туристической группы». Еще до приезда чеченских детей и учителей инициативная группа петербуржцев, собираясь неоднократно, планировала весь их маршрут таким образом, чтобы совместить посещение всемирно известных культурных памятников с интересными встречами. График поездки у чеченских ребят был очень насыщенным: за короткий срок они посетили Эрмитаж, Русский музей, Исаакиевский собор, Лицей в Пушкине, встречались с народным артистом Олегом Басилашвили.

Не менее интересной была и общественная часть их визита. В день приезда гости из Чечни и петербуржцы встретились в организации «Русско-немецкий обмен».

Вечер знакомства был очень интересным и закончился красиво и символично: всем участникам было предложено надуть шарики и написать на них все то, что мешает дружбе. Коллективное избавление от всего злого через лопнувшие шарики вызвало мощный взрыв человеческих эмоций.

На следующий день чеченских детей и учителей принимали представители партии «Справедливая Россия» в Мариинском дворце. Эта встреча была организована бывшим членом Законодательного собрания, активистом партии «Яблоко» М.И. Амосовым. Здесь произошла оживленная дискуссия на тему «Зачем нужны законодатели». В этот же день состоялось самое примечательное, на мой взгляд, общественное событие: в Санкт-Петербургском интерьерном театре чеченские гости вместе с петербургскими зрителями слушали детскую оперу «Брундибар» чешского композитора Ганса Красы, блестяще исполненную на английском языке юными артистами из студии театра «Зазеркалье». Эта детская опера имеет незатейливый сюжет: брат и сестра из бедной семьи хотят пить на улице, чтобы заработать на стакан молока для больной матери. Им мешает местный «монополист», взрослый шарманщик Брундибар. В конце оперы силы добра и сами дети побеждают Брундибара.

Трогательно и трагична история этой оперы. Она была 55 раз исполнена в «образцовом» чешском гетто для евреев в период оккупации Чехословакии фашистами, в местечке Терезин. Это гетто фашисты в рекламных целях цинично именовали «раем для евреев», особенно для представителей творческих специальностей: «Пожалуйста, посмотрите, вот еврейские дети с

5 февраля 2000 года в поселке Новые Алды на окраине Грозного бойцы петербургского ОМОНа совершили массовое убийство мирных жителей: в течение нескольких часов разграбили и подожгли несколько десятков домов, расстреляли, по данным алдинцев, 82 человека. Впоследствии Правозащитного центра «Мемориал» удалось задокументировать убийство 56 человек в самом поселке и прилегающих районах.

удовольствием разыгрывают оперный спектакль». Затем все обитатели гетто были уничтожены, в живых остались лишь несколько человек.

Этот уникальный спектакль закончился трогательным эпизодом. Под пение знаменитой еврейской «Тумбалалайки» юные артисты медленно поворачиваются к залу. И на груди у каждого из них желтая звезда Давида — отличительный знак евреев, который должны были они носить.

После спектакля в зале состоялся серьезный разговор. Взрослые участники этой встречи говорили о том, что все мы живем в страшное время — в «эпоху Брундибара», и всем нам надо сплотиться и сделать так, чтобы Брундибар снова не пришел в наш мир. Чеченские педагоги откровенно заявили, что у них еще не зажили раны от недавно отгремевших чеченских войн, что все происшедшее с Чечней еще очень больно для них, но они верят в силу дружбы.

А потом было еще много интересных, занимательных и творческих дел. Известный повар Илья Лазерсон провел с детьми свой изысканный кулинарный сейшн. Американский художник и фотограф Рип Гриффит устроил мастер-класс по современной фотографии, ребята из Красносельского лицея искусств показали своим чеченским ровесникам композицию на тему «Поэты Серебряного века».

Весь этот короткий праздник дружбы финишировал в пятницу 12 ноября в библиотеке имени Маяковского. В тот день Польское землячество в Санкт-Петербурге подготовило и провело настоящий фестиваль разных культур нашего города. В нем приняли участие представители многих диаспор. Естественно, чеченские дети тоже блеснули своим танцевальным мастерством.

На перроне Московского вокзала днем 13 ноября петербуржцы прощались со своими чеченскими гостями. Конечно, было грустно, каждый из наших чеченских друзей увозил и свою добрую память о нашем великом городе. И, конечно, были обещания с обеих сторон вновь встретиться с чеченскими ребятами — в Санкт-Петербурге, а с нашими — Грозном.

Поезд отъехал, но остались воспоминания и размышления, которые невозможны без постановки вопросов самим себе. Например, такого: для кого эта поездка была важнее — для них или для нас? При всем моем уважении к радости сбывшейся мечты чеченских детей увидеть Северную Пальмиру, хочется ответить — для нас. Для нас, потому что мы теперь можем хоть сказать: «Мы сделали все возможное, чтобы эти дети не только увозили самые добрые воспоминания о петербуржцах, но и передавали свои чувства другим».

Жалко, очень жалко, что такая встреча была только одна. А как бы хотелось, чтобы их было много.

2010

ЛЕТНИЕ ЛАГЕРЯ ДЛЯ ЦЫГАНСКИХ ДЕТЕЙ

Тульская область

В Тульской области в цыганском таборе давно уже существует государственная начальная школа, в которой с удовольствием учатся цыганские ребята. Маленький коллектив учителей вкладывает душу в своих учеников: придумывают что-то новое, что еще лучше развивало бы детей, — различные конкурсы, викторины, спортивные соревнования, экскурсии.

В июне 2012 года на базе школы был организован летний лагерь. Детям здесь нравилось все: и режим дня, очень похожий на занятия в школе, и школьная дисциплина. Само собой разумеется, что понравились и всевозможные творческие мероприятия, которые приходилось постоянно изобретать учителям, чтобы дети не заскучали. И, конечно, понравилось разнообразное меню в школьной столовой. Важно помнить, что дополнительное питание летом — это серьезная поддержка физического здоровья детей, ведь многие — из малообеспеченных семей.

Были и выездные мероприятия по историческим местам Тулы, но на многое не хватило финансирования. Что же делать, особенно когда идут дожди? Опять же, выручал только учительский энтузиазм, желание с душой делать свое учительское дело — в очень маленьком здании школы, в замкнутом таборе. Но у этого обстоятельства есть свои плюсы. Лагерь-школа в таборе стала частью большой цыганской семьи. Поэтому здесь все было, как дома. На крыльце школы, под лучами летнего солнышка, уютно расположились малыши. Им интересно, что делают старшие ребята и взрослые. В узких коридорах школы постоянное движение цыганских мам. У них очень много вопросов к учителям по поводу своих детей. Но все здесь естественно и ненапряженно, все по-доброму.

Ярким событием для всех участников лагеря стала автобусная экскурсия в Ясную Поляну. Для многих Тула ассоциируется в первую очередь с именем Льва Николаевича Толстого. Круглый год туристы и люди, интересующиеся жизнью великого русского гения, стремятся попасть в его музей-усадьбу. Поэтому нельзя было не провести экскурсию в Ясную Поляну для цыганских детей. Им здесь все интересно — сама атмосфера усадьбы, исторические объекты на ее территории, графский дом. Дети очень дисциплинированно следовали за экскурсоводом, внимательно слушали его рассказ.

Закончились, быстро пролетев, недели детского лагеря в Плехановской начальной школе. Наступили обычные летние таборные будни, когда жизнь многих цыганских детей вновь приобретает взрослый характер, отражающий заботы и волнения родителей. А этих забот и волнений всегда много.

Значит, было бы хорошо, чтобы радость здорового лета как можно чаще посещала цыганских таборных детей, — и в Туле, и в Пери, и в Чудово, и везде, где существуют компактные цыганские поселки. Для детей, рано уходящих во взрослую жизнь, очень важно приобрести как можно больше хороших и светлых впечатлений из своего детства.

О проблемах дополнительного образования для цыганских детей говорили участники Круглого стола, организованного в Плехановской школе во время летнего лагеря. В условиях компактного цыганского поселка, внутри которого расположена школа, занятия с детьми очень востребованы — ведь для детей, которые не посещают платные кружки и секции, это «свет в окошке», уникальная возможность культурного развития. Директор АДЦ «Мемориал» Ольга Абраменко сделала сообщение о работе по преодолению образовательной дискриминации цыганских детей в школах РФ. Кирилл Кожанов развил эту тему на примерах ситуации в конкретных школах Ленинградской и Новгородской областей. Я прочел небольшую лекцию о современной диагностике и помощи при кризисных состояниях у школьников. Известный местный специалист по музейной педагогике Геннадий Опарин рассказал о возможностях приобщения цыганских детей к историческому и литературному наследию Льва Толстого.

Педагоги Плехановской школы рассказали, как они реализуют программу дополнительного образования в условиях летнего лагеря, а все участники дискуссии смогли понаблюдать за открытой экологической викториной, в которой соревновались две команды детей. «Ромашки» и «Колокольчики» отвечали на усложняющиеся вопросы, показывая не только знания по природоведению, но и отличную смекалку. В результате победила дружба.

Ленинградская область

Вот уже много лет мы устраиваем детям из компактного цыганского поселка в Пери Ленинградской области экскурсии в Санкт-Петербург, где дети посещают театры и музеи, знакомятся с историей и культурой города. За эти годы цыганские родители научились доверять нашим сотрудникам и волонтерам. Поэтому, когда представилась возможность, мы решили организовать свой летний лагерь для цыганских детей из табора. Но возник вопрос: где? Как нельзя кстати оказался известный в Пе-

тербурге и области частный досуговый центр, расположенный в непосредственной близости от Токсовского зубропитомника и всего в 15 минутах езды от табора.

Зубропитомник, огражденный массивным забором, находится на большом лугу. Через лесную дорогу от него располагаются конюшня, кафе, детский зооуголок, детский «альпинистский» тренажерный комплекс, несколько симпатичных беседок и маленький деревенский домик. Именно там было решено сделать лагерь.

Дело было в последние две недели июля. Утром каждого дня автобус привозил детей из табора в лагерь. В 5 вечера все заканчивалось, и детей увозили домой. За это время с детьми проводились разнообразные мероприятия, они обедали и полдничали.

Идея лагеря заключалась в синтезе развлечений и импровизированной летней школы для учащихся младших классов Осельковской средней школы, куда ходят таборные дети. В осуществлении этого проекта, помимо наших сотрудников, участвовали российские и иностранные волонтеры. В первую смену пригласили детей из 1-го и 2-го классов, во вторую — из 3-го и 4-го. Поскольку это был для нас новый опыт, очень важно провести оценку того, что было изначально задумано.

Первая неделя прошла в суровых условиях дождливой погоды. Тем не менее, опасения, отпустят ли цыганские мамы детей в лагерь или нет, к счастью, не оправдались. Дети приезжали во все дождливые дни и делали это с большим удовольствием. С первых дней нам очень помогал женский актив табора. Несколько мам по очереди подключались к работе с ребятами, в особенности известная активистка Эльза Михай, которая участвовала в лагере всю первую смену. Вели себя цыганские дети идеально. Всем многочисленным посетителям комплекса, среди которых было много благополучных питерских родителей со своими детьми, и его персоналу наши ребята запомнились как благовоспитанные мальчики и девочки. Все мы неоднократно слышали комплименты в их адрес — какие это культурные и воспитанные дети, всегда улыбки, доброжелательные, всегда благодарят и здороваются.

Важная роль принадлежала волонтерам. Харитон Симон учится на социального педагога, работает по специальности в Печорском детском доме в Псковской области. Сулейман Янополь сам живет в цыганском поселке в Новгородской области, учится в 11-м классе Сябренницкой школы и собирается стать детским врачом. И, наконец, Самик Самиков, 15-летний ученик лицея в Санкт-Петербурге. Он сразу настолько органично влился в детское цыганское сообщество, что дети приняли его за своего и никак не хотели верить, что он узбек, а не цыган. Самик всегда был с ними, каждую минуту, при этом он никогда не уставал, не злился, если его подопечные заигрывались настолько, что «роняли» его на траву. А куча-мала случалась довольно часто...

Если развлекательная часть лагерной жизни стала здорово получаться с первых дней, то с обучающей программой дело обстояло значительно хуже. Дети с удовольствием наблюдали за зубрами, с интересом слушали взрослых, рассказывающих о жизни этих животных. Умилялись, общаясь с домашними животными в маленьком зооуголке. Радостно катались на пони, преодолевали детскую полосу препятствий и, конечно, играли в футбол, если позволяла погода. Однако, как только дождь их загонял в беседку или домик, они, можно сказать, немного скисали: начинали быстро уставать, теряли интерес даже к таким популярным детским досуговым занятиям, как рисование. Общий недостаток творческой игровой культуры мешал даже банальным самодеятельным занятиям типа пения или танцев. Дети очень стеснялись, были скованными. Пригласить на импровизированную сцену потанцевать или попеть удалось лишь нескольких человек. Не помог даже личный пример цыганских мам. На этом фоне достаточно ярко прошло мероприятие с нашими друзьями-капоэйристами. Им на все сто процентов удалось завлечь детей в свои зажигательные спортивно-борцовские и одновременно танцевальные ритмы.

А когда дело доходило до образовательной программы, то все получалось еще труднее, несмотря на искреннее желание наших волонтеров сделать эти занятия увлекатель-

ными. Они предлагали детям популярные викторины для дошкольников и младших школьников, простые логические, арифметические и речевые задания. Но цыганские дети справлялись с ними плохо, причем уровень знаний и школьной подготовки учеников 3-4-х классов оказался даже ниже, чем у их младших товарищей.

Здесь, возможно, кто-то скажет, что вообще не стоило планировать какие-то образовательные часы. Мол, лето, пусть дети отдохнут. Но в ответ я могу возразить, что, к сожалению, с цыганскими детьми некому заниматься летом, закрепляя полученные за учебный год знания. Да и уровень этих знаний, как мы с грустью убедились, оказался чрезвычайно низким.

Когда лагерь заканчивался, всем было грустно. Дети и мамы не могли поверить, что завтра не надо рано вставать, чтобы не пропустить автобус в лагерь.

2012

ОБУЧЕНИЕ ЦЫГАНСКИХ ДЕТЕЙ В ЛИТВЕ И РОССИИ

С 28 февраля по 2 марта 2013 года в Вильнюсе происходили очень интересные мероприятия, посвященные ключевой для нашей цыганской работы теме – обучению цыганских детей. Именно для участия в них мы, врач-психолог Илья Бердышев и специалист по социальной работе Галина Соловьева, были любезно приглашены руководителем Ромского культурного центра Вильнюса Светланой Новопольской.

Перед поездкой в Литву я был уверен в том, что положение цыганских детей, граждан и неграждан Литвы, не так плохо, – зная наши отечественные сложности в этом вопросе, меня грела надежда на европейские демократические стандарты в Литве, мол, забота о детях и все прочее.

Первая встреча – круглый стол – прошла в Ромском центре. Его участниками были С. Новопольская, сотрудники Цен-

тра, учителя, обучающие цыганских детей. Оказалось, что в Литве существуют те же проблемы, что и в России, однако деятельность Центра, основная задача которого обеспечивать поддержку образования цыганских детей, финансируется государством – Министерством культуры. К сожалению, наши литовские коллеги вынуждены констатировать, что и в их европейской стране восприятие коренным населением цыган далеко не толерантно. В умах многих литовцев те же мифы о криминальности цыган, что и в России. Те же проблемы с обучением цыганских детей, которые плохо знают литовский язык и предпочитают говорить по-русски или по-цыгански: нет настоящей мотивации к учебе, нет настоящей подготовки к каждому учебному дню, нет включенности цыганских родителей в качестве заинтересованных посредников.

В литовских школах к цыганским ученикам относятся порой с настороженностью. Большинство детей приходят в 1-й класс, когда им уже намного больше, чем 6 или 7 лет, рано бросают учебу. Сотрудники Центра (в основном литовские женщины и двое русских мужчин-педагогов) – очень милые, добрые, открытые люди, искренне желающие помочь цыганским детям. А детям в Центре нравится все, что им здесь предлагают. К сожалению, у многих из них преобладают не образовательные, а чисто игровые и развлекательные интересы. Есть дети, которые так и не научились читать и писать. Однако в их обучении представлен и культурно-образовательный компонент (например, пользуются популярностью регулярные экскурсии и выезды за пределы Вильнюса – так, недавно очередную группу цыганских ребят очень впечатлила поездка в Каунас).

Одной из проблем педагогов часто становится профессиональное выгорание. Это серьезное психологическое нарушение, развивающееся у определенной категории работников, трудовая деятельность которых связана с людьми. Итог выгорания – тяжелый психический дискомфорт, потеря интереса к профессии и постепенно нарастающая ненависть к детям. Тому, как проводить профилактику выгорания у учителей, работающих с цыганскими детьми, был посвящен семинар, который проводил я.

Еще одна встреча состоялась в живописном месте под Тракаем, в стилизованном под традиционный литовский хутор туристическом центре. В просторном деревенском доме, в холле у камина в круг расположились два десятка студенток литовских вузов – волонтеров, работающих с цыганскими детьми. Эти литовские девушки по собственному желанию безвозмездно решили помогать обучению цыганских ребятишек. Для этого они пошли по пути индивидуального шефства – наставничества. Каждая из них взяла под опеку одного или двух цыганских малышей, которые готовятся пойти в школу или только начали обучение.

В процессе обмена мнениями, порой очень эмоционального, выяснились основные проблемы, переживания волонтеров. Во-первых, это невозможность мириться с предвзятым отношением общества к цыганам, в частности, к перспективе обучения цыганских детей. Во-вторых, это несобранность и расторможенность детей на занятиях. В-третьих, это непостоянство этих детей как учеников в связи со всеми известными обстоятельствами, обусловленными спецификой цыганской жизни. В-четвертых, отсутствие (как и в России) какой-либо методической литературы по работе с цыганскими детьми.

После этого разговора я провел с волонтерами тренинг педагогической уверенности, где моделировались воспитательские проблемные ситуации. В конце тренинга разгорелся настоящий профессиональный спор о педагогической тактике разрешения одной смоделированной конфликтной ситуации. Одной из самых горячих спорщиц оказалась цыганская мама, которая пыталась разрешить заданную ситуацию с позиций цыганских традиций.

По дороге домой мы обменивались впечатлениями, думали, что ценного из опыта литовских коллег мы можем использовать для наших российских нужд. Мы пришли к выводу, что, во-первых, это ресурс государственной финансовой поддержки работы с цыганскими детьми. Во-вторых, это поиск и подготовка наших российских волонтеров для подобной работы. Спасибо, конечно, немецким

и другим иностранным волонтерам, приезжающим поработать с цыганскими детьми, но этого, увы, явно недостаточно – нужно привлекать и местную молодежь, студентов и энтузиастов.

2013

ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ ЯЗЫКОВЫХ МЕНЬШИНСТВ В РОССИИ И В ЛАТВИИ

По роду профессиональной деятельности детского психолога мне постоянно приходится сталкиваться с различными случаями образовательной дискриминации в нашей стране. Подвергнуться дискриминации может и успешный гимназист, и выдающийся лицеист, если вдруг образовательные обстоятельства начнут складываться для них неудачно. А обстоятельств может быть великое множество.

Дети есть дети, и все они разные – иногда непредсказуемые, «неуправляемые», «проблемные». Очень часто они становятся «нежелательными» для школы: учителям надо напрягаться, искать к ним индивидуальный образовательный подход, как это предписывают, между прочим, инструкции для педагогов. Но возиться с ними хлопотно, и у учителей всегда наготове отговорка: «У меня в классе тридцать человек, ко всем индивидуально не подойдешь». В итоге «нестандартным» детям рекомендуется перейти в специальные школы «для умственно отсталых» – при том, что интеллектуально они развиты достаточно.

Одно из оснований для дискриминации – экономическое неравенство. Совсем недавно я консультировал 11-летнего мальчика, который переживает самую настоящую травлю со стороны учителей и одноклассников. Причина – отказ матери сдать 2000 рублей на выпускной вечер после 4-го класса. Воспитывая ребенка одна и получая небольшую зарплату, она просто не имела этой суммы. Кто

же мог предположить, что этот отказ ее ребенку припомнится, да еще как! Учителя 5-го класса получили от своей коллеги информацию о «финансовой неблагонадежности» этой матери, то есть, говоря простым языком, что «с нее нечего будет взять». К мальчику стали негативно относиться сначала учителя, а затем и активисты из родительского комитета, которые перестали приглашать ребенка на внешкольные мероприятия. Под влиянием родителей некоторые дети стали дразнить мальчика «нищим» и «бомжом». Ребенок впал в тяжелую депрессию. Ему срочно понадобилась специальная психологическая помощь и перевод в другую школу — «с человеческим лицом».

В ряду дискриминированных оказываются и дети, у которых в силу ряда культурных и социальных обстоятельств просто нет возможностей для равного со своими сверстниками старта в обучении. Часто это внутренние мигранты из дальних провинций, которые с родителями переехали в Москву или Петербург, — например, из далекого дагестанского села. Все для этих детей на новом месте другое: культура, обычаи, традиции, язык, вера, отношения между людьми. Кроме того уровень знаний, полученных в сельской школе, не соответствует уровню учеников столичных школ. Яркий пример такого неравноправия на стартовом уровне — цыганские дети и дети трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья. Для них, безусловно, все другое. Им очень трудно дается русский язык, родители часто не могут помочь им с уроками.

Таким образом, образовательная дискриминация — это широко распространенное явление. Дискриминируемым потенциально может стать любой ребенок. Но самые большие образовательные сложности переживают дети с глубокими социально-культурными отличиями — представители национальных меньшинств.

Суть образовательной дискриминации заключается в полном или частичном неисполнении своего учительского долга в отношении одной категории детей в сравнении с другой. Учитель должен подходить к любому ученику с открытым сердцем, непредвзято, полностью передавая ему необходимые знания. Для этого учителям надо иметь мно-

го человеческой энергии. На всех ее не хватает. И поэтому легче и проще учить «удобных», во всех смыслах, учеников. На них и будет направлена эта энергия, а все что останется — если останется — на прочих. К этим «прочим» как раз и относятся дети — переселенцы с Северного Кавказа, цыганские дети, дети трудовых мигрантов из стран СНГ.

Дети с Северного Кавказа — это жители России и, соответственно, где бы они ни оказались, в отношении них должны соблюдаться права наших граждан, в частности, право на образование. Однако выясняется, что некоторые из них часто не чувствуют себя в школе комфортно. Напротив, у них есть ощущение своей чуждости, ощущение себя гостем, временно прибывшим в данное место. Конечно, ушли те времена, когда откровенно ксенофобски настроенные учителя могли во всеуслышание выразить свои чувства в адрес таких детей — мол, убирайтесь туда, откуда приехали. Сейчас настроенные так педагоги знают, что за подобную выходку их могут уволить с работы или того хуже — подать на них в суд. Но эти дети улавливают предрассудки общества, часто формулируемые в СМИ: например, многие политики, признавая их жителями России, тем не менее, выражают сожаление о большом притоке мигрантов из этого региона. «А хорошо ли это для наших родов? — спрашивают они. — Конечно, это жители России, но все же...»

Еще труднее детям из семей, приехавшим с Южного Кавказа. Хотя многие из этих людей, бежавших от тяжелой доли, например, из зон военных конфликтов, получили российское гражданство, их по-прежнему на каждом шагу останавливают блюстители порядка для проверки документов. Из-за страха перед полицией они стараются лишний раз не выходить в центр нашего замечательного города Петербурга.

Судьба их детей в качестве учеников складывается по-разному. Где-то они учатся вместе с русскими детьми, являясь немногочисленными «иностранцами», где-то пытаются объединиться и поступить в те школы, где уже учатся их соплеменники. Мне часто приходилось и приходится

выслушивать от своих клиентов различные мифы и небывлицы про азербайджанских школьников в нашем городе. Недавно один шестиклассник пытался убедить меня, что в одной из школ города, в районе, где я когда-то работал, их аж больше половины. Школу, о которой он говорил, я прекрасно знаю. В действительности в ней не более десятка азербайджанских детей. И дальше мой юный клиент делится со мной своими опасениями: «Они как одна большая банда, их все боятся!» Конечно, такие фантастические мысли не могли родиться в голове мальчика без поддержки и раздувании со стороны взрослых, родителей и учителей. Но это все очень тонкие, трудно уловимые моменты.

Мне вспоминаются две школы в нашем городе с открывшимися в них национальными классами – армянским и грузинским. В первый год их существования случайно встретившиеся мне родители учеников этих школ жаловались мне, что им пришлось перевести своих детей в другие школы именно по причине открытия этих классов. Одну семью особенно раздражало то, что в школе, где учился их ребенок, стали появляться учителя-кавказцы.

Таким образом, многие из детей мигрантов из стран Кавказа переживают в процессе своего обучения плохо сдерживаемую недоброжелательность «коренных» петербуржцев, юных и взрослых. Другие — таких меньшинство — пытаются создавать классы с этническим компонентом, чтобы хоть как-то чувствовать свою связь с исторической родиной и не забывать родной язык.

Что касается детей мигрантов из Центральной Азии, то мне кажется, что ситуация, к сожалению, ухудшается. И связано это не только с тем, что этим ученикам по-прежнему трудно усваивать русский язык и русскую культуру, и не с тем, что каких-либо дополнительных бесплатных вариантов помощи для ликвидации этих проблем государство не предлагает, а с самой невозможностью поступить в школу.

В нарушение закрепленных в международных документах прав детей на образование везде, где бы они ни находились, в последнее время активизировались фор-

мальные барьеры для недопущения детей мигрантов в образовательные учреждения города. Более жесткая политика наших миграционных властей отразилась на администрациях школ. Теперь только через районные отделы образования такие дети могут получить разрешение на учебу. Для этого нужно собрать много документов, у детей должна быть обязательная регистрация, которой зачастую нет. Все эти походы в РОНО родители, плохо знающие русский язык и наши реалии, переживают очень болезненно. И уже часто на этапе общения с нашими чиновниками у многих родителей пропадает желание устраивать детей в школу. Специальных кампаний по выявлению не охваченных образованием детей РОНО не организуют: спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Ухудшает положение и директива УФМС, предписывающая школам сообщать о регистрации родителей обучающихся у них детей. Это, естественно, тоже отпугивает мигрантов, у которых регистрация – основная проблема. Забирают детей из школ и из-за проблем обучения, из-за жалоб учителей. Дети без регистрации не могут сдавать экзамены за 9-й и 11-й классы, поскольку они не граждане России.

Огромная проблема – обучение цыганских детей. Низкая образовательная культура родителей цыганских детей, до сих пор во многом отрицающих саму идею образования, не может служить оправданием готовности властей оставлять все как есть. До сих пор лишь единицы талантливых цыганских детей, в том числе и жителей компактных поселков-«таборов», заканчивают 11 классов и поступают в техникумы и вузы. Большинство ограничиваются начальной школой или двумя-тремя классами после нее.

Среди тех, кто учит цыганских детей, встречаются настоящие подвижники. Мне приятно каждый раз на очередном семинаре по проблемам образования в АДЦ «Мемориал» видеть таких учителей, знакомиться с их уникальным опытом. И становится горько каждый раз, когда коллеги приносят информацию об очередной школе – и

где-то в российской глубинке, и вблизи культурной столицы, — где обучение цыганских детей больше похоже на трагикомедию, а учителя не любят своих учеников, исполняя свои обязанности лишь формально.

До сих пор не изжиты факты сегрегационного, раздельного обучения цыганских и русских школьников. За примером далеко ездить не нужно: достаточно посетить Осельковскую среднюю школу Всеволожского района, где это происходит, якобы, по воле самих цыганских родителей. Кстати, лично для меня остается спорным вопрос о целесообразности обучения цыганских детей в специальных «цыганских» школах, построенных в таборах. Возможно, это имело бы смысл, если бы в таких школах преподавались цыганская культура и язык, и делалось бы это не в рамках начальной школы, а в формате полной 11-летней программы. Сейчас же такие школы в массе своей представляют собой нечто изолированное и во многом ущербное.

Завершая первую часть обзора проблем образовательной дискриминации в России, мне приходится охарактеризовать ее в целом как скрытую, с локальным (в отношении цыганских детей) сегрегационным компонентом.

Латышский против русского

Так получилось, что, анализируя текущее положение дел с образованием нацменьшинств, я оказался по приглашению коллег-психологов в Латвии. Естественно, я поинтересовался, что правда, а что ложь в рассказах о положении русских в этой стране, поскольку основной источник информации для меня об этом — наше телевидение. Когда мы обменялись впечатлениями о сути дискриминации в образовании у нас и в Латвии, то мои рижане ответили мне: «Вы в России переживаете за судьбы тех детей, которые относятся к категории «понаехали тут». А у нас в Латвии в роли тех, кто «понаехали», — мы, русские. И в первую очередь, «понаехавшие тут» — наши дети». С их слов, ситуации в Латвии выглядит так.

Последние декреты в сфере образования в Латвии окончательно запретили русские школы, т.е. школы, где основное преподавание велось на русском языке. Теперь русские школы могут быть только частными. Тем самым отрицается право русскоязычных детей на сохранение своей национальной идентичности, поскольку условия латышской школы ее напрочь исключают.

Наибольшая обеспокоенность родителей связана с ожиданием результатов выпускных экзаменов своих детей – тестирования по латышскому языку. Вышие и хорошие результаты – это право их детей на поступление в вузы и колледжи. Средние результаты – право на достойную работу, низкие результаты – только на малоквалифицированную работу или статус безработного.

Если ученик из русской школы становится по решению суда сиротой, то он автоматически переводится в латышское интернатное учреждение, что, по мнению моих информантов, резко обрывает его связь с русской культурой.

Ознакомившись с взглядами моих русскоязычных коллег из Латвии, я начал с ними дискутировать. Во-первых, я смел предположить, что самым больным пунктом нашей истории латыши считают отсутствие критики оккупации Латвии Советским Союзом, т.е. всем известного исторического события, до сих пор одобряемого большинством русскоязычного населения Латвии. Таким образом, отрицаются все возможности диалога между русскими и латышами как гражданами одного государства. Латышей можно понять.

Во-вторых, что плохого в том, что дети (речь не о взрослых, которые родились в СССР) будут хорошо знать язык страны, в которой они родились и живут?

В-третьих, есть своя логика в латышской образовательной политике. В каждой стране есть государственный язык, который государство обязано поддерживать.

Но мои доводы не переубедили моих оппонентов. Для них то, что они мне рассказали, – сплошная дискриминация. А парадокс заключается в следующем: в Риге везде

слышна русская речь — значительно чаще, чем латышская. И вывески на магазинах и конторах зачастую тоже на русском языке.

Сразу же оговорюсь: с латышами о проблемах образования русскоязычных детей я не разговаривал. Но у меня сложилось впечатление, что категоричная оценка русскоязычными взрослыми ситуации с образованием их детей во многом замешана на идеологии.

Тем не менее, по данным моей коллеги Натальи Зацепиной, исследовавшей некоторые стороны психологии русских и латышских старшеклассников, между ними нет существенных отличий. Например, и те и другие старшеклассники к окончанию школы становятся более тревожными, что может объясняться их естественной обеспокоенностью за свое будущее после окончания школы. А это, в свою очередь, психологически понятно для всех выпускников школ мира. Кончается детство, начинается взрослость. И как она сложится?

Я в этой статье изложил свой взгляд на ситуацию с образованием детей из среды национальных меньшинств. Возможно, некоторые мои суждения эмоциональны и кое в чем предвзяты. Во многом, рассказывая о России, я в первую очередь имел в виду свой Северо-Западный федеральный округ, в котором живу, и информацию моих коллег, которую они привозят из других регионов. Наконец, я опирался на мнение наших «цыганских» учителей, самозабвенно и творчески работающих с цыганскими детьми. Конечно, кое-что меняется в лучшую сторону. В Петербурге под эгидой районных Отделов образования создаются экспериментальные площадки в школах, где компактно обучаются дети трудовых мигрантов. Создаются специализированные отделы для детей мигрантов в социальных учреждениях помощи семье и детям.

Но это все единичные случаи, полумеры. Главное — нет государственной системы для устранения дискриминации в сфере образования. А возможно, вообще нет желания с ней бороться. Очевидно и то, что после многолетней кампании по обучению школьников города азам толерантно-

сти — кампании, официально отмеченной дипломом Европейского Сообщества, — однозначно позитивных сдвигов в сознании наших юных граждан не произошло. Тем не менее, мы должны быть оптимистами, верить в лучшее. Поэтому, если на ваших глазах в российских школах происходит дискриминация детей из-за национальности, не отчаивайтесь. Не уходите из школы. Вместо этого уверенно отстаивайте права ваших детей.

2012

ЗАМЕТКИ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ

Недавно меня пригласили изучить организацию защиты прав национальных меньшинств в городе Вустере (штат Массачусетс, США).

Вустер — небольшой город: 170 тысяч жителей. Вместе со столицей штата Бостоном он входит в Новую Англию — историко-географическую область США, где зарождались и распространялись далее по всем штатам все демократические идеи: от независимости до расового равноправия. То есть я оказался в одном из самых демократических городов США.

При этом социально-демографическая ситуация в Вустере была и остается крайне непростой: 60 % жителей живут бедно. Приток эмигрантов продолжается. Многие из них абсолютно не владеют английским языком, а есть и такие, кто плохо владеет и родным языком, не умеют на нем читать и писать.

Состав эмигрантов пестрый: 20 % выходцы из стран Латинской Америки (в последнее время больше всего из Бразилии), 10 % из стран Азии (в основном, вьетнамцы), большие потоки эмиграции из Афганистана, Пакистана, стран бывшей Югославии. Есть эмигранты и из бывших советских республик: республик Центральной Азии, Молдавии, Беларуси.

В течение трех недель я знакомился с тем, как работают государственные и негосударственные организации в этом городе, реализуя главную американскую идею — создание равных правовых возможностей для самореализации каждого американца: и гражданина Америки, и того, кто им не является. То есть нам рассказывали и показывали, как в этом городе предотвращают любую дискриминацию или борются с ней, когда речь заходит о «некоренных американцах», как соблюдаются права людей не белой расы, эмигрантов и даже людей, незаконно находящихся на территории США, как это конкретно делается в суде, в прокуратуре, в полиции, в учреждениях здравоохранения, образования, в социальных службах.

Рассказать хочется о многом, однако придется ограничиться самым, на мой взгляд, важным. Во-первых, указанными проблемами активно занимаются как государственные, так и негосударственные организации. При этом они активные партнеры. Государство во многом, начиная от финансирования, поддерживает общественные организации. Государство — это и местный уровень (в отличие от нас, на этом уровне самые большие властные полномочия), и уровень штата, и, наконец, федеральный уровень. На 170 тыс. жителей Вустера приходится более 300 самых различных общественных организаций, которые занимаются вопросами противодействия дискриминации. В США это широкий диапазон проблем: от дискриминации женщин и детей до проблем пережитков расизма.

Во-вторых, к вопросу о нелегальных иммигрантах. Полицию интересуют люди, которые нарушают закон, а не их социально-правовое положение. Унизительных проверок, как у нас, когда лишь за внешность тебя останавливает милиционер и требует предъявить документы, у них нет. Более того, полицейские часто опасаются, что, останавливая, например, чернокожего нарушителя закона, они могут нарваться на жалобу со стороны последнего: мол, я хороший парень, а вы придрались к моему цвету кожи. И такие жалобы серьезно рассматрива-

ются на всех уровнях: от общественных организаций до суда. И если факты подтверждаются, то у полицейских возникают серьезные неприятности.

Во многих общественных организациях есть свой адвокат, который правомочен представлять во всех инстанциях (от полиции до суда) интересы своих клиентов. В частности, есть такая организация, которая защищает именно интересы нелегальных иммигрантов: от предоставления им крова и пищи, медицинского обслуживания, обучения английскому языку до юристов, которые будут заниматься их легализацией. Естественно, делается все это бесплатно, а конфиденциальная информация не разглашается.

Работа муниципальной комиссии по правам человека при мэрии города — это серьезная и многогранная работа, выполняемая небольшим штатом сотрудников и специалистами, работающими бесплатно, в качестве волонтеров.

Важно то, что идеи национальных особенностей американских граждан сознательно пропагандируются на всех уровнях социальной жизни Вустера. Их обязаны знать, уважать и иметь в виду в своей повседневной деятельности представители всех специальностей: менеджеры, юристы, врачи, педагоги, социальные работники. Для этой цели выпускаются специальные методические пособия, для работы привлекаются представители тех национальных меньшинств, которые могут быть максимально эффективны в диалоге со своими соплеменниками, — выходцами из Африки, Латинской Америки, Азии. Особенно их помощь нужна в работе с детьми, молодежью и проблемными семьями. Например, в Вустере много делается для профилактики преступности среди несовершеннолетних, и полицейский или молодежный работник той же национальности, что и проблемный подросток, естественно, быстрее и лучше найдет с ним общий язык.

Теперь об образовании. Меня потрясла следующая образовательная идея, с которой я познакомился в Вустере: каждый юный американец должен иметь шанс получить высшее образование. Для этого те школьники, у которых

серьезные проблемы с обучением, имеют возможность бесплатной дополнительной педагогической поддержки. Особенно ценна помощь в изучении английского языка: бесплатно учат не только в школах, но и во многих общественных организациях.

Очень много делается и для обеспечения досуга несовершеннолетних. Девиз этой деятельности – «Спорт против преступности и наркотиков», и в Вустере, в отличие от нас, это работает. В городе существует множество подростковых и молодежных клубов, в которых дети и молодежь из бедных семей могут бесплатно заниматься спортом, пением, танцами и другой творческой деятельностью. Опять же, большинство сотрудников, работающих с детьми и подростками – это добровольцы.

И последнее. Воспитание толерантности среди населения – это целая система в Вустере. Оно начинается в детских садах, продолжается в школах и университетах, не прекращается и во взрослой жизни. Для работы с детьми, например, выпускаются специальные сказочные книжки и комиксы на эту тему. В них в доступной форме излагаются сюжеты, на которых воспитывается толерантность, естественно, с учетом реального возраста тех, кому предназначена эта книжка. Выпускается специальный журнал – «Вопросы преподавания толерантности». В одной из явно небогатых школ, по своему статусу похожей на нашу вечернюю школу, мы видели выставку детских рисунков. Это были лица детей разных национальностей. И все эти лица – и белые, и черные, и желтые, и красные – улыбались.

2011

ДЕТСКИЙ ГУМАНИЗМ И ПОЛЕЗНЫЕ ФИЛЬМЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Практические рекомендации для взрослых

В этой статье автор делает попытку определить основные пути влияния кинематографа на становление наиважнейших человеческих качеств у подрастающего поколения: сострадания, сопереживания, сопричастности, милосердия и толерантности. Автор высказывает свое мнение о том, что считать в кинематографе хорошим, полезным и развивающим, а что вредным и разрушающим с точки зрения детского восприятия. Предлагается характеристика хороших детских, лично-развивающих фильмов, с разбором некоторых из них. Предложена авторская версия совместных просмотров серьезных фильмов в разных детских, взрослых и смешанных аудиториях. Проводится анализ сложных случаев и затруднений в рамках рассматриваемой тематики.

ДЕТСКИЙ ГУМАНИЗМ, ЦЕННОСТНЫЙ ВЫБОР РЕБЕНКА И ПОЛЕЗНОЕ КИНО

Друзья, уважаемые читатели! Я очень боюсь, что в нашей российской действительности отношение к слову «гуманизм», по аналогии с «толерантностью», становится даже негативным. Хотелось бы ошибаться но, не исключая, что этот самый гуманизм для определенной категории наших соплеменников – понятие затасканное и девальвированное. Так же, как и толерантность. В отношении толерантности вспоминаю, как был приглашен несколько лет назад на одно городское культурное мероприятие наших питерских педагогов, посвященное обмену опытом по работе с детьми в контексте их толерантного просвещения. Как говорят, вначале все было за здравие, а закончилось – за упокой. Вставали представители школ, рассказывали, какую они проводят интересную работу по воспитанию основ толерантности у подрастающего поколения. А затем, в самом конце, в процессе обмена мнений, одна уважаемая коллега честно сказала: «А вообще-то мы от этой толерантности ой как устали!». Вот я и боюсь, друзья, как бы аналогичное отношение в определенных российских кругах не сложилось бы и к понятию «гуманизм».

Что же обычно мы имеем в виду, когда говорим о детском гуманизме? Скорее всего, непрерывный процесс формирования и развития высших человеческих качеств и проявлений, именуемых у взрослых людей гуманизмом. Здесь возможен целый ряд таких показателей гуманизма, как, например, сострадание, сопереживание, сочувствие, принятие иного (иных), отличных от нас, добро, справедливость и т.д. То есть, все то, что делает человека человеком. А у детей все эти высшие человеческие качества формируются и развиваются, испытывая на себе всевозможные влияния жизни, окружающей обстановки и конкретных людей. В свою очередь, гуманизм тесно связан с понятием «человеческие ценности». В отличие от взрослых, для которых ценности – уже раз и навсегда сформированные сущ-

ности, для детей они только формируются. При этом они, естественно, неустойчивы. Одни ценности могут сменяться у детей другими. Отсюда становится очевидным, что вера в добро или зло, сострадание к слабым или презрение к ним, культ богатства и власти против нищеты и принуждения делают историю становления человеческих качеств сугубо индивидуальной и развивающейся по своей траектории у каждого ребенка.

Очевидно, что среди множества воздействующих и формирующих сил на гуманистические качества ребенка среди других источников информации искусству кино принадлежит одна из основных ролей. В зависимости от того, какое кино будет или не будет смотреть ребенок, его гуманистический потенциал будет обогащаться или соответственно уменьшаться. Отсюда мы можем и должны – в контексте привнесения гуманизма нашим развивающимся детям – говорить о полезных или вредных для этих целей кинофильмах.

Что же непосредственно предполагает определение пользы или вреда того или иного кинофильма, с которым сталкивается или может столкнуться ребенок? Этому мы посвящаем следующую главу.

ИТАК, КАКОЕ ПОЛЕЗНОЕ КИНО НУЖНО ВАШИМ ДЕТАМ?

Понятие пользы в искусстве ассоциируется с разными аспектами. Например, возьмем идеологию: искусство как средство трансляции основных политико-государственных интересов в массы. Вот – тоталитарное искусство. О нем написано много и у нас и за рубежом. Идеология – явная (знаменитая «Сказка о Мальчише-Кибальчише») или не столь явная (популярный некогда роман Григория Адамова «Тайна двух океанов» и его одноименная экранизация): на первом плане – побуждение подрастающего поколения к естественнонаучному познанию: поколение молодых держат и в упорном труде, побеждая, открывает одну тайну оке-

ана за другой. На втором плане – гордость за несомненное лидерство СССР, выражаясь современным языком, в области продвинутых глубоководных технологий. И наконец, на внутреннем плане – идея бдительности. Враг не дремлет! Трепло – находка для шпионов! Не доверяй никому!

А есть фильмы, призванные погружать юных зрителей в атмосферу добра. Это, в первую очередь, экранизации сказок, художественные фильмы и далее сериалы об умных животных (например, собачках и дельфинах), хорошие добрые фильмы о детях и семьях. Это наши отечественные фильмы «Денискины рассказы», «Чудак из 5Б», «Фантазии Веснухина», «Усатый нянь», «Беги малыш, беги» и множество других аналогичных, хороших и наивных фильмов. Эти фильмы искренне, хоть и абстрактно и оторванно от реальности социалистического бытия, показывали идеальных детей с идеальными родителями и, конечно, с идеальными человеческими отношениями.

К слову, как все чудно и ненасильственно с хорошим пониманием складывалось в школе и пионерском лагере с чудачками (странными ребятами) Петровым и Васечкиным из знаменитых «Приключений и каникул»! Чтобы они ни делали, какую бы глупость в очередной раз ни выкидывали – все им всегда сходило с рук, и они были по фильму (что странно) кумирами детей разного возраста.

От идеологического, патриотического и просто доброго кино мы переходим к проблемно-постановочному. Т.е. к таким жанрам кинематографа, которые перед зрителем раскрывают какие-то серьезные, значимые человеческие проблемы. Проблемы мировоззренческие (философские), проблемы социально-психологические, проблемы педагогического и нравственного (духовного, религиозного) выбора. Здесь важно иметь в виду, что ставить проблемы через искусство кино можно разными путями. Можно это делать за счет максимально привлеченных психологических средств в конкретном кинофильме, включая игру героев и реализуемые с их помощью необходимые символы обыгрываемой проблемы.. А можно делать то же самое, достигая совершенной достоверности, в том числе и в слу-

чаях насилия, равно как и в сопряженных с ними предшествующих и последующих кадрах фильма. Сегодня, к примеру, тема возрождения нацизма является одной из часто затребованных в кинематографическом пространстве разных стран. Ее можно показать достаточно «мягко», а можно и «жестко» или «очень жестко». Примером эпатажного кино на упомянутую тему является «Американская история ИКС». Пример «мягкого», но от этого не теряющий своей серьезности фильм на эту же тему – достаточно редко, к сожалению, показываемый отечественный фильм «Внук Гагарина».

Таким образом, потенциально каждый кинофильм, замысливаемый его создателями как серьезный и позитивный, может претендовать на роль полезного фильма. Возникает следующий вопрос: «Как определять степень пользы от каждого конкретного кинофильма для наших детей?» Какой фильм можно считать для них полезным, какой индифферентным (безразличным), а какой и откровенно вредным? Это далеко не праздные вопросы. В одном случае синонимом пользы могут считаться исключительно патриотические фильмы. В другом – добрые мультяшки про русскую богатырскую троицу: Илью, Добрыню и Алешу в комбинации с добрым советским детским кино, «Красной шапочкой», Гостьей из будущего», «Электроником», «Буракино» и т.д. В третьем достаточно раскрыть только две серьезные историко-социальные темы, например, военного детства и современного сиротства.

Для кого-то «полезными» окажутся такие фильмы, как «Сволочи» и «Итальянец». Напомню идею каждого из них. «Сволочи». Идет война. Несовершеннолетние хулиганы – бандиты и убийцы – решением НКВД вместо зоны направляются в диверсионную школу. Жесткие нравы юных зеков-террористов и их почти тотальная запрограммированная гибель при выполнении диверсий в глубоком немецком тылу. Руководитель спецшколы, сам недавно репрессированный, страдает от цинизма возложенной на него миссии, но ничего при этом изменить не может. В «Итальянце» доводится до зловещего абсурда тема распада

института детского дома: спившийся директор, неуправляемая мафия «дедушек» из старших воспитанников. И вот в этих условиях должно состояться (за большие деньги) усыновление очаровательного шестилетнего мальчика итальянской четой. Малыш, в свою очередь, хочет найти отказавшуюся от него в роддоме маму. Он отчаянно убегает от «продавцов» (дамы из РОНО и ее подельника). «Продавцы» идут по его следу. Спасаясь от них, мальчик вынужден угрожать суицидом. Но, в конце концов, все заканчивается благополучно. Ребенок находит свою мать, которая теперь милая и хорошая женщина, живет в коммуналке и работает медсестрой.

А для кого-то полезное кино для детей – это такие фильмы, как «Форрест Гамп» и «Список Шиндлера». Хочу напомнить, что еще совсем недавно на самых высоких уровнях в нашей стране обсуждался вопрос о подборе нескольких десятков отечественных фильмов, советских и современных, которые необходимо рекомендовать школам и иным детским учреждениям в качестве иллюстративного материала для лучшего закрепления полученных сведений о российской истории и формирования чувства патриотизма. Кстати, если мне не изменяет память, попутно ставился некоторыми деятелями искусств вопрос о «прорыве» в деле эстетического воспитания наших детей силами киноискусства, ныне, как хорошо известно, переживающего глубокий кризис.

Давайте задумаемся, уважаемые читатели о масштабности такого почина. Сверху экспертами спускается список полезных детских фильмов – несколько десятков. Поэтому, резюмируя всё выше сказанное в этой главе, демократический выбор в отношении пользы или вреда для детей от кинематографа может быть различно обусловлен – от индивидуальных предпочтений родителей и других значимых взрослых и до рекомендаций федерального уровня. В связи с чем в следующей главе мы попытаемся обозначить наши критерии полезных фильмов для детей и юношества.

КАК ВЗРОСЛЫМ ПОДБИРАТЬ НУЖНОЕ КИНО ДЕТЯМ?

Мы уже имеем некоторое представление о том, что и когда нужно нашим детям. Теперь важно сосредоточиться на том, что конкретно полезное мы хотим передать нашим детям. Здесь мы вникаем во все «параметры» нашей юной аудитории. Это, в первую очередь, возраст ребенка; его предшествующий опыт гуманизации, в том числе и посредством киноискусства; конкретная мотивация ребенка на восприятие конкретного кино; конечно, общий культурно-образовательный потенциал ребенка, значимые для детей человеческие ценности. Наконец, оценка участия родителей детей и их педагогов от их соответствующей инициативы до практикума совместного просмотра. Этот пункт является наиважнейшим. Именно мы, взрослые формируем или не формируем соответствующую культуру для наших детей. Культуру человеческого сострадания или безразличия. Культуру ненасилия или жестокости. Культуру доверия друг другу или тотальной подозрительности. И то, что мы выбираем для просвещения – книгу, музыку, изобразительное искусство, танец, театр или кино, – накладывает на нас серьезную ответственность.

И здесь уместно вспомнить предостережение всем взрослым, которые искренне желают приобщить детей к опере, высказанное в свое время завитом Детского государственного Санкт-Петербургского театра «Зазеркалье» Т.А. Черновой. Татьяна Александровна напоминала: «Дорогие мамы, папы, учителя! Опера для ребенка, если раньше ребенок с ней не был знаком как с искусством, должна быть идеально для него подобрана. Особенно, если это событие должно произойти первый раз в его жизни». Татьяна Александровна говорила о том, как многое здесь для первого восприятия оперы ребенком должно удачно сойтись. В первую очередь, это психологическая готовность самого ребенка. В театр, в оперу он должен пойти без сопротивления, по собственному желанию. Ему должно быть интересно. Он должен построить перед самой оперой для самого

себя некий загадочно-привлекательный образ того, что ему еще только предстоит увидеть и услышать. Здорово, если, кроме позитивно настроенных родителей, вместе с ним будут его друзья и товарищи. Для более младшего возраста это особенно естественно: поощрение значимыми взрослыми и присоединение ровесников. Далее: обязательно кто-то (сами родители, педагоги или представители театра) должны кратко, доходчиво и красочно рассказать ребенку о самой опере – как об искусстве, так и о предстоящем конкретном представлении.

Итак, ребенок настроен на оперу, он пришел в театр с родителями, с друзьями и любимой учительницей. Он в ожидании прекрасного. Допустим, сама Татьяна Александровна рассказала об опере и о самом спектакле. Например, «Император и соловей» по мотивам старинной китайской сказки. Но это только начало. Главное – впереди! Главное – это профессионализм всей группы. Это то, как в целом был поставлен спектакль. Это и работа художника: костюмы, освещение, декорации. Наконец, игра и пение самих актеров. Понятное дело, что неубедительная игра, фальшивые образы и ужасное пение – могут навсегда отбить у ребенка охоту посещать оперу. И это все при условии, что ребенку будет понятным смысл песен и диалогов, а само пение его не утомит. Но бывает и так, что и этого недостаточно. Ребенку просто может не понравиться конкретный спектакль, сам жанр или конкретный театр. И все это реальность воспринимającego прекрасное ребенка.

Аналогичным образом, не меньшую, если не большую ответственность несут взрослые за приобщение своих детей к правильному кинематографу. Выбираемый нами полезный фильм должен произвести сильное и притягательное впечатление на нашего ребенка. А здесь мы должны провести для самих себя анализ выбранного нами фильма. Первое – насколько он будет по своему сюжету доступен, понятен нашему ребенку. Во-вторых – уверены ли мы, что то, что с нашей точки зрения важно в этом фильме понять ребенку, будет им в итоге понято. В-третьих, насколько достоверно показаны в этом фильме значимые для нас события, каков

уровень профессиональных достижений в этом фильме. В этой связи мы всегда и везде для просмотров полезных фильмов, предназначенных для наших детей, должны использовать принципы дифференциального выбора. Останемся на наиболее важных его аспектах.

Возраст юных зрителей

«Классические» возрастные группы – дошкольники, младшие школьники, подростки, юноши /девушки, на эти аудитории ориентируются создатели фильмов. Конечно, мы не должны забывать и о том, что дети одной и той же группы различаются друг от друга личностной зрелостью, культурным статусом и интеллектуальным развитием. Поэтому для некоторых малышей серьезный взрослый кинематограф абсолютно доступен, а для некоторых взрослых людей, отличающихся крайней незрелостью – инфантильностью, сложными могут оказаться и фильмы, предназначенные для просмотра младшими подростками. В настоящее время мы обязаны соблюдать новый закон о возрастных ограничениях при просмотре кино-, видео- и телефильмов. И здесь возможно расхождение между тем, что предлагают родители, и тем, что постулируется государством. Итоговая ответственность в плане запрещения/разрешения просмотра того или иного фильма возлагается на родителей. В противоположность родительским возможностям, учитель или другое официальное лицо, работающее с детьми, так сказать, находятся при исполнении. И поэтому ответственность взрослых за коллективный просмотр того или иного фильма в любом детском учреждении уже совершенно иная. И к этому надо быть готовым.

Например, такие культовые советские фильмы, как «Обыкновенный фашизм» и «Блокада», призванные воспитывать ненависть к фашизму и чувство гордости за наш народ-победитель, фильмы которые пересмотрело не одно поколение пионеров и комсомольцев, – теперь, вероятно, будут разрешены для просмотра только в самых старших возрастных группах. Почему? Потому что в них очень

много сюжетов, связанных с насилием, смертью, уничтожением людей, т.е. того, что по новым нормам безопасного просмотра фильмов может сильно травмировать детскую психику. С другой стороны, именно эти сцены из фильмов совершенно закономерно влияли на детскую аудиторию так, что эта аудитория реагировала на все увиденное в них адекватными праведными человеческими переживаниями. Так же реагируют дети, оказавшись на Пискаревском мемориальном кладбище или в Музее блокады Ленинграда. Поэтому еще раз повторим, что решение о просмотре того или иного фильма детьми конкретного возраста принимает их родитель!

Особенности восприятия юных зрителей

Научное понимание особенностей восприятия людей в наше время значительно продвинулось в сравнении с прошлым веком. От знаменитого «черно-белого» деления людей на художественный и абстрактно-логический типы личности мы совершили большой научно-практический скачок к пониманию разнообразия познавательных процессов у человека. Помимо грубых вариантов восприятия прекрасного «лириками» и «физиками», сегодня мы можем говорить: об их преимущественной полушарности (левый, правый, смешанный), когда правое полушарие воспринимает цельную картину проходящего, а левое в первую очередь ее знаковую систему (речь); об их преимущественно воспринимающей системе (слуховой, зрительной, обонятельной и т.д.); о степени мозговой активности непосредственно в процессе восприятия – и еще о многом, весьма интересном и загадочном.

Вопросы восприятия – далеко не праздные. Например, как будут воспринимать дети фильмы, поднимающие проблему подросткового насилия? Для художественных натур, склонных к чувственному восприятию, может стать адекватным просмотр «Чучела» Ролана Быкова. Для любителей следовать за сюжетом и постоянно сопереживать главным героям – молодым людям логичным оказался бы

просмотр культового эстонского фильма «Класс». Для молодых людей, которым уже исполнилось 18 лет и которые по своим характерологическим способностям склонны к некоторому уединению, замкнутости и избыточному абстрагированию, – был бы понятен фильм С.Кубрика «Заводной апельсин» с Макдауэлом в главной роли. Хочу напомнить, что этот фильм, в свое время запрещенный к просмотру в США, создан, на мой взгляд, исключительно для определенной категории юных интеллектуалов в своеобразной театралльно-эпической манере, а вовсе не для массового зрителя.

Тематика просмотра

Разные человеческие темы, которые предстоит постичь нашим детям, по-разному воспринимаются разными детьми в разных обстоятельствах. Ведь для каждого конкретного ребенка разные морально-нравственные темы имеют свои эмоциональные и духовные нагрузки. Одни темы означают для одних детей очень много, вплоть до того, что они непосредственно касаются их личной жизни или жизни родных и близких людей. Другие – практически безразличны для тех же самих детей, а может быть и даже антипатичны. В этой связи я вспоминаю свой опыт участия в одной встрече с 8-классниками средней школы, куда я был приглашен на семинар по вопросам толерантности. Я в первую очередь поинтересовался у учеников их отношением к травле одноклассников. Выяснилось, что они все сопереживают травимым детям, считают такие ситуации невозможными в «нормальной петербургской школе». Однако, если выяснялось, что травмируемый ученик – это гость нашего города, подросток-мигрант из Центральной Азии, ситуация кардинально менялась. В отношении такого ребенка «вдруг» выяснилось, что такой ученик «будет бит не просто так, а за дело», а значит, он будет «получать по заслугам», травля по отношению к нему оправдана. К чести педагогов надо добавить, что с помощью успешно организованного диспута, они к концу

мероприятия смогли убедить свою паству в том, что у насилия против детей не может быть никаких, в том числе национальных оправданий.

Возвращаясь к нашему разговору о полезном кино для детей, в качестве примера я хочу привести ряд всемирно известных фильмов, где тема психического нездоровья раскрывается с позиций воспитания толерантного отношения к душевно больным людям. Это следующие три фильма: «Пролетая над гнездом кукушки»; «Пробуждение»; «Игры разума».

В первом фильме герой актера Джека Николсона, возглавившего «революцию» в закрытой психиатрической клинике, должен «пробудить» американское общество от «спячки безразличия» и, в частности, помочь ему обратить свой взор на проблему абсолютного бесправия душевнобольных. В «Пробуждении» новый доктор заставляет весь персонал типового американского психоневрологического интерната относиться к тяжелым инвалидам по психической патологии не как к «овощам», а как к людям – личностям. Наконец, «Игры разума» — фильм, основанный на реальных событиях – жизни больного параноидальной шизофренией, ученого-математика и лауреата Нобелевской премии. В частности, этот фильм интересен замечательной игрой актрисы, исполняющей роль жены больного профессора, которая убедительно показывает нам потрясающий образец человеческой и супружеской преданности. В разное время я демонстрировал эти три фильма с последующими обсуждениями в разных детских и молодежных аудиториях. Старшеклассники обычных школ Петербурга, где показы были организованы школьным руководством, смотрели эти фильмы «с честным усердием», но, по сути, они их раздражали, в чем они боялись признаться ведущему. Аналогичная реакция на эти фильмы была свойственна и подросткам из выпускных педагогических классов, т.е. тем молодым людям, которые очень скоро примут решение стать психологами или педагогами,

Иное отношение к этим фильмам демонстрировали бывшие воспитанники сиротского детского дома, а в дальнейшем члены общественной организации «Коммуна «Надеж-

да». Видимо, собственный опыт сиротства стал для них той человеческой базой, на которой смогли возникнуть чувства сопереживания всем главным героям этих трех фильмов. Наконец, самобытная реакция на этот просмотр была у старшеклассников известной московской интеграционной школы «Ковчег» (№1321). Вся система взаимоотношений в этой школе построена так, что дети здоровые и дети больные, в том числе имеющие серьезную психопатологию, искренне доброжелательны друг к другу. Именно «ковчеговцы» зрело и адекватно восприняли все три фильма с «психиатрической» тематикой.

И что же делать в таких разных обстоятельствах? Дети разного возраста с разной историей развития их личности и разной способностью к восприятию по-разному относятся к разным фильмам. Значит ли это, что мы будем исключительно дифференцировано подбирать под каждого ребенка его и только его фильм? То есть, можно ли взять за основу просмотра детьми полезных фильмов их индивидуальные к этому пристрастия? Ответ очевиден. Нет, мы не можем себя ограничить до такой степени. Тогда весь замысел гуманистического просветительства подрастающего поколения через кинематограф просто исчезнет. Предложенная вам информация об учете конкретных аспектов восприятия детьми фильмов может принести пользу взрослым, которые планируют показать одному ребенку или детям конкретный фильм или целый цикл полезных фильмов. Помогут лучше подготовиться к задуманным мероприятиям – принять во внимание индивидуальные особенности потенциальной аудитории юных зрителей.

Мы можем поделиться нашим опытом эволюционного постижения полезных фильмов для детей. Мы предлагаем некоторую эволюционную последовательность для реализации подобных программ, а именно – последовательный подбор полезных фильмов, начиная с тех из них, которые доступны и интересны детям дошкольного возраста и заканчивая художественными фильмами для зрелых молодых людей. При этом важно учесть, что фильмы для самых маленьких одновременно могут быть также интересны и полезны более старшим детям.

Психологической основой эволюционного восприятия детьми кинематографа является развитие и совершенствование их фундаментальных представлений: о себе, об окружающих; о дружбе и преданности; о благородстве, чести и честности; о храбрости и трусости; о предательстве и измене, о жестокости и доброте – сострадании; об одиночестве и отверженности; о любви и ненависти; о добре и зле; о смыслах человеческого существования и идентичности; о нацизме, фашизме – и о культуре ненасилия и толерантности. Например, соответствующий теме дружбы киноряд мог бы выглядеть следующим образом: «Бруно» (американский фильм Ш.Маклейн (2000) о «нетипичном» 8-летнем мальчике, о его трудной жизни в школе, его настоящих друзьях и очень-очень толстой маме, которая стала такой толстой, когда из семьи ушел ее муж, полицейский по профессии, отец мальчика); «Великан» (фильм П.Челсома (1998) о дружбе и преданности двух детей, которые оба испытывают отвержение одноклассников; один из них очень силен физически, но слаб в учебе, другой – вундеркинд, но страдает тяжелой прогрессирующей болезнью, которая заканчивается смертью); «Напарник» (или «Парный удар», 1993), фильм с Чаком Норрисом (над больным астмой мальчиком издеваются одноклассники; с помощью учителя по каратэ он пытается себя преодолевать, что, в конце концов, ему удается; все это время он фантазирует, что он в разных исторических эпохах борется со злом в качестве напарника Чака Норриса); «Повелитель мух», знаменитый фильм по одноименному роману Уильяма Голдинга о вымышленной ситуации катастрофы самолета на одном из необитаемых островов в Океании, когда выжили только одни дети, о том, как и по каким законам эти дети стали жить на острове, о том, как все закончилось печально из-за победивших злых отношений между детьми; уже упомянутое «Чучело» Р.Быкова; возможно, некоторые серии из на шумевшего не так давно прошедшего сериала «Школа» В. Гай-Германики; для современных молодых людей очень тяжелый, но достоверный фильм о пробле-

ме школьной травли в современной Эстонии «Класс». А закончить эту серию фильмов про дружбу можно легендарным кинофильмом для семейного просмотра «Форрест Гамп».

СМОТРИМ И ОБСУЖДАЕМ ФИЛЬМЫ ВМЕСТЕ С НАШИМИ ДЕТЬМИ

Лет десять тому назад на некоторых телеканалах существовали рубрики под названием «Кино не для всех» или «Кино для семейного просмотра». Глубоко за полночь регулярно раз в неделю демонстрировался очередной фильм, иногда с краткой аннотацией киноведа. Видимо, по замыслу организаторов этих просмотров, то, что предстояло в столь позднее время увидеть еще не уснувшим зрителям, должно было быть интересно лишь ограниченной категории телезрителей (не для всех!). Другим телезрителям, которые составляют основную аудиторию, стоит полагать, интересно то, что показывают до ночных новостей, за которыми следует здоровый сон. Полюбив эти поздние телепросмотры и борясь со сном, я познакомился с интереснейшими и полезными фильмами, о которых раньше просто не имел представления. Я пытался в такие моменты представить целые семьи энтузиастов семейного кинематографа. Папа, мама, бабушка и дедушка; маленькие дети, дети среднего возраста и подростки – в два часа ночи не спят, а, затаив дыхание, смотрят семейно-ориентированные фильмы, а потом, возможно, как раз до первых петухов обсуждают увиденное. Очевидно, что таких энтузиастов – фанатов, готовых посвящать киноискусству время, оторванное от сна, должно быть крайне мало. А детей среди этой ночной аудитории вообще нет. А значит, великолепная идея семейного просмотра получилась в итоге формальной и невыполнимой, будучи задвинутой в ночной эфир.

Тем не менее, как мы уже упоминали, совместный просмотр фильмов с детьми и взрослыми крайне актуален в разных обстоятельствах: чисто семейного просмотра в семьях и

среди своих друзей и товарищей; просмотра в школах в ходе прохождения гуманитарных предметов – просмотра в специальных тематических (дискуссионных, клубных и иных) группах, проводимых в рамках дополнительного образования и развития школьного творчества; в ходе проводимых классных часов; в контексте отдельной образовательной линии в работе детских и юношеских любительских кинообъединений (кружков, секций, клубов, малых академий, студий и т.д.); в процессе отдыха и реабилитации (детские оздоровительные лагеря и санатории-профилактории); в процессе оказания психологической помощи.

И все-таки, почему так важно вместе? Вместе смотреть, вместе обсуждать, вместе приходить к выводам? Вместе – со своими детьми? Во-первых, искусство, а кинематограф тоже искусство, безусловно, без помощи и поддержки взрослых восприниматься и усваиваться детьми не всегда может.

Во-вторых, с помощью взрослых дети могут формировать собственно культуру кинематографа. Что и когда смотреть? Почему смотреть фильмы конкретных жанров? Что именно в них хорошего? Чему те или иные фильмы могут научить человека? Почему одни фильмы у взрослых считаются хорошими, а другие плохими? И множество таких непростых вопросов.

В-третьих, при искреннем и хорошо налаженном диалоге между детьми и взрослыми возникнут основы взаимного уважения в отношении ценностных выборов разных поколений. В том числе это может касаться и определения любимых героев и актеров кино. Я имею в виду ситуацию, когда и для детей и для взрослых возможны одни и те же кинокумиры.

В-четвертых, непосредственно во время совместных просмотров взрослые могут донести представления о человеческих проявлениях: доброты, сострадания, сочувствия, заботы, сопереживания, милосердия. Здесь же взрослые могут помогать детям проводить тонкие грани между истинным и ложным, кажущимся и явным, добродетельным и злым.

И последнее. В наше стремительное, прагматичное и сплошь технотронное время, родители и дети все меньше и меньше общаются между собой. То же самое относится и к школе. Реально учителям, кроме выполнения ими своих главных, постоянно усложняющихся профессиональных обязанностей, все меньше и меньше остается времени на непосредственное общение с детьми по душам. Особенно при странной доктрине образовательных верхов – пропаганде дистантного обучения, когда «вживую» учитель и ученик не встречаются, а только виртуально («в компе»). Учитывая эти «межпоколенные дефициты», совместный просмотр хорошего и правильного фильма – весьма полезное дело.

Мне могут справедливо возразить: «Зачем в свободной стране свободным детям что-то навязывать?». И мои оппоненты будут правы – в том, что напрямую «вбивать» в ребенка свое представление о мире – вещь опасная и для нас невозможная. Здесь же речь идет не о навязывании неокрепшему детскому разуму своих взрослых предпочтений, а о введении, бережном и вдумчивом, наших детей в волшебный мир истины, красоты и человеческих добродетелей, ребенок может в чем-то сомневаться, а свои сомнения без страха проговаривать с взрослыми.

Вот, например, «Ночевала тучка золотая...» Анатолия Приставкина – его повесть и позже одноименный фильм. Это многоаспектное и крайне необходимое нашим детям произведение. Сам писатель в годы военного лихолетья оказался в детском доме. В свои 11-12 лет он столкнулся со всем ужасом тогдашнего сиротства. Тогда же в его жизнь входит и другая линия страдания советских детей – эпоха принудительных выселений, переселений северокавказских народов, в частности чеченцев и ингушей. Третий аспект – вынужденная криминальность детдомовских детей. Дети хотели, есть, не хотели умереть от голода – поэтому и воровали. И здесь же жестокость наказания проштрафившихся детей со всей строгостью социалистических тюремных законов. Приставкин стал писателем, это дало ему возможность донести до современников страшную историю своего детства и отрочества. Такая история в те времена явно была «не по вкусу»,

историю, ее тогдашнее руководство нашей страны вообще предпочитало не вспоминать. Этот чудный и одновременно мужественный человек, председатель Комиссии по помилованию для осужденных и приговоренных к смертной казни, которого, к сожалению уже нет с нами, был большой гуманист, главной идеей творчества которого был призыв к милосердию. К сожалению, о Приставкине, его судьбе и «Тучке» сейчас мало кто знает, кроме профессиональных литераторов и искусствоведов. Для понимания сути вещей и развития того самого сострадательного милосердия «Ночевала тучка золотая» актуальна и сегодня. Вопрос лишь в том, кто из наших взрослых современников будет готов обратиться к Приставкину с тем, чтобы воспользоваться его прошлым для постижения вместе с детьми своего настоящего. К слову, в этом же пространстве постижения нашей истории находится достаточно честно сделанный в советское время фильм «Подранки».

Таким образом, разные заинтересованные родители и профессионалы в разных обстоятельствах и с разными целями целенаправленно подбирают конкретные и правильные фильмы, затем их совместно просматривают и обсуждают. Это может быть совместный просмотр дома в кругу семьи; в школе – завершающий урок истории по теме «Фашизм и Вторая мировая война»; использование киноматериалов практическим психологом, в контексте групповой профилактики жестокого обращения в детской среде).

Под конец этой главы попытаемся предложить возможный **план совместных действий**.

•Начальный (подготовительный) этап.

Взрослый (родитель, педагог, психолог) определяет тематику, значимую в настоящее время для ребенка. Согласно этой актуальной тематике подбирается соответствующий фильм. Взрослый его просматривает, знакомится с рецензиями на этот фильм, анализирует его отдельные аспекты и т.д. Подбирается место, время и условия просмотра фильма. Ребенок об этом заранее предупрежден, одна-

ко от взрослого поступает просьба к пока самостоятельно самим фильм не смотреть. В то же время приветствуется самостоятельное знакомство с той эпохой, социальными проблемами, которые так или иначе будут затронуты в фильме.

- Основной этап.

Короткая и адаптивная к возрасту и ситуации просмотра юными зрителями презентация предлагаемого фильма. Здесь же оговариваются правила просмотра. Собственно просмотр. Взрослый обращает внимание на эмоциональное и речевое реагирование детей во время просмотра, готов отразить их вопросы и экспрессивные реакции по ходу фильма; адекватно реагирует на ситуации, когда дети заявляют, что им фильм не интересен, что они хотят уйти. Учителя и психологи действуют по обстоятельствам.

- Завершающий этап.

Побуждение и модерация процесса высказываний детей о фильме. Инициация, если это возможно, дискуссии на тему просмотра фильма. Слежение за регламентом дискуссии. Высказывание своей точки зрения, ответы на детские вопросы. Побуждение детей к резюмированию: «Что дал тебе этот фильм? Что для себя (в себе) ты открыл нового? Чем могут тебе в твоей жизни (в твоих проблемах) конкретные эпизоды из этого фильма?» и другие подобные вопросы.

Просмотры фильмов можно поставить в контекст другой деятельности – это могут быть совместные чаепития, рисунки или эссе на тему фильмов, походы в музеи, театр и т.д. Приведенный план не претендует на научно-методическую обоснованность, на универсальность – короче, не является истиной в последней инстанции. Однако для всех заинтересованных взрослых он предлагает некоторую последовательность в предпринимаемых ими шагах и логическую аргументацию производимых действий.

Напутствие взрослым, которым небезразлично, какой кинематограф предпочитают их дети

Последняя глава в нашей статье – это подытоживание сказанного и некоторые напутственные рекомендации для читателей. Как системно формировать необходимую культуру выбора правильных кинофильмов у подрастающего поколения? В самом деле, зачем в нашу сверхдемократическую эпоху просвещенным родителям навязывать свои вкусовые пристрастия обожаемым чадам? Корректно ли это? Справедливо ли это? И, наконец, ненасильственно ли это? Вопрос принципиальный. Нет ли противоречия между нашими благими намерениями по облагораживанию детей и неким, пусть даже минимальным, их принуждением к этому?

В моей просветительской практике был один очень печальный случай, который снова и снова побуждает меня задавать – в первую очередь себе – этот вопрос. В одной из школ нашего города в течение нескольких лет я проводил просветительские занятия с педагогами по широкому спектру психологических проблем современного образования. По плану этой совместной с администрацией школы работы должно было состояться особое занятие, посвященное творческому наследию великого гуманиста прошлого века – Януша Корчака. Мероприятие было приурочено к очередной памятной дате, дню рождения этого знаменитого человека – профессора педиатрии в довоенной Польше, талантливого педагога, организовавшего два детских дома в Варшаве, основанных на совершенно новых гуманистических принципах, автора уникальной системы детского сообщества и новаторских принципов педагогики, детского писателя и общественного деятеля. Того самого Януша Корчака, который в нечеловеческих условиях Варшавского гетто периода фашистской оккупации сохранял достойную жизнь своим юным воспитанникам до самого последнего дня существования детского дома для еврейских детей-сирот. Доктора, учителя и защитника этих детей, которых он не бросил до последних мгновений

их общей жизни в лагере уничтожения Трешлинке. Предполагалось, что в этот день перед учительской общественностью школы я выступлю с коротким сообщением о Януше Корчаке, а далее мы вместе посмотрим и обсудим достаточно редко у нас показываемый фильм знаменитого польского режиссера Анджея Вайды «Януш Корчак». Фильм простой, черно-белый, эмоционально насыщенный и довольно длинный – глубокий, а поэтому и, возможно, тяжелый для восприятия фильм, как и все другие фильмы этого патриарха польского кинематографа.

Казалось, что краткое информирование о создании безопасной среды в очень непростом детском учреждении; об основах реально действующей толерантности среди сирот и педагогов; об уникальном явлении – детдомовских детских судах и еще о многом другом крайне важном и полезном из наследия Корчака – будет интересным и полезным для учительской аудитории этой школы. Как же я был поражен, когда через минут тридцать несколько педагогов за моей спиной в начале стали «прокашливаться», затем начали охать и, наконец, кто-то далеко не тихим шепотом сказал: «Сколько же можно издеваться над людьми?» Сразу же после этого я остановил просмотр фильма и заявил: «Да, я понимаю насколько тяжелым для восприятия этот фильм может показаться некоторым коллегам. Поэтому я предлагаю вам не мучиться, а покинуть наше мероприятие. Никакое насилие здесь невозможно». Однако никто не ушел. Недовольные мгновенно утихли. Я удивился этому их решению, признаюсь, неожиданному для меня. И, оглядевшись, понял, в чем дело: «проштрафившиеся» испуганно глядели на директора школы, который, в свою очередь, строго глядел на них. Ситуация мне напомнила страх нашкодивших учеников перед учителем. Понятно, что если профессиональные взрослые могут во время кинопросветительства испытывать столь сильное сопротивление, то что же говорить о детях.

Но когда взрослыми исключены все возможные причины сопротивления детей предлагаемым им кинопросмотрам, то ни о каких вариантах психологического насилия говорить не придется. Воспитание у детей доброты посред-

ством киноискусства не является насилием, отрицанием их свободы выбора. ПО крайней мере настолько, насколько вообще со времен возникновения воспитания его функцией остается определенное легитимное принуждение детей взрослыми во имя успешной их социализации. Поэтому рассуждения о ненавязывании взрослыми современным детям культуры – откровенное лукавство. Взрослые всегда в ответе за то, что и как они передают своим детям. В этом их историческая миссия. В частности, они в ответе за то, как происходит трансляция детям высших человеческих ценностей. А значит, от души (только так) с дошкольного периода и далее взрослые (в семье, в детском саду, в школе) насаждают (в самом хорошем смысле этого слова) правильные ценности кинематографа. О том, как и для чего это делать – мы и говорим на страницах нашей статьи.

И вот наш ребенок подрастает: все дети рано или поздно подрастают, и вместе с этим подрастают их возможности делать собственный выбор. В том числе делать выборы в отношении того, что, когда и где смотреть в кинематографе, и смотреть ли вообще. Я уверен, что хорошо подготовленные к восприятию киноискусства дети в целом, взрослея, предпочитают такой же по сути качественный и серьезный кинематограф, как и их родители. В широком пространстве возможностей современного кино обязательно найдется у таких подготовленных детей место и время для знакомства с очередным правильным фильмом с гуманистическим сюжетом. Но чтобы эти возможности у подготовленных детей сохранялись, мы, взрослые, должны периодически, время от времени, эти их гуманистические установки поддерживать. Об этом мы и поговорим напоследок.

В каких ситуациях и как мы можем поддерживать у наших детей гуманистические установки в выборе очередного кинофильма для просмотра?

1 Активность, исходящая от нас, взрослых.

Уровень семьи

•Корректное анонсирование полезных фильмов.

- Предложение познакомиться с кинодайджестом или соответствующими интернет-рецензиями на конкретные фильмы.
- Предложение поделиться с детьми своими впечатлениями на те или иные фильмы, которые ими уже были просмотрены.
- Приглашение совместно посмотреть тот или иной фильм дома (TV, видео, компьютер) или в кинотеатре.
- Приглашение ребенка и его друзей на совместный просмотр того или иного фильма
- Поддержка намерений ребенка пойти на аналогичную встречу уже в качестве приглашенного.
- Поддержка желания ребенка участвовать в деятельности кинокружка (киноклуба, малой киноакадемии и т.д.). Проговаривание с ним его достижений и впечатлений.
- Поддержка участия ребенка в школьных мероприятиях исторического или литературного кружков, связанных с просмотром ряда исторических фильмов. Обсуждение впечатлений и полученных знаний.

Уровень школы: здесь речь идет о целом спектре, в случае их правильной организации, интересных мероприятий на заданную тему. Они могут проводиться педагогами и другими школьными специалистами. Соответственно, и формы проведения, как мы уже говорили, могут быть разными: урок с киноиллюстрацией, тематический показ на классных часах, проблемно-дискуссионный клуб.

Уровень творческого досуга.

Здесь возможны для детского участия как хорошо рекомендованные формы организованной работы с ними (киноклуб, киностудия, киноакадемия, кинообъединение) так и новые формы детского социального творчества, например, связанного с использованием современных компьютерных технологий.

Уровень оказания детям педагогической, психологической и реабилитационной поддержки и помощи

- Участие в группах киновидеопсихотерапии. При этом основным психотерапевтическим началом становится индивидуальный и совместный анализ специально по-

добранных для этих целей фильмов. Например, для детей – братьев и сестер аутистов – «Человек дождя» с Д. Хоффманом.

- Участие в группах специальной музейной кинопедагогики. Специальная музейная педагогика предусматривает коррекцию определенных психических проблем у детей за счет терапевтического потенциала специально подобранных тем и форм искусства. Вариант кинопедагогики предусматривает привлечение для этих целей специально ориентированных учебных, документальных и художественных фильмов.
- Участие в группах психотерапии переживания через кино. Речь идет о созданной и хорошо зарекомендовавшей себя отечественной системе психотерапии, основанной на активизации человеческих хобби, в нашем случае – через кино в качестве хобби.

2.Активность, исходящая от самих детей.

Любые формы и ситуации общения детей и взрослых, в которых у мальчиков и девочек возникают различные вопросы и потребности, обращенные к родителям и учителям в связи с искусством кино.

Теперь несколько замечаний о возможностях детей получить поддержку взрослых в связи с правильным кино (на примере Санкт-Петербурга).

Замечание первое.

На мой взгляд, популяризация кино в наше время явно недостаточна. Так было, кстати, и в советские годы: на моей памяти всего два фильма искренне потрясли советское общество с его самых верхов и до низов – рядовых граждан, детей и взрослых. Они вызвали широкий резонанс в прессе, у критиков, но самое интересное – «сверху» были спущены рекомендации по проведению соответствующих комсомольских и пионерских собраний на тему «проработки»

этих фильмов на всей территории СССР. Первый фильм – это «Жестокий романс» Э. Рязанова, а идеологической проработке подлежала невозможность показа «зла» (т.е. роли Паратова) таким обаятельным в исполнении Н. Михалкова: его персонаж не должен был получиться таким элегантным барином, который «к нам приехал». Второй фильм – это «Чучело» Ролана Быкова. Насколько мне известно, в СССР «Чучело» было массово показано и обсуждено чуть ли не в первую неделю после спущенных сверху рекомендаций. В наше время подобный эффект имел телесериал «Школа» Виктории Гай-Германики. Его в течение нескольких месяцев обсуждали все: и популярные ведущие на своих шоу, и журналисты в средствах массовой информации, и профессионалы от образования, и психологи, и даже видные общественные деятели. Страна в период показа разделилась на хулителей и поклонников «Школы». Первые гневно требовали запретить показ, привлечь режиссера к ответственности, считать его пасквилем и клеветой на отечественную школу. Вторые, наоборот, говорили о том, что молодой режиссер смогла достоверно показать всю противоречивость, весь кризис современной школы. И что дальше? Поговорили, поговорили, да на этом и закончили. И уже забыли. Поэтому я и думаю, что надежды на масштабность кинопросвещения в нашей стране так маловероятны.

Замечание второе.

К сожалению, в нашей стране нет никакой статистики о заинтересованности родителей в культуре кинопросвещения своих детей. Тем не менее, по косвенным данным можно предположить, что это достаточно ограниченная часть родительской общественности, сравнимая с относительно постоянным числом любителей семейных театральных абонементов – например, в камерные театры, такие как «За-зеркалье», имеющих свою публику, почитателей-фанатов – детей и родителей. Аналогичная ситуация в филармонии и в музеях, начиная с Эрмитажа и Русского музея. Здесь всех родителей объединяет неподдельный интерес к совместно-му с детьми освоению культурного пространства. Поэтому

такие родители лишний раз в выходные дни вместо пассивного времяпрепровождения дома с удовольствием посещают очередной спектакль или театрализованное мероприятие с интересным интерактивным компонентом. Те родители, которые хотят поддерживать гуманистические установки своих детей через кино, – их и поддерживают.

Замечание третье.

В сравнении с девяностыми годами ушедшего столетия в школьных и организованных досуговых практиках привлечение кино или его элементов в воспитательно-образовательных целях приобрело единично-фрагментарный характер. Я помню, как в 1998 году последний руководитель детской киностудии на базе «Ленфильма», энтузиаст своего дела, жаловался мне на скорую «кончину» своего детища. Он хотел сохранить для группы заинтересованных подростков уходящее искусство делать хорошее черно-белое пленочное кино с серьезным детским сюжетом. Но везде одна из основных мотиваций отказа от кино для системы воспитания – его «нерентабельность». И все-таки неравнодушные взрослые в нашем городе есть, и они с удовольствием и сознанием своего дела активно привлекают киноискусство для работы с детьми.

Замечание четвертое и последнее.

В некоторых случаях речь может идти о творческих инициативах родителей, специалистов и самих детей, связанных с кинематографом. В прошлом нам были известны случаи интересной творческой активности взрослых, например членов родительских комитетов, решавших, что в классах, где учатся их дети, воспитание должно сопровождаться подбором и показом соответствующих видеофильмов. Например, в одной из школ семиклассники организовали настоящую травлю новой соученицы. Ситуация в какой-то момент стала неуправляемой. Родительский комитет принял решение провести силами приглашенных специалистов несколько занятий с их детьми на тему профилактики детской травли. Специально

для этого в классе был организован просмотр фильма «Великан» с последующим обсуждением. В результате дети осознали связь между происходящим в фильме с положением в их собственном классе. В другом случае в элитном пятом классе массовой школы, в котором обучались знающие друг друга с детского сада «хорошие» дети «хороших» родителей, внезапно возникла вражда этих детей. Дело дошло до того, что вскоре возникли взаимные «приколы», весьма напоминающие таковые при «бытовом» национализме. Родители этого, как они ранее считали, дружного детского коллектива были искренне встревожены и попросили классного руководителя найти специалиста для проведения занятий по толерантности. Детям был показан фильм «Внук Гагарина», было проведено его обсуждение. В конце дискуссии было очевидно, что большая часть детей пережила откровенный катарсис.

Собственно говоря, вот и все о чем я хотел с вами, уважаемые читатели поговорить. Еще раз подчеркну, что брошюра не является неким, в традиционном смысле, научно-методическим руководством. Её предназначение другое: вдохновить и поддержать заинтересованную часть родительской аудитории и педагогов на обращение к правильному кино для подрастающего поколения.

2012

НОВЫЙ ФИЛЬМ ДМИТРИЯ АСТРАХАНА О ЮНЫХ МСТИТЕЛЯХ И «РОБИН ГУДАХ» НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В 2012 году известный режиссер кино и театра Дмитрий Астрахан выпустил в свет фильм «Деточки», снятый на базе «Беларусьфильма». В этом проекте Астрахан выступил еще и в качестве продюсера. В самых разных эстетич-

ческих кругах России Астрахан известен как самобытный художник, смело и достаточно успешно реализующий тот или иной художественный замысел. Вспомним хотя бы его фильмы «Перекресток» и «Желтый карлик». И вот мастер обращается к теме детства – преданного, раздавленного, к теме поругания детства взрослыми. Поскольку серьезные детские отечественные фильмы в наше время большой дефицит, а я по-прежнему надеюсь на возвращение в страну хорошего детского кинематографа, то для меня каждая подобная кинолента – это своего рода событие, надежда на высокий профессионализм. Именно поэтому я настроился на просмотр фильма Астрахана, как когда-то делал это раньше, когда на экранах страны появлялись такие фильмы, как «Сволочи» и «Итальянец», – фильмы о детях, сделанные с особой реалистической жестокостью, тяжело воспринятые в первую очередь взрослой аудиторией.

Меня заинтересовала некая схожесть сюжетов фильмов «Итальянец» и «Деточки». В «Итальянце» – классический детский дом, в «Деточках» – детский дом семейного типа «Одуванчик». В этих детских домах разворачиваются драматические истории с героями-мальчиками. Здесь я хочу высказать свою точку зрения. Коллеги, занимающиеся защитой прав детей, независимо от сферы, в которой они работают (противодействие семейному насилию, этнической и образовательной дискриминации, сексуальной эксплуатации и т.д.) должны иметь в виду, что хорошо сделанный фильм о детях может успешно использоваться в тренинговых целях. В этой статье я не буду обсуждать такие фильмы, но хочу заметить, что тренинги через фильмы – весьма полезная практика для всех взрослых, занимающихся с детьми, столь же полезная, как арт-терапия (самораскрытие детей через живопись и другие виды искусства), музейная педагогика, литература и театр. Поэтому, совершенно случайно узнав, что есть новый фильм Астрахана с «детдомовской» тематикой, я поскорее захотел его увидеть.

Фильм начинается с почти документальных кадров педофилии вельможных дяденек в отношении детей-дошкольников. Внезапно появляются дети, преимущественно млад-

шего подросткового возраста, окружают этих самых злобных педофилов и убивают их умело кинутыми ножами-финками. Далее эти подростки возвращаются к себе домой – то есть в детский дом семейного типа с красивым названием «Одуванчик». Что в этом доме от «семейности», я, правда, не понял. Директриса относится к своему делу формально, отстраненно, ее все устраивает. Ключевым взрослым положительным героем является пожилой военрук и по совместительству руководитель местного военно-патриотического клуба, одинокий дедушка-алкоголик, бывший офицер контрразведки с богатым послужным списком. Дети любят его, признают, он у них «в авторитете». Они прощают ему алкоголизм, сочувствуют, сопереживают.

Наконец, выясняется, что сами дети в этом детском доме объединились в некое тайное общество, о котором взрослым, включая и дедушку-разведчика, ничего неизвестно. Так вот, это общество юных киллеров, или попросту банда, – в основе своей имеет примерно те же идеи, какие были у «справедливого» судьи из «Десяти негритят» Агаты Кристи.

Детишки из детского дома организовали банду юных палачей, которые взяли на себя право вершить Правосудие – смертную казнь над провинившихся перед детьми взрослыми. Разными способами они разузнают про очередного терзателя детей, особо не заморачиваясь следственными тонкостями, на совещании в спальне приговаривают виновного к высшей мере наказания, затем тщательно планируют операцию и приводят приговор в исполнение. Благо, своим военруком они хорошо обучены метать финки в потенциального врага. В частности, так был казнен детский хирург, который отказался делать срочную операцию умирающему мальчику. Хирург потребовал денег, то бишь взятку, у матери мальчика денег не было, и мальчик умер. Доктор вышел сухим из воды и тем самым подписал себе смертный приговор.

В городке, где разворачиваются события фильма, в связи с загадочными смертями страшный переполох. Все правоохранительные органы круглосуточно на ногах. Они понимают, что в городе появилась какая-то банда мстителей,

однако сделать ничего не могут. Старшему следователю разгадать загадку помогает сын – компьютерно продвинутый интеллектуал, действующий, так сказать, из спортивного интереса. Кольцо вокруг наших мстителей все сжимается и сжимается.

Одно из последних дел, задуманных ребятами, – казнь плохого офицера, в роте которого был жестоко избит молодой солдатик. В результате парень стал инвалидом. Офицер, естественно, избежал ответственности. О планируемой акции узнает дедушка-разведчик. Он умоляет детей отказаться от мести. Но дети убеждают своего командира, что свернуть с тропы чести они уже не могут. Дедушка должен выбрать – остаться с ними или забыть о том, что видел и слышал. Старый вояка недолго мучается и, конечно, встает на сторону своих воспитанников. Он говорит ребятам, что сам ликвидирует плохого офицера, и виртуозно, на глазах своей паствы, калечит его специальным «шпионским» приемом. Поздравляя этого офицера на банкете, устроенном в честь его окончательного оправдания судом, старый разведчик незаметно нажимает на особую точку на ладони злодея, и того разбивает паралич. Все удовлетворены, возмездие свершилось – око за око, паралич за паралич.

И наконец, финал фильма. Сын следователя предлагает себя в качестве «подсадной утки». Он связывается с юными мстителями и сообщает им, что взрослые удерживают его в лесу, в развалинах старой усадьбы, и его ждет смерть. Он очень просит его спасти, заявляя, что полиция ему не поможет. Ребята нехотя соглашаются на спасательную операцию. Военрук чувствует, что это провокация, но отговорить детей ему не удастся.

Перед началом операции сын следователя узнает, что существует негласный приказ детей физически уничтожить, поскольку они все хладнокровные убийцы и исправлению не подлежат. Подросток настолько потрясен коварством взрослых, что убегает из дома, находит мстителей, кается перед ними, сообщает о засаде и остается в банде.

Последние кадры. Омоновцы идут на штурм. Героически погибает сын следователя, пытаюсь остановить папиных коллег. Убивают и самого следователя, который в отчаянии собирается убить омоновца, застрелившего его сына. Но в самый последний момент операция по ликвидации юных террористов срывается. На защиту героев внезапно для правоохранителей появляются тысячи детей. Это «все дети доброй воли» пришли защитить легендарных мстителей, благо, что уже существует такая штука, как мобильный телефон.

Фильм закончился, я под впечатлением. Но я не могу понять, во-первых, что это было с точки зрения киножанра, во-вторых, кто же главные герои, в третьих, и самое главное, что, до кого и зачем хотел донести режиссер. Я увидел достаточно схематично изложенные основные линии повествования: не было, по большому счету, главного героя, если не считать обобщенного героя – детей из детского дома. С моей точки зрения, явное доказательство фальшивости происходящего (причем повторяющегося) – умиротворенные и спокойные детские лица в момент совершения очередной казни.

Итак, что хотел донести до нас Дмитрий Астрахан? Показать, как не защищены дети? Показать, что есть праведный детский гнев? Или же сказать, что общество больше не может и не хочет ждать перемен и само берется за свою защиту? Так это все банально...

Кому этот фильм смотреть? Явно не детям. Взрослым? Но ведь вопросы, которые этот фильм поднимает, риторические. Уже сколько было художественных, документальных фильмов и телешоу на эту вполне заезженную тему. Но может быть, режиссер зашифровал для проницательного зрителя более глубокий, скрытый смысл? Давайте попробуем его расшифровать. У меня возникли две киноассоциации. Во-первых, снятый в перестроечные времена фильм «Бакенбарды», во-вторых, эпизод из нашей недавней истории – движение люберов. Их объединяет одна идея: кто-то берет на себя роль Господа Бога и начинает вершить праведный, по их мнению, суд. В «Ба-

кенбардах» – если кто помнит этот фильм – через культ Пушкина (бакенбарды – часть имиджа великого поэта) в маленьком городке эпохи перестройки устанавливается жесточайшая диктатура неонацистского толка. В этот же исторический период действует печально известное «патриотическое» движение люберов, объединение молодежи по месту жительства в подмосковном местечке Люберцы. Как хорошо известно, в итоге члены этого движения очень быстро переродились из добровольных юных защитников социализма в оголтелых нацистов и бандитов.

Так вот, может быть, это всем нам предупреждение от Астрахана? Может быть, он хочет сказать, что это очень большая опасность: переживая все сущие несправедливости нашего времени, становиться на путь мщения? Особенно страшно, когда на этот путь становятся дети. А ведь многое в окружающей нас жизни к этому подталкивает. Возьмем хотя бы проекты социальных сетей, которые предлагают «добровольцам» разнообразнейшие возможности объединяться для отлова всяких гадов и супостатов. Так может быть, это предупреждение – обезопасить наших детей от насилия, которое в первую очередь обернется против них самих?

Каков на самом деле смысл этого фильма, можно только гадать. Уважаемые читатели, всем тем, кто захочет самостоятельно разобраться в этом, а также решить вопрос о его вредности или полезности, рекомендую фильм посмотреть. Тем более что в подзаголовке он назван современной сказкой.

**ДЕТСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ТЕАТР
ДЛЯ ДЕЗАДАПТИРОВАННЫХ
ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ:
ОТ ИДЕИ ДО ПРАКТИКИ**

Застенчивый будет играть сильного и уверенного человека. Болезненно реагирующий на жизненные коллизии – спокойного и уверенного.

Детский лечебный социальный театр возник 14 лет назад как логическое продолжение работы врача-психотерапевта отделения детских неврозов Ирины Зильберман на базе кризисно-профилактического отделения ЦВЛ «Детская психиатрия». Лечебный – потому что театр лечит. Социальный – так как репертуар театра отражает актуальные проблемы детства, семьи и молодежи. Бессменным руководителем и режиссером этого театра был Илья Семенович Бердышев – врач-психиатр-психотерапевт ЦВЛ «Детская психиатрия» им. С.С.Мнухина.

Каждый из его актеров, будучи талантливым ребенком, переживал некий кризис. Очень многие имели травматический опыт. Некоторым казалось, что они в чем-то не состоялись. А во время подготовки к спектаклю они жили единой командой, поддерживающей друг друга, и важно было, чтобы в спектакле у них все получилось. Ребята Ильи Семеновича знали: можно было забыть текст – это не главное. Главное – максимально вжиться в роль.

Каждый очередной спектакль, даже повышенной сложности, репетировался силами всех ребят, пожелавших примерить на себя понравившуюся роль, независимо от их театральных способностей. Для детей, которые имели проблемы с речью, Илья Семенович специально подбирал адаптивные роли.

Практически все выступления детского, лечебного, социального театра проходили на выезде: в школах и социальных центрах Санкт-Петербурга, в детской психиатрической больнице, в детском приемнике-распределителе, в московскую школу «Ковчег», в коммуне «Надежда» в Карелии, в Сергиево-Посадском детском доме для слепоглухих и других местах.

Искусство и современная социореабилитация

В последнее время во всем мире отмечается интенсивное привлечение возможностей искусства для работы с различными категориями социально дезадаптированных людей. В одних случаях эта работа понимается как специально структурированная лечебно-педагогическая деятельность, например в работе с детьми аутистами. В других – как специальные образовательные программы (например, в Государственном Русском музее в течение нескольких лет работает центр специальной музейной педагогики, ориентированный в том числе на детей-аутистов и детей с проблемами психического развития). В третьих – помощь через искусство рассматривается в качестве специализированной психиатрии, которая должна проводиться с участием подготовленных профессионалов медико-психологического профиля. Известный отечественный специалист в области арт-терапии А.И.Копытин [8] настаивает на ответственности проводящих ее психиатров, психотерапевтов и медицинских психологов за последствия для пациентов.

Прикладное значение театра

Театр, равно как и другое искусство – живопись, музыка, танец, пение, – также активно пропагандируется и используется в различных направлениях современной социореабилитационной практике. Его прикладные возможности используют профессиональные режиссеры и актеры.

В частности, в Латвии успешно реализуется профессиональный латышско-датский проект «Контакт». Его организаторы, взяв за основу идею интерактивного театра, разыгрывают спектакли, основанные на личных историях приглашенных подростков (обычно это группы не более 12 человек) и непосредственно с их участием. Одна из задач этого проекта – постижение опыта иных культур. Группа должна быть этнически смешанной. Режиссеры и актеры «Контакта» настаивают на том, что все происходящее – это театр. К терапии их деятельность никакого отношения не имеет.

Во Франции, во всемирно признанном центре «презентаций» современных творческих достижений, более 10 лет существует Протеатр для молодых лиц с особыми нуждами. Действуя под патронажем Министерства культуры Франции, его организаторы поставили перед своими клиентов-актерами две основные задачи этого добровольного коллектива – привлечение к безусловно позитивному творческому досугу и лечебно-педагогическая помощь подросткам и молодежи с проблемами психического развития. Смысл названия «Протеатр», по аналогии с прогимназией в образовании или пропедевтикой в медицинских вузах, заключается в подготовке к настоящему профессиональному театру. То есть молодые люди с особыми нуждами погружаются в реальное пространство театральной жизни на правах начинающих актеров в партнерстве с профессиональными актерами и их специальными педагогами.

Социореабилитация через театр в России

В России театрализованные формы работы с детьми и молодежью, проявляющими различные формы социальной дезадаптации (патогенные и непатогенные) – относительно новое явление в культурной жизни нашего общества. Энтузиасты (именно так стоит назвать людей, взявшихся за это благородное дело) – представители различных помогающих профессий – организуют театральные проекты преимущественно в детских и молодежных учреждениях, в которых они сами работают. Это социальные приюты, социальные интернаты, сиротские учреждения, специальные воспитательные и образовательные пенитенциарные заведения. Из крупных театральных проектов в нашей стране можно отметить такие, как «Театр наивных», (полупрофессиональный коллектив; актеры-любители – люди с синдромом Дауна), «Театр глухих» из Великого Новгорода, студия театра и кино Санкт-Петербургской Ассоциации общественных организаций родителей и детей-инвалидов.

Концептуально подобные театральные коллективы разнятся между собой. Одни из них представляют тра-

диционные детские любительские коллективы. Другие своей главной задачей считают привлечение детей, подростков и молодых людей к творчеству и полезному досугу. Третьи – строят свою работу, исходя из принципов лечебной педагогики и психотерапии. Каждый театральный коллектив, работающий с социально дезадаптированными клиентами, как правило, представляет замкнутую систему. Юные актеры и их взрослые партнеры фактически работают на себя, именно для своего учреждения, своих близких и друзей. В этом проявляется их вынужденная социальная стигматизация: воспитанники приюта или колонии для несовершеннолетних творят театр только для сотоварищей, воспитателей, родных и близких. Круг социальных, зрительских контактов поэтому крайне узкий. А это обстоятельство значительно обедняет саму идею театра – его зрелищность, поскольку зрители, фактически, одни и те же. В свою очередь, минимизация или полное отсутствие реальной аудитории социально благополучных ровесников отменяют саму идею диалога юных актеров и проходящих в их театр юных зрителей.

Возможно, такие реальные социальные условия функционирования детских театральных коллективов и оправданы в определенной степени для преимущественно закрытых учреждений, в которых воспитываются юные актеры. Одно из базисных положений специальной педагогики декларируют стабильность социально-педагогической среды, в которой протекает жизнедеятельность детей и подростков с особыми нуждами. И в этом контексте частые контакты с их ровесниками их «другого мира», возможно, и представляют угрозу этой среде. В то же время для дезадаптированных несовершеннолетних, проживающих в домашних условиях, такие социальные ограничения для театральной деятельности едва ли допустимы. Для них театр должен быть открытым к диалогу со зрителем, представляющим разные возрастные, образовательные и профессиональные слои нашего общества.

Условия функционирования адаптивного детского театра как социального средства помощи детям и подросткам с проблемами социальной адаптации

- Открытость для диалога со зрителем;
- Разновозрастной состав актеров (детский театр – это театр поколений, по образному выражению выдающегося режиссера одного из основоположников отечественного детского театра З.Я. Корогодского);
- Принципиальная интегративность театрального коллектива. В подобном театре его участниками должны быть, наряду с проблемными детьми и подростками, их благополучные в социальном и психологическом смыслах этого слова ровесники;
- Коллектив единомышленников (детей, их родных, близких, профессионалов);
- Условия, максимально обеспечивающие всяческую безопасность и благоприятствующие творческой реализации всех его участников – детей и взрослых;
- Обязательное вовлечение детей и подростков в таинственный мир театра, равно как их приобщение к другим формам мирового и культурного наследия. (Юные актеры, даже в транзитных любительских условиях должны полюбить профессиональный театр),
- Адаптивность детского театра. Любой подобный коллектив должен быть адаптивным как по форме и содержанию самого театра, так и по индивидуальным возможностям его участников (детей и взрослых);
- Театр на всех этапах своей деятельности – от обучения основам актерского мастерства до постановки спектаклей (музыкальных, кукольных, драматических и т.д.) – должен подстраиваться как под конкретный актерский коллектив, так и под часто меняющиеся индивидуальные особенности – проблемы самих актеров. Любые идеи кастинга для такого театра недопустимы. Поводами для ограничений могут являться лишь деструктивные тенденции в поведении детей и подростков.

Выбор театрального жанра

Выбор театрального жанра в работе с дезадаптированными детьми и подростками – принципиальный вопрос. Конечно, этот выбор во многом связан с личными театральными предпочтениями и возможностями самих ведущих. Особенно важно понимать, кто берется за работу с дезадаптированными клиентами, – врач, психолог, педагог, специалист, по социальной работе, имеющие опыт работы на любительской сцене, или же профессиональные актеры и режиссеры, симпатизирующие детству и отрочеству. Случаи, когда организаторы и исполнители подобных проектов являются и специалистами по работе с детьми и подростками и имеют театральное образование, – редкость.

Далее, вопрос выбора жанра в детском театре непосредственно связан с контекстом тех общих реабилитационных задач, которые решаются интересах юного клиента.

- При преимущественно телесно ориентированных формах работы с детьми и подростками разумнее будет проводить с ними работу в рамках пластического театра. Это в первую очередь относится к несовершеннолетним с повышенной возбудимостью, эмоциональной лабильностью и импульсивностью.

- Для дефензивных детей и подростков с компульсивными нарушениями, равно как и с юными пациентами, страдающими различными страхами, в том числе устной речи, возможно, будет полезен музыкальный театр. Хорошо известный факт в логопедии, когда люди, страдающие тяжелым заиканием, не испытывают подобных проблем при пении.

- Тем же детям со страхом устной речи, дошкольникам и младшим школьникам и несовершеннолетним с нарушениями в психическом развитии весьма полезно будет приобщиться к кукольному театру. Защита от страха публички в виде кукольной ширмы и природная потребность к игре маленьких детей будет максимально способствовать раскрытию творческих способностей юных актеров.

• Дети и подростки, испытывающие потребность разобратся в собственном опыте и имеющие значительные проблемы с идентификацией, потенциально нуждаются в проработке своих переживаний. Таким клиентам будет легче осваивать искусство драматического театра.

Наконец, последним доводом в выборе театрального жанра является отношение к нему самих детей и подростков. При выраженном сопротивлении юных клиентов к тому или иному жанру детского театра привлекать их к подобной творческой деятельности не показано. Однако в случаях менее выраженного сопротивления детей и подростков от самой идеи включения их в театральную работу отказываться не стоит. Иное дело, как выстраивать в каждом подобном случае работу по преодолению сопротивления.

В свою очередь, сопротивление детскому театру может быть обусловлено различными причинами. Это может быть и собственно протест против социокультурных регламентаций взрослых, и страх несостоятельности, знакомый по предшествующему школьному или досуговому негативному опыту, страх устной речи и сцены и, наконец, просто предвзятое отношение к театру. Мотивации отказа детей и подростков от участия в детском театре по-прежнему могут быть тривиальными: «Театр – это несерьезно! Театр – это для девочек! Театр – это тупо!».

Что такое детский социальный театр?

Детский социальный театр – это драматический театр для детей, репертуар которого ориентирован преимущественно на актуальные социальные проблемы в жизни людей.

С нашей точки зрения, именно дезадаптированные дети и подростки как никто другой нуждаются в драматическом репертуаре, максимально напоминающем их собственную жизнь, – жизнь в семье, жизнь в школе, жизнь с друзьями или недругами.

Детский социальный театр основывается на традициях французского социального театра и английского реалистического театра Питера Брука. Одновременно

он аккумулирует опыт становления отечественного театра драмы, в частности, проблемного театра – творческой лаборатории для детей, основанной легендарным З.Я. Корогодским на базе Ленинградского театра юных зрителей.

Что такое максимальное приближение театрального репертуара к реальной жизни детей и подростков? Дело в том, что сопричастность юных актеров к героям классических произведений, которых традиционно инсценируют в детских любительских театральных коллективах, возможна лишь тогда, когда эти герои созвучны ментальности самих детей и подростков. В нашей жизни это далеко не так даже в отношении многих социально благополучных несовершеннолетних. Классика, в том числе социально ориентированная («Слепой музыкант» В.Г. Короленко, «Подросток» Ф.М. Достоевского, «Повелитель мух» У. Голдинга, «Синяя птица» М. Метерлинка, «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера и пр.) их просто не волнует, это не их реальность. Поэтому, к сожалению, многие постановки детских классических социальных произведений в школьных театрах при всей искренне трудолюбивой игре юных актеровются наивно нереалистическими.

Когда же речь заходит о клиентах с тяжелыми проявлениями социальной дезадаптации, например, детей и подростков из неблагополучных семей и с тотально негативным школьным опытом, и о попытках приобщения их к любому театру, то очень часто эти благородные намерения взрослых заранее обречены на провал. Почему так? Специальных исследований на эту тему в нашей стране, по крайней мере, в доступной нам литературе (театроведческой, педагогической, психологической), нет.

Тем не менее, один из возможных ответов на этот вопрос дает нам известный американский педагог, один из лидеров так называемой критической педагогики П. Мак-Ларен. Он утверждает, что отказ многих детей, воспитывающихся в асоциальных семьях, от ценностей господствующих в обществе успеха и процветания «идеологически правильной культуры» обусловлен их революционным

противостоянием чуждому им жизненному опыту людей из другого мира. Не принимать эту реальность в работе драматического театра недальновидно. Поэтому детский социальный театр в начале своего пути должен быть со-звучен жизненному опыту всех его участников. И лишь затем постепенно можно прокладывать интерактивный мост между их жизнью и жизнью героев из другого времени и пространства.

Опыт создания детского социального театра в условиях городской кризисной психотерапевтической службы для детей и подростков

Десять лет назад на базе городской кризисной психотерапевтической службы для детей и подростков был создан детский социальный театр. Необходимость создания детского социального театра была исторически подготовлена предшествующим опытом внедрения в разные подразделения системы детской психиатрической помощи в Санкт-Петербурге элементов театрализации в групповую психотерапию и лечебную педагогику. С другой стороны, в социореабилитационном пространстве длительное время существовала ниша между детской психодрамой и игровой терапией, систематически проводимых в учреждениях детской психиатрической помощи города с наиболее нуждающимися в них детьми и подростками.

В этой связи городская кризисная психотерапевтическая служба как подразделение системы оказания психиатрической помощи детям и подросткам нашего города оказалась наиболее благоприятным местом для создания детского социального театра.

Во-первых, кризисная психотерапевтическая помощь в этом учреждении оказывается юным клиентам с широким диапазоном проблем: от поведенческих эмоциональных и когнитивных проблем в рамках непатогенной социальной дезадаптации до серьезных психических расстройств – депрессий, «мягких» дебютов шизофрении и синдромов ау-

тизма. Главным поводом обращения детей и их родителей в эту службу является собственно переживание ими различных кризисных состояний.

Во-вторых, у большинства пациентов кризисной службы имеются выраженные нарушения социальной адаптации: в семье, школе и в сфере личностной реализации.

В-третьих, всем пациентам оказывается комплексная помощь, включая арт-терапию и специальную музейную педагогику по показаниям.

В-четвертых, взаимоотношения между пациентами, их родителями и персоналом структурированы в рамках требований психотерапевтической среды в НИИ им. В.М. Бехтерева. Таким образом, кризисное отделение в структуре системы детской психиатрии является своеобразным перекрестком различных потоков обращающихся в него за помощью кризисных клиентов с преимущественными проблемами в сфере образования и воспитания, в клинической сфере и в сфере психологии.

Концептуальные основы детского социального театра в кризисной службе

Многообразие зарубежной и отечественной литературы по вопросам детской психодрамы контрастирует с очевидным дефицитом монографических публикаций по прикладному лечебному театру. Ведущий специалист в нашей стране по вопросам лечебного театра М.Е. Бруно, автор всемирно признанного направления в психотерапии – психотерапии творческим самовыражением, в своей одноименной монографии [3] даже не упоминает о театре. В свою очередь, в единственном в своем роде сборнике по вопросам психокоррекции, вышедшем в 1995 году под редакцией ведущих специалистов головного социально-психиатрического учреждения страны – НИИ социальной и судебной психиатрии им. С.С. Корсакова – Ю.С. Шевченко, В.П. Добриденя и О.Н. Усановой, – опубликована лишь одна статья, посвященная вопросам терапии детей посредством театра.

В чем причина подобного положения вещей – отсутствия серьезных исследований по этой тематике с выходом на создание методических разработок? Многочисленные самиздатовские сообщения о пользе детского театра в различных областях социореабилитационной практики, и на этом фоне – молчание науки. Мы рискуем предположить, что, в отличие от общепризнанной психодрамы, научный мир на этом этапе развития психотерапии и лечебной педагогики особого доверия к лечебному театру как способу помощи страждущим людям не испытывает.

Тем не менее, почему выбор не за психодрамой, а за социальным театром?

Во-первых, лечебный эффект любой групповой терапии ограничен, поскольку происходящие терапевтические процессы организованы в искусственном пространстве и разобщены с реальной жизнью клиентов.

Во-вторых, итоговая сверхзадача групповой детской психодрамы, по мнению А. Айхингера и В. Холла, сводится к побуждению и развитию спонтанности и творчеству детей там, где эти процессы стеснены и ограничены. Однако этого целебного достижения мало для большинства кризисных детей и подростков с различными формами социальной дезадаптации.

К концептуальным основам детского социального театра можно отнести следующее:

1. Социальный театр – это психотерапевтическое сообщество. Идея реалистического психотерапевтического театра – сообщества для взрослых пациентов с психиатрической патологией – разработана в 2004 году М.Е. Бурно.
2. Социальный театр неизбежно и многократно пересекается в своей жизнедеятельности с процессами, происходящими при применении популярного в англоязычных странах метода психотерапии – драмотерапии. Точками таких пересечений становятся проблемы вообразимой идентичности в соотношении с собственной. Вследствие этого психотерапевты и медицинские

психологи, взаимодействующие с юными актерами социального театра, имеют терапевтические возможности работы с естественно возникающим у детей и подростков личностным отражением происходящего на сцене.

3. Социальный театр активизирует личностные ресурсы его участников и снимает защитные барьеры, препятствующие полноценной речевой и пластической саморегуляции. Эта концепция отталкивается от уникального метода эмоционально-стрессовой психотерапии тяжелых логоневротиков К.М. Дубровского.

Дополнительные концепции детского социального театра

1. Детский социальный театр модифицирует социальное поведение его участников и тренирует у них новые полезные навыки. Мишенями для модификации и тренинга новых полезных навыков при этом являются: достижение актерского партнерства, преодоление отвлекающей от театра посторонней деятельности, становление минимальных актерских навыков, совладание с речевой и физической агрессией в процессе творческой деятельности.
2. Детский социальный театр способствует росту культурного потенциала всех его участников.

Предполагаемые механизмы позитивного влияния детского социального театра

Речь идет о вероятностном прогнозировании известных социально- психологических и глубинно-личностных форм позитивного воздействия искусства и руководства группой одновременно. Среди таких ожидаемых ответных реакций детей и подростков следующие: катарсис, инсайт, позитивная идентификация, позитивные формы копипингового поведения, обучение, модификация, сублимация, оптимизация «Я»-концепции.

Роли специалистов в социальном театре

Специалист – организатор и ведущий групповой театральной процесс.

Специалист – куратор своих пациентов.

Специалист – член психотерапевтического сообщества.

Эти роли естественным образом налагают на специалиста обязанность одновременно находиться в двух плоскостях своей практической деятельности. С одной стороны, специалист организует свою режиссерскую и актерско-преподавательскую работу, являясь членом психотерапевтического сообщества, он поглощен ею. С другой стороны он наблюдает за динамикой психосоциального и психического статуса своих клиентов и группы в целом, будучи готовым к адекватному терапевтическому реагированию как в процессе терапевтической деятельности, так и после ее окончания.

Определение детского социального театра в кризисной службе

Детский социальный театр – это уникальная социореабилитационная возможность преодоления кризисных ситуаций у дезадаптированных детей и подростков с одновременным решением текущих психотерапевтических задач и активизацией творческого потенциала, реализуемых посредством участия в реалистическо-драматическом театре-сообществе.

Возможный формат жизнедеятельности детского социального театра на примере его работы в структуре кризисной службы для детей и подростков

1. Детский социальный театр – важное звено социореабилитации кризисных пациентов с проблемами социальной дезадаптации.
2. Детский социальный театр организуется и реализуется под руководством врачей-психотерапевтов, поскольку его участники – дети и подростки с различной психо-

патологией – составляют группу риска по этому признаку. Специалисты помогающих профессий, в том числе, в случае их наличия, профессиональные режиссеры и актеры, работают в детском социальном театре в содружестве с врачами-психотерапевтами и непосредственно под их руководством.

3. Для оказания профессиональной театральной помощи детскому социальному театру необходима помощь и поддержка профессиональных театров. В частности, детский социальный театр кризисной службы с первых дней его существования поддерживает творческое сотрудничество с Санкт-Петербургским государственным детским театром «Зазеркалье». Он известен в городе как своеобразная творческая лаборатория детского театрального искусства, как преемник творческих идей и замыслов З.Я. Корогодского.
4. Детский социальный театр кризисной службы, отвечая всем главным принципам его организации и жизнеустройства, представляет собой открытое творческое объединение – психотерапевтическое сообщество. Его участниками становятся юные клиенты кризисной службы, их родные и близкие, специалисты и волонтеры.
5. Набор в детский социальный театр кризисной службы осуществляется исходя из сочетания двух основных принципов: желания самих несовершеннолетних и терапевтической целесообразности. Противопоказания для театра – те же типичные противопоказания, что и для участия в психотерапевтических группах. Не могут быть участниками детского социального театра несовершеннолетние с выраженными деструктивными тенденциями, острыми психозами, состояниями зависимости от психоактивных веществ. Однако, после снятия выше перечисленных состояний и поведенческих нарушений, такие дети и подростки могут присоединиться к работе детского социального театра.
6. Вся работа детского социального театра организуется и проводится в первую очередь с учетом двух основных видов помощи несовершеннолетним в этом учреждении – соб-

ственно переживающим острый кризис и нуждающихся в поддерживающих после выхода из кризиса медико-психологических и социореабилитационных мероприятиях. В связи с этим работа строится по полугодиям, по аналогии с системой старших классов общеобразовательной школы. Для участия в очередном спектакле, который будет репетироваться и в дальнейшем проигрываться, приглашаются все желающие клиенты и пациенты кризисной службы и их родители. После показа спектакля часть актеров по собственному желанию может покинуть сообщество, но для них всегда остается возможность вновь вернуться в театр и принимать участие во всех его культурных мероприятиях. Среднее число юных участников в течение каждого полугодия находится в пределах 20-25 человек. Другая часть юных актеров продолжает участие в следующих театральных проектах. Таким образом, за несколько театральных сезонов создается естественно обновляющееся творческое ядро детского социального театра. Обычно это 10 – 12 человек.

7. Организация театрального процесса.

С начала работы очередного театрального проекта все участники делятся на непосредственно включившихся в работу над новым спектаклем и группу поддержки. Группа поддержки – это те дети и подростки, которые в силу дефензивных особенностей своей личности боятся сразу включаться в работу над спектаклем. Поэтому им предлагается активно участвовать в работе над спектаклем в качестве экспертов-рецензентов. Со временем некоторые дети и подростки из группы поддержки заявляют о своем участии в спектакле. Если количество желающих принимать участие в спектакле превышает количество ролей, то определяется второй актерский состав. Таким образом, около трех месяцев идут репетиции. Параллельно проводится адаптированный вариант актерского тренинга. Все роли пишутся индивидуально с учетом личностных возможностей юных актеров, в том числе для самых маленьких его участников, детей с выраженным страхом речи, различными логопедически-

ми проблемами. Для углубленного постижения юными актерами замысла очередного спектакля с ними проводится дополнительная работа, включая просмотр и обсуждение значимых для постановки видеофильмов с участием детей – актеров кино. Все выступления проходят за пределами кризисной службы – в школах, социальных приютах, больницах, культурных центрах, с которыми у детского социального театра существуют партнерские отношения. В конце каждого выездного спектакля со зрителями организуется короткая дискуссия, посвященная социальной проблематике, которую юные актеры пытались раскрыть в своем спектакле.

8. Культурные мероприятия, проводимые в рамках детского социального театра. Это могут быть совместные посещения театров, музеев, выставок; совместные выезды за город; организация летних творческих лагерей в Карелии. Все они направлены на дальнейшее сплочение членов театрального сообщества.
9. Психодинамические процессы, происходящие в детском социальном театре, делятся на индивидуальные и групповые.
 - Индивидуальные процессы, происходящие с детьми и подростками, связаны с изменением в их адаптации к регламентирующим требованиям театрального сообщества, с модификацией своего совладающего поведения, переживанием нового позитивного опыта собственной эффективности и реализацией собственного творческого потенциала.
 - Групповые процессы в детском социальном театре отражают поэтапное включение новых участников театрального коллектива в его жизнедеятельное пространство.

Детский социальный театр: наука и практика

К сожалению, исследований, посвященных изучению комплексного влияния различных вариантов детского адаптивного театра, лечебного театра в частности, в со-

временной социореабилитации, в доступной нам отечественной литературе нет. Тем не менее, потребность в подобных исследованиях, по нашему мнению велика. Один из мощнейших каналов социального и культурного воздействия на мир современных детей – детский театр – не осваивается в должной мере современной психологической наукой.

Практика использования в прикладных целях детского театра уже сейчас нуждается в научно-методической поддержке. В этой связи накопленный десятилетний эмпирический опыт позитивного влияния детского социального театра городской кризисной психотерапевтической службы для детей и подростков подлежит глубокой научно-исследовательской проработке. С этой целью с 2009 года работа детского социального театра кризисной службы объединилась с работой кафедры психологии поведения и превенции поведенческих аномалий факультета психологии СПбГУ в рамках деятельности его ресурсного центра.

Заключение

Эта статья была написана в порядке постановки проблемы и приглашения к дискуссии. В эпоху повсеместного угасания интереса к детскому профессиональному театру у детей и молодежи за счет его вытеснения новыми и более доступными информационно-медийными средствами культуры возрастает значение прикладных возможностей театра в социореабилитационных практиках.

Разные отечественные профессионалы (социальные работники, педагоги, психотерапевты, психологи, актеры, режиссеры), многие из которых являются в прямом смысле слова энтузиастами, организуют для нужд своих юных клиентов и пациентов собственные авторские адаптивные театры.

Для театрализованных форм работы с несовершеннолетними, проявляющими различные формы социальной дезадаптации, по нашему мнению, весьма перспективным является детский социальный театр. Такой театр наиболее

созвучен пафосу актуальных жизненных проблем несовершеннолетних и при удачной его реализации должен быть им понятен и доступен.

В Санкт-Петербурге сегодня действует единственный детский социальный театр в рамках городской кризисной психотерапевтической службы. Это социотерапевтическое творческое сообщество за десять лет своего существования накопило эмпирический позитивный опыт. Тем не менее, в ситуации острого дефицита научно-методического сопровождения подобной работы с дезадаптированными юными клиентами и пациентами оценка всех его аспектов является маловероятной. С тем чтобы восполнить этот пробел, с 2009 года в рамках ресурсного центра факультета психологии СПбГУ организовано сотрудничество между кафедрой психологии поведения и превенции поведенческих аномалий и детским социальным театром кризисной службы.

Литература

- 1.Андерсен-Уоррен М., Грейнджер Р. Драматерапия. СПб., «Питер», 2001.
- 2.Айхинтер А., Холл В. Психодрама в детской групповой терапии. М., «Генезис», 2003.
- 3.Бурно М. Терапия творческим самовыражением. Екатеринбург, «Академический проект», 1999.
- 4.Бурно М. О реалистическом психотерапевтическом театре-сообществе // Независимый психиатрический журнал. №1, 2004.С. 30-37.
- 5.Вид В., Лутова Н., Баженова С. Метод психодинамически ориентированной милье-терапии психически больных. Пособие для врачей. СПб., НИИ им. В.М. Бехтерева, 1999.
- 6.Мак-Ларен П. Жизнь в школах: введение в критическую педагогику. Москва, «Просвещение», 2007.

7. Некрасова Ю. Лечение творчеством. Москва, «Смысл», 2006.
8. Практикум по арт-терапии / Под ред. А.И. Копытина. СПб., «Питер», 2000. – 443 с.
9. Психокоррекция: теория и практика / Под ред. Ю.С. Шевченко, В.П. Добриденя, О.Н. Усановой. М., издательство НППЦ «Коррекция», 1995. – 222 с.
10. Сансон П. Психопедагогика и аутизм: опыт работы с детьми и взрослыми. М., 2006.

ПРАВА ДЕТЕЙ

ИСТРЕБИМА ЛИ ЖЕСТОКОСТЬ.

Размышления психолога

Сегодня я приглашаю вас вместе поразмышлять о жестокости. Эта тема для меня как профессионального психолога очень актуальна. Мне представляется, что жестокость в наши дни «ушла в подполье», она стала скрытой, действует исподтишка. И то, что она стала не столь заметна, как прежде, делает ее еще более опасной. Люди, разучившись ее распознавать, рискуют незаметно для себя жестокостью заразиться, как какой-то тяжелой инфекционной болезнью.

Давно ушли в прошлое те времена, когда людей жгли на кострах, сбрасывали со скалы, разрубали на части, приносили в жертву богам. Давно уже школьников не избивают до крови, наказывая за плохую учебу. Гнев человека в цивилизованном обществе не может вылиться в безнаказанное убийство другого человека. Даже за мучение животных в нашей стране начинают наказывать, а в США и Европе это делают уже давно, и наказание за жестокое обращение с животными может быть очень суровым.

Конечно, бывают исключения, но маниакально жестокие агрессоры все же находятся в меньшинстве. А вот главное правило цивилизованного общения в наше время – внешнее проявление жестокости запрещено. Нельзя ударить, нельзя оскорбить, нельзя разрушить и т.д. Жестокость сейчас осуждается на всех уровнях: от государственного (мораторий на смертную казнь) до религиозного (большинство россиян считают себя «православными» и должны серьезно относиться к таким понятиям, как добро, зло, милосердие, сострадание). Припадая к экранам телевизоров, мы сочувственно смотрим на жертв мирового или внутреннего терроризма, испытываем праведный гнев, когда идет процесс над насильником. Просматривая сотни трогательных латиноамериканских или доморощенных сериалов, мы искренне плачем над превратностями судьбы, так немилосердно относящейся к влюбленным. Детям чи-

таем только добрые сказки и запрещаем им играть в злые компьютерные игры, заводим для них собачек или кошечек, морских свинок или рыбок.

Может сложиться мнение, что жестокость ушла из нашей жизни, не оставив и следа, оставшись где-то там, в далеком прошлом, – там, где спартанцы сбрасывали слабых детей со скалы, или там, где фашисты уничтожили в концлагерях миллионы людей. А то, что иногда показывают в новостях о творящемся беспределе, что у нас, что за рубежом, то ведь это где-то там, далеко, не у нас. У нас все хорошо, у нас нет жестокости. Мои дети добрые. Школа добрая. На работе только добрые люди. И жизнь могла бы быть лучезарной, если бы не вечные экономические проблемы. Только это и омрачает существование.

К сожалению, это все только иллюзия. – вечное желание человека не видеть правды, смотреть на мир через розовые очки. Большинству из нас, здоровых, довольных жизнью людей, свойственно не испытывать без особого повода тяжелых переживаний до тех пор, пока этот повод не коснется нас самих. Лишние проблемы нас только угнетают, способны вызвать никому не нужную депрессию.

На самом же деле жестокость никуда не ушла. Она просто стала принимать «цивилизованную» форму. Об этом говорят не только специальные научные исследования, но и свидетельства многих простых людей, которые регулярно, чуть ли не каждый день сталкиваются с жестокостью.

Итак, давайте попытаемся распознать жестокость в том, что вроде бы, на первый взгляд, жестокостью не является. Ситуация в семье: отец всегда груб с матерью, угрожает расправой, возможно, разводом. Родители регулярно высмеивают неудачи детей. Родители необоснованно показывают свою власть: не разрешают детям то, что вчера разрешали, например, гулять, играть, дружить, принести котенка и т.п., то есть внезапно запрещают ребенку желать то, что для него значимо, естественно, неопасно. Запрещают не что-либо ужасное или невозможное, а детскую, естественную для его возраста потребность. Родители со-

знательно делают ребенку больно – якобы во имя интересов правильного воспитания. Родители обучают ребенка агрессивно и подозрительно относиться к окружающим людям, всегда давать сдачи, уметь постоять за себя только с кулаками. Родители регулярно унижительно отзываются о своих товарищах, коллегах, родственниках, в том числе и живущих с ними. Разведенные родители говорят гадости друг о друге, вовлекают ребенка в свой конфликт. Игнорируя страдания детей, препятствуют их общению с разведенным родителем (в нашей стране – чаще с отцом, порой на долгие годы), общению с другими родственниками, в первую очередь, с бабушками и дедушками. Родители легко раздадут подзатыльники своим детям.

Ситуация в школе: педагоги не любят детей, дети их «бесят», и этим все сказано. Педагоги показывают свою власть, «деликатно» унижают учеников, высмеивая их или выставляя напоказ их проблемы перед всем классом. Педагоги в борьбе против непослушания манипулируют учениками. Например, за плохое поведение ученик получает двойку по физике, даже если он знает эту физику не хуже самого учителя. Здесь я ничего не преувеличиваю. В моей практике были такие случаи, и были они в самых элитных физико-математических школах. У ученика есть какие-то недостатки – это повод для детей высмеивать его, «прикалываться». Учитель безмолвствует или говорит ученику и его встревоженным родителям: «Разбирайтесь сами. Он и сам хорош». «Ученика травят в школе? Кто травит? Да они же дети. Они сами должны выяснить свои отношения. Не трогайте их. Те, кого травят, должны научиться постоять за себя». Это очень распространенная внутришкольная мораль. Для учителя важны знания, а уж потом личность ученика. С такими взглядами в школе, к сожалению, работает много учителей. «Нам за общение, нам за воспитание не платят. Пал Иванович, ну что вы с ними все корячитесь? Зачем эти ваши походы? Вы лучше о своих детях подумайте. Они у вас хуже нищих», – подслушанный «дружеский совет» в учительской одной из школ Санкт-Петербурга.

Ситуация в вузах. Вузы – это теперь все сплошь университеты. В них все чаще студент для преподавателя – это не будущий коллега, а так, случайный прохожий, которого он в своей жизни наверняка больше не встретит. Или еще хуже, студент для преподавателя – это средство обогащения. Несколько лет тому назад одна отчаявшаяся мать, сама программист, решила обратиться за помощью к декану одного из ведущих вузов нашего города по поводу своего сына-студента. Факультет этот готовит программистов для страны и даже для ряда западных стран. Дело в том, что ее единственный сын, выпускник одной из лучших наших физико-математических гимназий, страстно желающий стать программистом, заболел интернет-зависимостью, – к несчастью, болезнь сейчас очень распространенная. Мальчик не посещал занятия уже месяц. Мать хотела попросить декана, тоже программиста, чтобы он по-отечески поговорил с ее сыном, попытался бы повлиять на него. Мальчик воспитывался без отца. Ему было 17 лет, он был очень умным и талантливым ребенком. В ответ на эту просьбу декан, уточнив у секретаря посещаемость этого студента, сообщил матери следующее: «Мы здесь воспитанием не занимаемся. Я сегодня же подготовлю приказ о его отчислении. Вы свободны». Вот так-то. Мать после этого получила тяжелейший стресс, а жизнь юноши превратилась в ад.

Ситуация в армии. К сожалению, суворовское радение офицеров за солдатухек осталось лишь в нашем героическом прошлом или на страницах художественной литературы. «Школу жизни», как, невзирая на многочисленные страшные факты, пытаются у нас позиционировать армию, многие прошедшие ее считают школой жестокости. А пресловутая дедовщина в армии, видимо, никогда себя не изживает. И можно долго рассуждать на эту тему, приводить объективные и субъективные причины, говорить о том, что вот, например, в израильской армии офицер отвечает за солдата перед его родителями, а не перед вышестоящим начальством. Но факт остается фактом: с дедовщиной в нашей армии совладать не могут.

Не лучше ситуация с чиновниками, милиционерами, врачами и представителями сферы обслуживания. Количество негатива, которое связано с печальным опытом общения наших граждан с этими категориями профессионалов, настолько велико, что этому уже посвящают целые рубрики в прессе и создают передачи на ТВ.

Ну и напоследок о нашем отношении к окружающим. Безразличие или презрение к бездомным, ненависть к ино-родцам, безразлично-снисходительное отношение к умственно неполноценным людям, инвалидам – это все реалии нашей жизни.

Все, достаточно. Я попытался показать вам те стороны нашей жизни, которые непосредственно связаны с понятием «жестокость». Конечно, каждый из приведенных примеров, взятый в отдельности, может, и не сделает нас жестокими. Однако длительное восприятие этих факторов как само собой разумеющихся поможет даже самому добродетельному человеку (и ребенку, и взрослому) ожесточиться. А ожесточенные сердца, как всем хорошо известно, не так просто возвращаются к своему изначальному доброму состоянию.

Говорить об уничтожении жестокости в наше время не приходится. Однако каждому из нас можно и должно задуматься о том, что мы сами можем сделать для уменьшения количества жестокости в нашей жизни, для противодействия этому злу.

2008

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СЕКСУАЛЬНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ

Предмет «Этика и психология семейной жизни» появился в школах лишь в конце 1980-х годов. Конечно, этот предмет не имел ничего общего с тем, что было заявлено в его названии. В нем все сводилось к тому, как нужно

строить коммунистическую семью на основе коммунистических идеалов в коммунистической стране. До низменных объяснений предназначения человеческих гениталий этот урок, введенный в тогдашних старших классах (с 8-го по 10-й) позволить себе опуститься никак не мог.

С началом перестройки мощный импульс получают психология и сексология. Рушится железный занавес. В школы и педагогические вузы потоком устремляются гуманистические идеи в сфере образования, в том числе напрямую затрагивающие вопросы брака, отношения полов, развития мальчиков и девочек. Разрабатываются интересные курсы, программы. В это время знаковой фигурой становится Игорь Семенович Кон, знаменитый философ и психолог, энтузиаст просвещения. Он доказывал на научной основе педагогам страны значение своевременной и грамотной передачи неискаженных знаний о половом развитии быстро взрослеющим мальчикам и девочкам.

От перестройки все ждали перемен, и действительно многое изменилось — в частности, в сфере гуманизации воспитания подрастающего поколения. Во многих отраслях гуманитарных знаний к этому времени возник самый настоящий познавательный голод. Возник он и в научно-популярной сексологии.

Сексология — наука о гармонии человеческого бытия мужчины и женщины и о причинах, ее разрушающих. Сексология оперирует такими понятиями, как мужчина и женщина, развитие и идентичность, отношения и любовь, интимность и опыт, брачный союз и продолжение рода. Основы сексологических знаний на популярном уровне крайне необходимы стремительно взрослеющему человеческому детенышу, причем в разное время и разной сложности. Ответы на такие вопросы, как «Почему я мальчик, а она девочка?», «Зачем тети и дяди целуются?», «Откуда берутся дети?», «Что такое любовь?», — составляют образовательный каркас сексуального просвещения. Ведь в советское время многие благовоспитанные пай-мальчики всерьез верили в детородную функцию аиста, приносящего маленького братика или сестренку. Верили до тех пор, пока в один прекрасный день где-нибудь в подво-

ротне подросток-хулиган в циничной форме повергал таких детишек в шок информацией о том, что на самом деле делают их папы и мамы ночью в постели. И еще больше ребят остро нуждались в ответах на вопросы, связанные с интимной тематикой, которые они так никогда и не задавали своим папам и мамам из-за ложного стыда и застенчивости. Не задавали потому, что считали эти вопросы неприличными, думали, что их в принципе задавать нельзя.

Поэтому все надежды возлагались на то, что новое общество подарит, наконец, подросткам и молодежи настоящую, всероссийскую, профессионально подготовленную систему сексуального просвещения, — просвещения в смысле дальнейшего приобщения их к мировой культуре познания союза Души и Тела, начало которому было положено еще в античные времена.

Девяностые годы и начало нулевых во многом оправдали эти ожидания. Много чего интересного было задумано и предложено. Например, на стыке медицины и педагогики появилась новая наука об основах воспитания здорового человека — валеология. Ее разработчики предложили для дополнительного школьного образования свои программы, которые в итоге были названы «программами полового воспитания старшеклассников».

В свою очередь, блестящая плеяда молодых прогрессивных психологов возрождали для школьного просвещения на новом научном уровне гуманитарного познания забытый предмет «Этика и психология семейной жизни». Богатый международный опыт последовательного и дифференцированного по возрасту сексуального просвещения творчески отразился в нашем городе созданием целой сети молодежных консультаций при районных детских поликлиниках, по образцу аналогичных учреждений в Скандинавии и Англии. Первоначально в них все желающие подростки получали не только бесплатную и анонимную помощь в связи с интимными проблемами, но и участвовали регулярно в работе групп профилактики, например, в контексте безопасности межличностных и интимных сексуальных отношений.

Однако все стало меняться с началом третьего тысячелетия. Вначале появились одиночные тихие, а потом и массовые громкие голоса возмущенных граждан: «Кто придумал это половое просвещение? Зачем копировать западный опыт? Нет ювенальной юстиции! Не позволим вторгаться в российскую семью!» В конце нулевых это возмущение сменилось яростным озлоблением. В дело включились СМИ. Появились многочисленные ратующие за «безопасность детей» журналисты и политики, «правильные родители». Наконец, на защиту «развращаемого» (кем?) детства выступили люди, именующими себя «истинно православными» и «патриотами».

Началась кампания травли просветителей. Я с ужасом вспоминаю телевизионную передачу, которая напомнила мне средневековое судилище: настоящая расправа свершалась над организаторами и исполнителями программы по половому воспитанию школьников, которая реализовалась в ряде школ одного российского города. Несчастливыми «подсудимыми» были сексуальные просветители и отдел образования, а в роли обвинителей, судей и прокуроров выступала «пострадавшая общественность» в лице родителей и «местных правозащитников». Они жаждали крови. Они требовали не только навсегда запретить в их городе подобные «крамольные» вещи, но и привлечь к уголовной ответственности всю эту «банду растлителей». Один отец пытался обвинить психологов и педагогов в приобщении подростков к порнографии. Обвиняемых никто не хотел слушать, им затыкали рот. Их научно-методические доводы и авторитетные рецензии в пользу обсуждаемой программы игнорировались. Адвокатов у обвиняемых не было. В конце передачи некая представительница Государственной Думы так прямо и заявила: «Нашим детям секс не нужен. Нашим детям нужна нравственность!». Аудитория поддержала ее дружными и продолжительными аплодисментами.

Кстати, в нашем родном городе главное лицо в сфере образования в своем первом интервью накануне нового учебного года официально заявила, что система об-

разования в Санкт-Петербурге не нуждается в программах по половому воспитанию. Это, дескать, не функция школы: юные петербуржцы сами, если захотят, смогут просветиться через интернет, сейчас такая эпоха. Так и хочется сказать: эпоха отката под девизом «Назад, к самообразованию».

Вот, собственно, и вся история. Официального запрета на сексуальное просвещение нет, но оно куда-то исчезло. Попрощаемся с ним, а заодно и с надеждами, которые с ним связывались. Хоть и грустно, но такова реальность. Когда-то мы так же попрощались с генетикой, психоанализом, социологией и психологией личности.

2013

ПРОБЛЕМА ПРАВ ДЕТЕЙ-ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Комментарий психолога к планам России снизить возраст уголовной ответственности

Недавно весь мир увидел шокирующие кадры о надевании полицейскими наручников на разбушевавшуюся юную особу в одном маленьком американском городке. Этой юной особе было всего шесть лет, в момент ареста она посещала детский сад.

Что же в детском саду? Шестилетняя воспитанница этого дошкольного учреждения внезапно разбушевалась, да так, что поломала несколько вещей (в том числе, большой шкаф), побила своих одноклассников и под конец серьезно травмировала директрису детского сада. Последняя и приняла оперативное решение — вызвала полицию. Прибывшие полицейские успокоили девочку, надели наручники и отвезли в участок. Узнавшие о произошедшем родители девочки были потрясены жестокостью полицейских. Полицейские оправдывались, что действовали строго по закону: в их инструкциях нет никаких особых указа-

ний о возрасте в случае надевания наручников. Более того, в их практике был случай, когда наручники надевались на девочку пяти лет.

Вся Америка разделилась на два лагеря: одни были возмущены беспредельной жестокостью полиции, другие восхищались высокопрофессиональными действиями полицейских, которые выполнили свой долг и укротили маленького монстра. На самом деле, что же делать, если маленькие люди бывают реально опасными для окружающих?

Немного истории. Вплоть до XIX века к совершившим преступление несовершеннолетним применялись те же меры воздействия, что и к взрослым правонарушителям. Их судили и отправляли во взрослые тюрьмы. Последнее было особенно ужасно, так как 10-11-летние дети, оказавшись во взрослой тюрьме, выходили оттуда закоренелыми преступниками, — конечно, если доживали до вожделенной свободы.

Выдающиеся умы человечества, гуманисты и просветители по обе стороны Атлантического океана заявляли о дальнейшей невозможности такого юридического отношения к оступившимся детям. Известный исследователь тюрем Джон Ховард еще в 1776 году в своем капитальном труде «Государство тюрем» прямо заявлял, что бесправное положение детей в английских тюрьмах является прямым следствием их положения в обществе. И вот в 1824 году в Нью-Йорке был создан первый в мире так называемый реформаторий для осужденных детей с целью ограждения их от совместного содержания с взрослыми преступниками. Желая и дальше облегчить участь этих несчастных детей, в штате Иллинойс был принят закон о различных наказаниях детей и взрослых. И, наконец, в 1869 году в Бостоне (штат Массачусетс) впервые стали рассматривать дела несовершеннолетних на особых судебных заседаниях.

С тех пор во всем цивилизованном мире многое изменилось в лучшую сторону. Большинство стран отправляют правосудие в отношении несовершеннолетних в соответствии с Минимальными стандартами ООН (Пекинские Правила ООН 1984 года). Эти страны (в их число входит

и Россия) согласны с тем, что преступившие законы несовершеннолетние нуждаются в особом понимании их поведения, в особых условиях следствия, в особых судебных условиях и в особых условиях наказания и изоляции от общества. Эти страны согласны с тем, что в основе юридического воздействия должно быть понимание всех причин и обстоятельств совершения преступления несовершеннолетними. Судей должна интересовать история жизни этих детей, состояние психологического и физического здоровья, влияние семьи и школы, роль взрослых людей в воспитании ребенка, а значит, экспертные мнения врачей, психологов, педагогов, детских полицейских, социальных работников. Должны быть рассмотрены причины преступления и возможность оставления этих детей на свободе. Весь смысл правосудия в отношении несовершеннолетних должен заключаться в их перевоспитании, реабилитации — и в возвращении в общество.

Россия прошла непростой путь к гуманизации правосудия в отношении несовершеннолетних. Несмотря на то, что уже в 1910 году в Санкт-Петербурге был организован первый в стране суд для несовершеннолетних, вплоть до 1918 года по закону от 2 июня 1897 года «О малолетних и несовершеннолетних преступниках» старшие подростки могли находиться на каторге и поселении.

С 1918 по 1920 год в тюрьмы попадали лишь те подростки, которых специально созданная для таких экспертиз медико-педагогическая комиссия считала «неисправимыми». Перевоспитательные колонии существовали как альтернатива настоящим тюрьмам (вспомним колонии знаменитых педагогов А.С. Макаренко и В.Н. Сороки-Росинского).

Однако с 1920-х годов начали вновь «закручиваться гайки». Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» снизило возраст наступления уголовной ответственности до 12 лет, а в ряде случаев разрешало применять к подросткам исключительную меру наказания — расстрел. Самым ужасным было то, что это постановление на 24 года (вплоть до 1959 года) подменило собой уголовный кодекс.

В настоящее время в России за все преступления, совершенные детьми в возрасте до 11 лет, отвечают родители. Для преступников 11–14 лет предусмотрена только административная ответственность, где самое страшное — это специальная школа для трудновоспитуемых. С 14 до 16 лет, как правило, применяется условная судимость, для всех случаев, кроме убийства, а до 18 лет даже за самые страшные преступления полагается не более 10 лет осуждения.

Сегодня наша страна вновь задумалась об ужесточении наказания для юных правонарушителей. Вновь избранная Государственная Дума озадачилась вопросом о снижении возраста уголовной ответственности за особо тяжкие преступления до 12 лет, ссылаясь на опыт, например, Ирландии, где эта ответственность наступает уже с 9 лет.

Попробуем спокойно, без эмоций, разобраться в этом вопросе. Конечно, 12-летний ребенок на скамье подсудимых — это ужасно, реальный срок для него — это негуманно. Однако мы знаем множество примеров детской жестокости, результатом которой становятся настоящие убийства, увечья, насилие. Это происходит на улице, в школе, в сиротских учреждениях. Так что же делать? Дать таким жестоким и крайне опасным для общества детям и подросткам свободно существовать среди нас? Беспрепятственно создавать им условия для следующего насилия в отношении других детей, да и взрослых?

И здесь напрашивается ответ — на свободе такие преступники оставаться не могут. Тогда получается, что инициатива наших законодателей своевременна, напрямую отвечает интересам соблюдения прав людей и, соответственно, правозащитники первыми должны ее поддержать. Все вроде бы так, да не очень.

Вопросы остаются. На самом ли деле речь идет только о самых опасных преступлениях детей и подростков — покушениях на убийство или убийствах? Имеются ли в виду только те убийства, которые были сознательно совершены психически здоровыми несовершеннолетними? Не идет ли здесь речь об убийствах по неосторожности, в частности, при превышении предела самообороны? Не те ли это

убийства, которые совершены детьми и подростками, доведенными до крайнего отчаяния жестокостью близких или ровесников? Не будут ли заодно к особо тяжким детским преступлениям причислены воровство, вандализм, манипуляции с наркотиками, даже звонки о якобы заложенной бомбе? Не включены ли в эту категорию «политические» преступления, например, участие в антифашистском движении? Из истории мы помним, что на том же Беломорканале отбывали наказание и 12-летние контрреволюционеры.

Кроме того, очень хотелось бы знать, как будет учитываться мнение специалистов по детям и подросткам: врачей-психиатров, психологов, педагогов, социальных работников при вынесении вердикта. И, наконец, зачем нужны тюрьмы-колонии для малолеток (вотчина Министерства юстиции), если есть для этих целей те же самые специальные школы и ПТУ для трудновоспитуемых детей и подростков (подчинение Министерства образования)?

В свою очередь, нужно развеять беспокойство в отношении этих самых специальных учреждений. Ведь до 1998 года в них направляли детей по решению районных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Направляли всех: и юных убийц, и мелких воришек, и прогульщиков школы. И только потом это стало делаться по решению суда.

Автор этой статьи в 1997 году в спецшколе для трудновоспитуемых, где он некоторое время работал как психотерапевт, встретил своего бывшего клиента, мальчика со сложной судьбой. Родители его были алкоголиками, они избивали сына. Он стал бродяжничать, прогуливать школу, так как там его дразнили и били дети (он страдал энурезом). Так вот, этого больного, несчастного мальчика определили в специальное заведение для трудновоспитуемых. Там он продолжал подворовывать, его били. Он ходил с вечно мокрыми штанами, его били и за это. Мальчик был близок к тому, чтобы покончить счеты с жизнью. Я сделал все возможное, чтобы вытащить несчастного ребенка из убивающей его «системы исправления».

Что же реально нужно делать? Только истинно и постоянно представляющие опасность для жизни других людей психически здоровые дети младшего подросткового возраста нуждаются в специальной изоляции с мощной реабилитацией в особых закрытых учреждениях третьего типа (не психиатрическая лечебница, но и не тюрьма для малолеток).

Для решения этого вопроса, да всех других вопросов, связанных с правосудием в отношении несовершеннолетних, необходимо создание единой реальной, настоящей системы психолого-медико-юридической помощи и воздействия на детей специально подобранных и подготовленных специалистов. Одновременно должен быть обеспечен общественный контроль за функционированием этой системы: от обвинения до принятия решения об изоляции несовершеннолетних.

Это в идеале. А пока давайте по-человечески относиться к нашим детям. Не давать их в обиду и не закрывать глаза на проблемы с их поведением.

2012

СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ПРАВА ПОДРОСТКОВ-МИГРАНТОВ

Комментарий психолога по поводу «гуманистических» стандартов временного ограничения свободы подростков

В последнее время российская пресса и интернет много пишут о преступлениях, совершенных сотрудниками полиции. Особенно возмутительны случаи насилия полицейских в отношении детей, которые иногда заканчиваются трагедией: недавно в Петербурге после избиения в участке скончался 15-летний подросток, задержанный якобы за кражу.

Существует великое множество жизненных ситуаций, когда в нашей стране подростки законодательно подлежат временному ограничению свободы. Это может быть «мяг-

кое» задержание – для идентификации личности подростка (например, если его задержали в позднее время суток); и более жесткое – при подозрении в совершении уголовного преступления. В то же время существуют международные требования по гуманизму для такого временного ограничения свободы подростков.

В России существует разноуровневая система разлучения детей со свободой: социозащитные учреждения (приюты); приемники временного содержания несовершеннолетних; специальные школы для трудновоспитуемых детей и подростков (с 11 лет) и специальные ПТУ; воспитательно-трудовые колонии для малолетних преступников (ВТК).

Соответственно, «гуманистическое обеспечение» в этих заведениях официально различается: от «максимального» в приютах до минимального в ВТК. Там малолетним преступникам особого комфорта не создают: решетки, жесткая дисциплина, хождение строем, карцеры, охрана. По идее, с другими подростками, не преступниками, все должно быть наоборот. То есть, если их задерживают по какому-либо поводу представители власти, то им, соответственно, обеспечивают условия с максимальным комфортом и требуемым гуманизмом.

Задерживают, например, подростков за позднее нахождение на улице или за нарушение паспортного режима. Во-первых, для выяснения всех обстоятельств они должны быть помещены в специальные детские учреждения. У нас в Санкт-Петербурге это приюты, находящиеся в ведомстве Комитета по социальной политике. Во-вторых, условия в этих учреждениях должны быть достаточно комфортными, обстановка почти «домашняя».

На деле все происходит не так. Задерживают подростков и помещают в учреждения МВД – в отделения полиции или в центры временной изоляции несовершеннолетних. Однако условия в этих учреждениях никак не детские: на окнах решетки, есть помещения для одиночного содержания, сотрудники в полицейской форме, отношение к которой у большинства членов нашего общества опасно отрицательное. И весь этот стандарт утвержден государством.

Дидор Назармамадов, 17-летний гражданин Таджикистана, 3 ноября 2012 года был задержан сотрудниками полиции Красносельского района на основании просроченной регистрации и без решения суда определен в Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей ГУ МВД России по СПб и ЛО, где он провел восемь суток, из них трое – в одиночной камере (по причине карантина). Условия содержания в Центре, по сообщению заявителя и адвоката, не соответствовали стандартам условий содержания даже для совершеннолетних.

По словам Д. Назармамадова, из мебели в камере были только три кровати (стола, стульев и тумбочек не было). Окно в камере было закрыто решетками и заколочено – открыть его было невозможно, да и не разрешалось. Постельное белье, матрасы и одеяла были в плохом состоянии, старые. Свет горел до 21.00, выключить его самостоятельно Дидор не мог, т.к. выключатель находился снаружи и выключить свет могли только охранники. Питьевой воды в камере не было. Умывальник только с холодной водой находился в другом помещении, как и туалет: попасть в туалет можно было только вызвав охранника. В течение трех дней нахождения в камере доступа к ванной или душу не было. Один раз в день Дидора осматривал врач. Вызвать врача самостоятельно Дидор не мог. Родственников к Дидору не пускали, говоря, что свидания не предусмотрены. На прогулки за все время пребывания его вывели только один раз всего на 15 минут. Пища была очень плохого качества, и ее было крайне мало. Например, обед состоял только из куска черного хлеба, кружки чая и молочной каши. Мясо, рыбу и фрукты не давали.

Д. Назармамадов трое суток находился в полной информационной изоляции, поскольку книг, газет, журналов не выдавали, радио и телевизора в камере не было. Телевизор был только в общей группе, куда он был переведен после трехдневного карантина.

С точки зрения психологии кризисных состояний, психологии изучения стрессовых событий и их влияния на личность и здоровье подрастающего человека, – это все, несомненно, повреждающие, психотравматические факторы. Даже самым отчаянным подросткам, смельчакам и сорвиголовам, становится страшно, когда они попадают в подобные заведения. Они боятся, что их будут бить, что будут «шить дело», что подбросят наркотики.

Детям же с неокрепшей нервной системой становится страшно вдвойне и втройне. Ощущение бесправия и унижения от этого бесправия, полная беспомощность, невозмож-

ность контролировать ситуацию, нахождение во власти полицейских, временное уподобление заключенным – это мощные психотравматические факторы. Наука говорит о том, что даже один час нахождения в подобных стрессовых обстоятельствах может обернуться для несовершеннолетнего тяжелыми последствиями: развитием связанных со стрессом психических нарушений, ухудшением физического здоровья (например, обострением астмы). Поэтому допустимые российским законодательством три часа задержания несовершеннолетних в отделениях полиции уже могут быть очень вредными для них. Нахождение в Центре временной изоляции для несовершеннолетних в Санкт-Петербурге по решению районных судов до 30 суток – это сверхстрессовая ситуация.

В частности, официально все поступающие в подобные заведения в первые сутки должны находиться в медицинском изоляторе – в одиночке, с закрытой дверью. Естественно, в туалет надо проситься, стучать в дверь. Любые другие нужды – «телеграфировать» тем же способом. Находятся подростки в медицинском изоляторе до тех пор, пока не поступят результаты анализов, в частности, на гепатит. При отрицательном результате подростки сразу же выводятся в общую группу, при положительном – госпитализируются в инфекционную больницу.

Нахождение человека в одиночном пространстве (без ТВ, компьютера, средств связи) в науке называется нахождением в условиях депривации (лишения индивида человеческих контактов или их слабое присутствие). Депривация – один из главных факторов пагубного влияния внешней среды на благополучие человека. В ряде случаев у людей, находящихся в условиях депривации, возникали острые психозы.

Вот почему так драматично задержание за нарушение паспортного режима и последующая изоляцией подростков из Таджикистана и иных стран. По международным правилам, детей в этих ситуациях можно лишь ограничить в свободе для выяснения обстоятельств в условиях детского учреждения, специально предусмотренного для подоб-

ных случаев, в котором нет особого режима, пропускника, решеток, изолятора-одиночки, людей в форме и прочих властных (тоталитарных) раздражителей для детей. Но практика, увы, иная. Ведь такие же дети до 16 лет отправляются в специальный государственный приют «Транзит», а дети с 16 лет – в изолятор. Логика абсолютно, с точки зрения психиатра, непонятная.

Очень хочется надеяться, что здравомыслие в масштабах города скоро возобладает. Тем более что на кону стоит личностное психическое и физическое здоровье подрастающего поколения. Все вышесказанное касается и обязательств России по гуманизации содержания подростков.

2013

МАССОВОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ НА НАРКОТИКИ: БЛАГО ИЛИ ЗЛО?

Государственные и законодательные инициативы в области обеспечения дальнейшего благополучия и процветания российского населения стремительно набирают скорость. Среди них особое внимание уделяется защите детства. защите от враждебно-агрессивной информации, от растления и вовлечения в непотребные дела, от разнообразия одежды при посещении школы и т.п. Эти инициативы, как принято, проходят серьезный этап апробации общественным мнением. Это и СМИ, и социальные сети, и теледебаты, и телешоу. Это и обнародование данных всяких зависимых, независимых и сверхзависимых социологических исследований. И везде проговаривается главная идея подобных инициатив: наши дети в этом страшном и непростом современном мире требуют все больших степеней защиты от внешних воздействий и от самих себя.

Казалось бы, что идея благородная, что тут и спорить не с чем. Нашим детям, помня об истории России, государство и общество задолжали ох сколько... Тем не ме-

нее, та же история должна постоянно напоминать, что, когда речь заходит о том, как сделать жизнь людей на Руси лучше, бывает и так, что хотели как лучше, а получилось как всегда. Давайте и мы, уважаемые читатели, попытаемся разобраться с почти уже реализованной инициативой – массовым тестированием школьников на наркотики.

Доводы «за» такое тестирование. Кто же из здравомыслящих и благополучных родителей не хочет, чтобы их дети не пробовали наркотиков? Все не хотят. Кто из нас желает, чтобы наши дети пусть даже эпизодически употребляли наркотики? Никто не желает. Кто из нас жаждет ужасов формирования наркомании у своих чад? Неужели есть такие? Кто из нас не знает, что первое знакомство детей с наркотиками происходит исключительно в детских или подростковых сообществах, например, в школе? Все знают. И все знают, что один наркоман за год способен сделать наркоманами 13 здоровых людей.

Возможно, не все знают крылатую фразу самих наркоманов: «медовый месяц» наркомана длится 3-4 инъекции, а затем наступают тяжелые наркоманские будни.

И, наконец, последнее. Главный принцип медицинской профилактики: лучше болячку предотвратить, чем потом лечить. И это все на фоне того, что особыми успехами наша государственная детско-подростковая наркологическая помощь похвастаться не может. Да и негосударственная, по большому счету, тоже. В последнем случае еще и серьезные деньги возьмут без особых гарантий на успех.

Вроде бы, все логично. Школы и другие образовательные учреждения – идеальные условия для выявления несовершеннолетних, связанных с теми или иными наркотиками тем или иным образом. Берем, выявляем, и потом...

Вот к этой простой, казалось бы, формуле решения наркотических проблем несовершеннолетних возникает сразу же много непростых вопросов.

Вопрос первый: как берем? Добровольно или недобровольно? Например, закон РФ о психиатрии (наркология – часть психиатрической науки) от 1992 года предписывает добро-

вольность обращения за психиатрической помощью. До 15 лет с согласия родителей несовершеннолетних, с 15 лет – с их личного согласия. Лично мне непонятно, тестирование планируется на добровольной или не добровольной основе, а вопрос этот, как вы сами понимаете, принципиальный.

Вопрос второй, собственно по технологии. Как конкретно это тестирование будет происходить, в школе или в медицинском учреждении? Поведут всем классом или персонально?

И вопрос третий: выявили или не выявили наличие в крови каких-либо наркотических веществ или доказательства наркомании? Естественно, возникает вопрос о надежности применяемых тестовых методик. Насколько они способны ошибаться в ту или иную сторону? Печально, если настоящий молодой наркоман будет по тестам признан здоровым, и наоборот, если благополучный ребенок будет оценен как потребитель наркотиков. Это трагедия.

Выявили, подтвердили, установили, оценили. А дальше что? Что будет потом с наркопозитивными школьниками и студентами? Кто, где, как и какую помощь им будет оказывать? Те же самые детско-подростковые наркологические службы, которые малоэффективны и не могут справиться и с существующим количеством наркозависимых несовершеннолетних? Других государственных учреждений, предназначенных для этих целей, пока не создано.

А что будет с теми подростками, которые откажутся от лечения, будучи идентифицированными наркоманами? Возвратимся к принудительному лечению по суду, как это было в СССР, когда взрослых алкоголиков и наркоманов помещали в полутюремное, полумедицинское учреждение ЛТП (лечебно-трудовой профилакторий)?

Короче, вопросов, возникающих в отношении дальнейшей судьбы выявленных наркозависимых подростков много. Особое беспокойство вызывают возможные последствия для «выявленных» учащихся.

Опасение первое. Официальный учет в наркологическом диспансере обязательно будет накладывать ограничения для подростков при поступлении в вузы, на работу,

при получении водительских прав и т.д. Кто же добровольно из «выявленных» несовершеннолетних отдастся врачам-наркологам?

Опасение второе. Утечка информации. Формально все сведения об идентифицированных наркозависимых учащихся охраняются законом о врачебной тайне, где возможность их разглашения вне юридических целей определяется тем же законом. Однако где гарантии, что в реальности в ходе такой массовой и долгоиграющей кампании по выявлению малолетних наркоманов не будет этой самой утечки? Представим себе ситуацию, что после очередного обследования подростков на наркотики педагогам, соученикам и их родителям стало известно, что Иванов, Петров и Сидоров наркоманы, еще до консультации врача-нарколога, даже в случае, если это первая проба и возможна ошибка. Мы же знаем, как панически в нашем обществе относятся к ВИЧ-инфицированным. И мы можем представить себе, что отношение к наркозависимым молодым людям будет еще хуже. Но, с другой стороны, как продолжать спокойно жить и учиться бок обок с реальными наркоманами? Должны ли они оставаться рядом с незатронутыми этой проблемой одноклассниками? Вопрос очень непростой.

Таким образом, идея общенационального и всеобъемлющего тестирования детей на наркотики трижды неопределенная. Неопределенность в том, как все это будет организовано. Неопределенность и в том, как будут помогать ребятам с различными наркотическими проблемами, будь то единственная встреча с наркотиком, эпизоды употребления или сформировавшаяся зависимость. Неопределенность и в отношении последствий для добровольно согласившихся на тестирование в случае их наркоидентификации. Какие для них уготовлены в настоящем и будущем поражения в социальных и юридических правах?

Вот теперь можно сформулировать доводы против наркотестирования. Любая кампанейщина в таких тонких делах, как психология и здоровье подрастающего поколения, недопустима.

Неопределенности в организации тестирования могут привести к серьезным ошибкам в оценке его результатов. Возможности недобровольного тестирования вообще не обсуждаются. Реально система профилактики в России, начиная с наркологической помощи, и количественно и качественно к возможному наплыву выявленных несовершеннолетних наркопотребителей пока не готова. Нет абсолютных гарантий строгого сохранения врачебной тайны для выявленных несовершеннолетних наркопотребителей и отсутствия негативных последствий этого для их социальной и правовой жизни.

И все же что делать? Вообще отказаться от своевременной диагностики наркозависимости у наших детей?

Конечно, своевременная диагностика наркотизации необходима. Эпидемия наркомании правит бал во всем мире, правит бал она и в России. Это страшное зло, и ему надо научиться противостоять. Надо защитить наших детей от этого зла. Но как? Универсального рецепта этой борьбы пока не существует. Тем не менее, в каждом конкретном случае эта проблема должна решаться по-разному. Мне кажется, что необходимо совершенствовать то, что уже сейчас есть в наших российских законах по защите детей от наркотиков. А именно:

- совершенствовать навыки родителей и учителей по своевременному выявлению признаков, предположительно свидетельствующих об употреблении наркотических средств;
- совершенствовать навыки взрослых в убеждении подростков смелее обращаться за помощью к психиатрам и наркологам;
- совершенствовать навыки учителей сохранять в тайне ставшие известными сведения об интимной жизни и здоровье своих учеников;
- при обращении в государственные наркологические службы гарантировать отсутствие социально-правовых последствий для наркозависимых несовершеннолетних;
- создать целую систему последовательной помощи нар-

козависимым подросткам: подростковый наркологический кабинет, подростковый наркологический дневной стационар, подростковая наркологическая клиника, подростковый наркологический реабилитационный центр.

Общая продолжительность реабилитации для наркозависимых подростков может и должна достигать до года и более. При этом ребята должны продолжать учебу и социально, культурно и духовно преображаться. У них должна быть уверенность, что, когда они вернуться в обычную жизнь, все их проблемы будут решены, и общество ждет их не как изгоев, а как активных своих членов.

Я изложил свою точку зрения. Вам и вашим детям решать, как участвовать в программах антинаркотического тестирования. И если у вас уже есть какие-то сомнения в отношении темы «дети и наркотики», но вы не решаетесь обратиться к наркологу – смело консультируйтесь с вашим психологом.

2013

ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

Будучи профессиональным врачом и психологом и занимаясь также молодежными проблемами, я могу утверждать, что понятие «бомж» в подростковой среде за последние 3-4 года совершенно изменило свой смысл: теперь оно обозначает нищего, человека с низким доходом, с низкими материальными возможностями.

Бомж – тот, кто слаб экономически, у кого слабые родители и т. п. Для шести-, семи-, восьми-, девятиклассника это сверстник, который не может одеваться так, как другие, обеспеченные дети, не может позволить себе такой же отдых и «оттягивание» (подростковый сленг), как другие, который не имеет карманных денег. Стали появляться научные статьи, посвященные тому, какой психологической

травмой может быть для ребенка переживание экономического неравенства и каковы в этом случае перспективы развития его личности (одна из таких статей была опубликована на Первом конгрессе детских психиатров, который проходил в середине октября 2001 года в Москве).

В работе кризисной службы системы детской психиатрии (эта служба является профилактическим подразделением и призвана работать с совершенно здоровыми детьми, оказывающимися в сложных жизненных ситуациях) были случаи, когда переживание экономического неравенства и статус «бомжа» приводили 13-14-летних подростков к тяжелой депрессии, к сомнениям в том, имеет ли смысл существовать дальше. Для того чтобы наше общество могло цивилизованно относиться к взрослым бездомным людям, надо, наверное, начинать с того, чтобы помогать детям цивилизованно относиться друг к другу.

Для эффективной профилактики бездомности, беспризорности и помощи детям, оказавшимся на улице, самое главное – понять, что бездомность очень неоднородное явление, что есть разные категории бездомных. Основная категория беспризорных детей (юридически это возрастная категория от 0 до 18 лет) – это дети, которые имеют печальную, трагическую историю. Давно порвав отношения с неудачными, как правило, семьями и государственными учреждениями, которые пытались заменить им семьи (детскими домами, различными приютами), они образуют свою субкультуру, причем, как бы кощунственно это ни звучало, они любят свою субкультуру и на деле не хотят с ней расставаться.

Что я имею в виду? Психология типичного подростка 13-14 лет, который имеет опыт «бомжевания» в Петербурге, скажем, с 7-8 лет, искажена в результате несправедливостей и травм, выпавших ему в раннем возрасте, таким образом, что настроен он исключительно потребительски, ему важно «побольше урвать». Даже когда он попадает в приют в хорошие условия и ему встречаются сердечные люди, действительно стремящиеся заменить родителей, искреннее пытающиеся помочь, знающие все его проблемы, – его хватает на 2-3 недели. Что его не устраивает? Его не устраивает

дисциплина, то, что обязывает ребенка быть ребенком. В 11 лет ребенок должен жить под крышей, придерживаться элементарного режима, он должен быть окружен заботой близких людей. А он не может понять, почему ему не позволено курить и предписано до 9 часов вечера являться домой. Простой ответ: вероятность того, что тебя изнасилуют, убьют куда меньше, если ты будешь под опекой взрослых, – его не устраивает, как и необходимость включаться в самый элементарный труд, как и необходимость учиться (как правило, такой ребенок имеет за плечами максимум три класса и школа вызывает мощное отторжение).

В некоторых латиноамериканских странах существует многоэтапная система работы с безнадзорными детьми. Вначале уличного ребенка встречает специалист. Далее, заручившись согласием ребенка, его приглашают в реабилитационный центр, который принадлежит государству на паях с частными организациями. Ребенок видит, что другие дети там уже какое-то время находятся, обедают и еще что-нибудь делают. После нескольких таких посещений, если ребенок начинает понемножку осваиваться, ему предлагают здесь на какое-то время оставаться; затем дают возможность постепенно включиться в трудовой процесс, он начинает зарабатывать свои собственные деньги; затем ему предлагают подумать, не желает ли он получить какое-то образование. В общей сложности это занимает от 2 недель до 6 месяцев. И такая модель принята в довольно бедных, отсталых странах!

В Петербурге условия для помощи беспризорным детям никак не худшие. Однако многочисленные программы помощи лишь подкармливают уличных детей, поддерживая в них потребительский настрой. Кстати, большинство этих ребят не являются жителями Петербурга: они приезжают из области и других регионов.

Есть другая категория беспризорных: дети из благополучных в социальном плане семей. В таких семьях очень много конфликтов, много сложностей в отношениях между детьми и родителями. Дети часто уходят из дома в результате этих конфликтов, из боязни наказания за школьные не-

успехи; некоторые уходят настолько часто, что понемножку уже пристрастились к такой жизни. Каждый раз, уходя из дома, они находят для себя оправдание, хотя зачастую их уже ничто не гонит: семья взялась за ум, отец больше не кричит на ребенка, мать больше его не отчитывает, тем паче нет речи о каких-либо физических наказаниях. Дело в том, что срабатывает некий стереотип. Убегание из дома входит в привычку, становится своеобразным наркотиком.

И третья группа, последняя, – это дети, которые впервые оказались на улице: в первый раз произошел серьезный конфликт, в первый раз возникла в их жизни некая драма.

Я и мои коллеги работаем преимущественно с первой группой и в какой-то степени со второй. Нам понятно, что совершенно неправомерно объединять все три категории детей. Однако, когда речь заходит об оказании помощи этим детям, они почему-то в любом случае смешиваются в одну кучу.

Несмотря на многочисленные правильные постановления, на Закон о профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, новый Кодекс о браке и семье, у нас уповают или на медицину, то есть на психиатрическую клинику, или на юридические санкции по отношению к беспризорным.

Но юридические санкции отменены, поскольку они были неправомерны. А вот различные негосударственные и государственные учреждения, призванные грамотно помогать детям, ввели (и их, конечно, тоже можно понять) отбор, своего рода квоты: ребенка могут не взять по той причине, что он не подходит по возрасту или, так сказать, по профилю.

Скажем, приемник-распределитель Управления внутренних дел совершенно справедливо берет только тех детей, которые не идентифицированы, про которых неизвестно, где они живут и кто их родители. Или, например, Городской центр помощи детям, подвергшимся насилию, старается не брать детей, которые хотя и пострадали от родителей и других взрослых, но способны, в свою очередь, быть опасными в социальном плане: бить других детей, издеваться над ними.

В итоге помочь оказавшимся на улице детям, если они не попадают в ведение медицины или их отказывается брать к себе специализированное учреждение, почти невозможно. Ребенок оказывается «нигде». Поинтересуйтесь, как можно в субботу или в воскресенье оказать помощь ребенку, который по каким-то причинам оказался на улице. Дежурный специалист вам скажет: «Директор интерната будет завтра, в понедельник, пожалуйста, связывайтесь с ним».

В других странах существует некая третья сила: специальные закрытые педагогические центры для детей младшего возраста, уходящих из дома, – вне зависимости от того, связано ли это с их тяжелым детством и есть ли у них психологические проблемы. Это институты ортопедагогики – «выпрямляющей» педагогики, где созданы блестящие условия. С такими детьми работа проводится в течение года-полтора – столько, сколько нужно. Все проблемы решаются комплексно, параллельно штатная команда социальных педагогов работает с семьей и с учреждениями, где ребенок после проведения реабилитации будет находиться. В Америке есть специальные резиденции, где в случае кризисных состояний, сложных конфликтов ребенок может находиться несколько дней. До создания таких закрытых институтов ортопедагогики нужна система детской психиатрии со своей кризисной службой. Цинично позволять ребенку в 9-10 лет уходить, цинично не переживать по этому поводу, а лишь констатировать: «Да, это проблемный ребенок».

Однажды я сдал одного девятилетнего ребенка в двенадцать часов ночи дежурному на станции метро «Пионерская». На это ушло 40 минут. Ему было холодно, он хотел есть. Долго созванивались, кто будет его брать: транспортная милиция или какое-то отделение милиции, которое находится недалеко от «Пионерской». На следующий день я встречаю его – и он, счастливый, мне рассказывает, что ровно через минуту после моего ухода ему дали большого пинка и выгнали, пригрозив, чтобы не появлялся. Конечно, это единичный случай. Сейчас, как мне

кажется, меняется отношение наших милиционеров к детям; по мере возможности вызывается инспектор детской комнаты милиции, которая теперь называется отделом по профилактике правонарушений. Конечно, такие дети теперь содержатся в более или менее чистом помещении, где не очень пахнет куревом, мочой и т. п. Тем не менее, такого сервиса, как, скажем, в гамбургской государственной кризисной службе, нет. Ситуация: двенадцать ночи, папу задержала полиция; он звонит дежурному специалисту кризисной службы: «Я такой-то, нахожусь в таком-то отделении полиции. Я один воспитываю своего ребенка. Пожалуйста, подъезжайте по такому-то адресу, заберите моего ребенка, продержите сутки, через сутки меня обещают выпустить». Приезжают, заранее связавшись с ребенком. Ребенок уже предупрежден папой и знает, что у того возникла некая проблема и что сейчас придут не бандиты, не грабители. Ребенка забирают и через сутки выпускают, к нему приезжает папа.

Думаю, у нас такая «третья сила» пока финансово невыгодна. Надежды на систему приютов и соответствующих центров, с моей точки зрения, тоже не оправдались. К несчастью, каждый человек без определенного места жительства – потенциальный носитель туберкулеза в открытой форме и других проблем. Его жалко, но в то же время вполне естественно, что другому человеку находиться с ним тоже тяжело. Необходимы какие-то компромиссные формы.

2001

ИНТЕГРАЦИЯ В ОБЩЕСТВО ЛЮДЕЙ С ПСИХИЧЕСКИМИ НАРУШЕНИЯМИ

Разговор об интеграции – это прежде всего разговор о проблеме инакости людей с различными особенностями развития, по большому счету – вообще с личны-

ми особенностями. Понятие инвалидности не только не отражает суть этого явления, но во многом является тормозящим и даже разрушительным фактором, потому что инвалид – это человек, который так или иначе заклеен обществом как человек «иной», как человек с определенными недостатками.

Есть разные подходы к понятию интеграции. С одной стороны, интеграция – это то, что думающая здоровая часть нашего общества хочет сделать для слабых – для людей со сложными проблемами, например инвалидов. Это их, здоровых, активное участие, активная поддержка, они протягивают руку: «Я хочу помогать». Другой аспект интеграции – это желание самих людей, возможности которых ограничены особенностями их развития, ощущать себя свободными членами общества, иметь некоторую самостоятельность, независимость, не чувствовать, что на них лежит роковая печать.

Под людьми с психическими нарушениями я буду подразумевать как психически больных, «душевнобольных» – людей с тяжелейшими расстройствами, классическими психотическими состояниями, скажем эпилепсией, нейро-сифилисом, детей с различными формами умственного недоразвития, так и тех, кто страдает теми или иными нервно-психическими расстройствами. К тому же существует целый диапазон различных состояний, начиная от особенностей развития личности до реакций, которые в какие-то моменты своей жизни испытывает каждый из нас и которые могут сделать нас своего рода «выпадающими существами». Скажем, я не совсем полноценное существо, потому что я заикаюсь. Уже поэтому меня можно «обвести кружочком» и иметь в виду. Могут ощущать себя не совсем полноценными с точки зрения психического развития и те астматики, чья болезнь связана в основном с нервными расстройствами. Люди, у которых, скажем, обострение язвенной болезни происходит на фоне всевозможных стрессов, тоже пусть не испытывают никакой надежды на то, чтобы считаться психически благополучными. В нашей стране, как и во всем мире, появляется все больше и больше детей, которые при высоком интеллекте, при общей развитости страдают дисграфи-

ей – врожденной неспособностью к грамотному письму. Еще лет десять назад, сообразно тем рекомендациям, которые выдавала наука, – и не только у нас, а во всем мире – детские психиатры говорили: «Увы, проблема тяжелая, и максимум, что мы можем предложить такому ребенку, – это школа для детей с речевыми расстройствами».

По статистике, в Санкт-Петербурге около 80 тысяч человек, и детей и взрослых, имеют различные нервно-психические нарушения, расстройства и реакции. Из них около 20 тысяч детей находятся под систематическим наблюдением врача и получают помощь. Таким образом, проблема интеграции вполне актуальна и для нашего города, и для общества в целом.

Интеграция в общество людей с психической патологией напрямую связана с той степенью терпимости к проявлениям инакости, которой обладает само общество, – с тем, насколько мы вообще способны выносить людей, иных по своей «фактуре», будь то душевнобольные или, скажем, панки. (Помню, в детстве я играл с девочкой с синдромом Дауна, не понимая, что она больна, но чувствуя, что к ней окружающие относятся как-то по-особенному; позже я узнал, что жилось ей очень плохо: ее дразнили, травили, открыто называли «дебилкой» и дурочкой. А недавно моя дочь стала опекать тяжело больную девочку, после трахеотомии потерявшую способность говорить, к тому же внешне очень непривлекательную. Так вот, эту девочку тоже очень многие дети дразнят, над ней издеваются – только потому, что это что-то особенное, иное.) Вообще в нашем обществе для взрослого человека наличие психического заболевания равнозначно потере своего социального статуса, выпадению из жизненной колеи.

Диапазон мифов в отношении душевнобольных в нашей стране широк: от страха «психического заражения» до отождествления этих людей с маньяками и агрессорами. Понимание и отклик, в силу исторической традиции, находят лишь выдающиеся люди искусства и науки, страдающие душевными расстройствами. У нас принято копать в личной жизни людей, стоящих выше нас, сочувствовать им.

Семья, в которой кто-то из ее членов психически болен, переживает, как правило, отчуждение и самоизолируется. Иметь в семье душевнобольного ребенка – это страшно, стыдно и позорно. Не страшно, например, иметь сифилис, гонорею, почетно иметь туберкулез, но быть психически больным нельзя.

В нашей стране для людей с психической патологией практически отсутствует возможность продолжать квалифицированную работу. Здесь вина работодателей, а не злыдней- психиатров. Низкоквалифицированный труд в лечебно-трудовых мастерских и мизерная пенсия по инвалидности – вот максимально возможная социальная поддержка психически проблемных членов нашего общества. Отсутствует квотирование рабочих мест; широко распространенное в западных странах. В Дании, например, 25% налогов тратится на социальные нужды. Там создана целая система адаптации людей с различными интеллектуальными нарушениями. Существуют специальные центры, где основную работу ведут не психологи и не врачи, а педагоги – специалисты по адаптации. Когда, по их мнению, человек готов выйти в жизнь (обычно к 18-19 годам), его устраивают на работу. Корпорациям, благодаря государственной финансовой поддержке, выгодно получить подобного работника, так что они за него даже борются. Выделяется соответствующее количество рабочих мест, закрепляются наставники; если что-нибудь не получается, в любой момент приглашаются специалисты-посредники, а если совсем ничего не получается – такой человек может вернуться в центр, получить психологическую поддержку, соответствующие профессиональные навыки и снова пойти на работу.

У нас это в принципе невозможно. В советские времена квотировались места для юного слесаря, для юного плотника в каком-нибудь коллективе спившихся рабочих, что было вовсе не хорошо. Сейчас, когда подростки, даже по рекомендации психиатра, обращаются на предприятия, им и этого не предлагают.

В то же время большинство работодателей настойчиво пытаются получить информацию о том, состоят ли вновь принимаемые на работу сотрудники на психиатрическом учете, хотя юридически это правомерно лишь в случае тех профессий, где комплексная оценка здоровья просто необходима (пилот самолета, водитель автобуса и т. д.).

По-прежнему печальные чувства вызывает знакомство с перечнем ограничений по специальностям при поступлении в средние и высшие государственные учебные заведения России. Сейчас интеграция психически проблемных наших сограждан в здоровый социум, в частности в Санкт-Петербурге, происходит опосредованным образом – за счет того, что специализированная помощь оказывается им на более высоком уровне. Причем все это на фоне крайне усеченного, нищенского бюджета: в Петербурге есть программы по оказанию помощи, в том числе людям с психическими проблемами, но финансируется только зарплата и еще несколько жизненно важных статей расхода, да и то на 70%. Конкретных же программ, направленных непосредственно на интеграцию этой категории жителей нашего города, нет, равно как нет и специалистов по социализации таких людей. Сейчас социальные педагоги еще более или менее работают с детьми и с так называемым «гериатрическим контингентом», то есть с пожилыми людьми. Социальных работников по обслуживанию людей с теми или иными необычайными состояниями просто нет. И не будет.

Большинство специалистов, работа которых непосредственно связана с охраной психического здоровья населения России, считают, что общество еще не готово («не созрело») для полноценной интеграции людей, имеющих психические расстройства.

Проблемы интеграции становятся очевидными уже с детского возраста. Не так давно на сессии Российской Академии Наук как раз ставился вопрос об интеграции. Ученые мужи говорили о ее необходимости, но, когда их спрашивали, готовы ли они на базе своих школ интегрировать определенные группы проблемных детей, они ответили, что пока еще не готовы. Сейчас есть одна-единственная интеграци-

онная школа – «Ковчег», возникшая без всяких постановлений сверху. Выпускается множество сборников по этой теме, есть различные педоцентрированные (то есть во главу угла ставящие ребенка) проекты педагогики; некоторые кафедры переименовываются в кафедры «философии и психологии детства», утверждается «гуманистическая парадигма в образовании», устраиваются большие конференции, а вот и ныне там.

Становится все больше детей с легкими формами психических нарушений, которые в дошкольных учреждениях, школах и досуговых центрах являются существами второго сорта.

Прежде всего, это касается детей с проблемами поведения и с минимальными мозговыми нарушениями (последствиями сотрясений мозга в результате уличных травм, спортивных занятий: вялостью, утомляемостью... Эти легкие нарушения пройдут при соответствующем грамотном подходе). У педагогов к таким трудно адаптирующимся к школе детям появляется негативное отношение, влекущее за собой требование к администрации учебного заведения исключить («убрать») неудобного ребенка из школы, перевести его в специальную («для умственно отсталых» или «для хулиганов», трудновоспитуемых) школу или, наконец, перевести его на надомное обучение, – и все это по отношению к детям совершенно здоровым, которые по Конституции имеют все права обучаться в обычной школе. Как правило, в подобных ситуациях убедить учителей в том, что необходимо внимательно, с пониманием относиться к особым детям, невозможно. Главное управление города по народному образованию также практически устранилась от подбора для таких учеников школ, где им были бы гарантированы чуткое отношение и психологическая безопасность. Делают это чиновники от образования с большим трудом, крайне неохотно, давая понять, что каждая школа есть некая самостоятельная вотчина, где главенствует медико-педагогический или психолого-педагогический совет, и что вообще они очень не хотели бы вмешиваться. Есть и такая отговорка: школы все похожи, вы меняете шило на мыло.

Во многих классах при попустительстве взрослых здоровые и благополучные ровесники преследуют проблемных детей и подростков, систематически над ними издеваясь. Ситуацию явно осложняет дискриминационно-сепарационная система подразделения классов в школе по «силе», «хорошести», «уму», создание классов компенсации и коррекции. Все – учителя, дети, родители – знают, что в классах «Д» и «Г» каждой параллели собраны самые слабые и проблемные ученики (которые о себе коротко и ясно говорят: «Да, мы класс отстоя»).

Мне довелось узнать, как работает социальный педагог в одном маленьком американском городке с группой детского сада, в которую должна была прийти девочка Джейн, получившая тяжелые ожоги лица и рук. Эта женщина провела с детьми 5-6 игровых занятий: с помощью большой куклы она объясняла детям, что произошло с Джейн, как ей было тяжело, какие ей делали процедуры; рассказала, что сейчас Джейн будет такая-то, с такими-то повязками, а потом – с такими-то рубцами. Затем, когда Джейн уже начала ходить в группу, педагог в качестве куратора какое-то время находилась там и наблюдала, как дети помогают Джейн и какая вообще нужна помощь.

Работа по интеграции помогает не только тем, кого волевают в жизнь нормального сообщества людей, – она увеличивает потенциал человечности у тех, кто это делает, и обладает мощным воспитательным воздействием. Приведу один пример.

Я консультировал детей с тяжелыми ожогами в профильном Северо-Западном региональном центре. Эти дети испытывают постоянную боль, кроме того, после ожогов лицо и тело остается обезображенным, и все это нужно помочь им пережить – помочь психологически. В этом Центре и родилась одна из идей нашего сообщества волонтеров, которая, параллельно нашей кризисной службе, воплотилась в организации «Восхождение», куда вошли родители наших детей и подростков, специалисты и сами подростки. Узнав, что делаются попытки создавать волонтерские команды при нашей службе, два

американских психолога попросили детишек – их было сначала 8 человек, совершенно здоровые дети, которым было просто очень неуютно в школе, – создать большую психотерапевтическую группу, и внедряли в нее постепенно детей с различными послеожоговыми поражениями лица. С детьми работали психолог и переводчица. На первом этапе дети просто проводили время у постели ожоговых больных: дурью маялись (это тоже нормально), играли с ними в шахматы-шашки, играли на гитаре. Они осваивались со спецификой жизни ожогового больного, видели, что такое ребенок, который получает перед перевязкой закись азота. Через три недели таких перевязок боль как таковая уходит, наркоз больше не дается, но остается страх боли – тогда и наступает переломный, самый ответственный момент. Через полгода эта программа была прервана по не зависящим от нас причинам, но наши дети были уже почти подготовлены к тому, чтобы проводить интеграцию.

2000

ИНТЕРВЬЮ

Это интервью И.С. Бердышев дал в 2013 году, поделившись воспоминаниями и мыслями о детской преступности в 1980-е - 1990-е годы.

О НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ РАЙОНАХ, ГОПНИКАХ И СТРУКТУРЕ ДЕТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Мой опыт складывается из впечатлений от работы в 80-х в «спальном» Красногвардейском районе, где я в течение многих лет был членом комиссии по делам несовершеннолетних. В комиссию входили ведущие специалисты района и я - детский психиатр. Позже, в конце 80-х, я стал работать на Охте – в район входили Оккервиль, Ржевка-Пороховые и дальний участок, фактически смыкавшийся с Буграми.

Работа с трудными детьми в те годы была минимально формализована. Мне приходилось много контактировать с инспекторами по делам несовершеннолетних и с милицией, в частности, - с майором Кондрашиной, чьи подростки составляли массовку знаменитого фильма Динары Асановой «Пацаны».

Преобладала обычная структура преступлений – воровство. В первую очередь - у знакомых. Тогда доверительность в плане контактов благополучных и неблагополучных семей была совсем не такой, как сейчас. Часто в квартирах, под соусом «подружить», появлялись неблагополучные подростки - а потом исчезали деньги и ценности. Как мелкоотъем – отбирали на улицах мелочь, примитивные ценности.

Когда появились универсамы, начались кражи в них, совсем не обязательно от голодухи, чаще просто «на слабо». Был еще период массового попрошайничества в районе Ладожского рынка. Конечно, я встречался по роду службы и с убийствами, бывали чрезвычайные случаи – мальчик двойное убийство совершил однажды.

Постоянно тревожной ситуацией была грузовая железная дорога. Мальчишки катались, шныряли по вагонам, что-то подворовывали. Корыстно насильственных преступлений было мало, и милиция закрывала глаза на пограничные конфликты.

Ребята Невского района мутузили стенка на стенку ребят из Красногвардейского - случались классические, как показывают в фильмах, деревенские побоища, с сильными избиениями. Но как мне представляется, их подростковый кодекс благоразумия предполагал границы – минус нож, минус арматура, минус тяжелейшие травмы. За все годы моего пребывания в комиссии по делам несовершеннолетних не было информации о трагических последствиях. Последние годы успевала даже превентивно приехать милиция, их разгоняли.

К девяностым все это сошло на нет – естественная эволюция: другой подросток, другой менталитет. Если в самом начале пика беспризорности дети могли пачками спать где угодно и быть немытыми и нечесаными гаврошами, то потом уходившие из дому дети – а это обычный вариант девиации – предполагали, что у них должна быть квартира, что-то поесть и даже место, где умыться. В конце 80-х и начале 90-х «малиной» мог быть каждый подвал. Потом подвальная романтика ушла - и не потому, что губернатор Яковлев обязал жилконторы закрыть все подвалы, а потому что сменились ценности.

Говоря о бандах – были трепетные групповые традиции, гоп-лидер и собиравшиеся вокруг него подчиненные. Были конкретные места обитания, которые можно было показать, – вот этот двор, или эта точка на месте нынешнего Ладожского вокзала, или место за деревней Яблоневка. К 90-му году ничего этого не стало – таких ребят становилось все меньше и меньше, преступность стала носить более скрытый, «цивилизованный» характер. Мы многое не знаем о преступности тех лет, потому что она скрывалась.

Привилегированные районы отличались заметно – не только в центре, но и в престижных районах Академической были общие закономерности: мало многодетных семей, если коммуналки - то с красной табличкой «Квартира высокой культуры быта». В школах следили за селекцией, хотя в этом не сознавались. В то время система образования получила право на почти бесконтрольную дифференциацию, на тестирования, когда перед поступлением в первый класс

ребенок должен был доказывать, что он не умственно отсталый. То есть в образовании был уровень путяг, уровень нормальной и уровень отстойной школы.

У меня был лечебно-театральный коллектив, и каждый спектакль нужно было пару-тройку раз где-то показать. Нас пригласили однажды выступить в один зал, в клубе. Как выглядел подростковый клуб в Обухове в те годы? На подходе стоит полуобдолбанная, полупьяная, цинично плюющаяся молодежь. Заходишь на второй этаж – там сидит лоб лет семнадцати-восемнадцати в кругу управляющей этим хозяйством женщины и ее молодой помощницы. Там же перекуривают. По соседству – теннис, в который играют люди заметно старше восемнадцати лет, и тут же восьмилетние, ожидающие, когда им дадут ракетку, слушают мат и дышат перегаром взрослых партнеров. Дальше несколько кабинетов, где с малышами занимаются вышивкой и пластилином, еще чуть дальше слышно бам-бам-бам – это тетя занимается пианино; немножко хозрасчет. Все это существует само по себе – генеральная идея: лучше пусть ребенок находится здесь в блевоте, чем идет куда-то совершать преступления. И главное – чтобы проверяющий видел, что клуб есть.

Мы подходим с детишками – возле клуба стоит несколько сотен подвыпивших подростков. И только когда их запустили в зал, я понял, что им поставили условие: хотите дискотеку – посмотрите самодеятельность. У нас был один мальчик, Миша, избыточно застенчивый, он играл гестаповца, допрашивающего честного крестьянина. В середине спектакля вдруг вскакивает какой-то пьянящий подросток в зале, пытается идти к сцене: «Да ты, сука, на себя посмотри, ты что на него наезжаешь»? Он проснулся, видимо, не понял что к чему, и пошел разбираться. Миша наш покраснел, побледнел – пришлось мне вмешиваться, объяснять, что это – искусство, что ситуация под контролем.

Дискотеки вообще были очень мрачной историей. Начались они часов в шесть-семь и заканчивались к девяти. В умных школах это делали красиво – брали хорошую аппа-

ратуру, приглашали невульгарных диджеев, детям раздавали номера – если больше пятнадцати номеров исчезали, дискотека закрывалась. Фейс-контроль, шмон, все как положено. Чередование современной и классической музыки. Убеждали учителей, чтобы они тоже приходили «зажигать». Там же, где важно было, чтобы это лишь бы прошло, все превращалось в попойку, в побоище, в коллективную блевантину. Обязательно надо было подыматься в туалет, посмотреть сколько человек там спят или пугают унитаза. Всегда была опасность в пришлых людях, в возможности мордобоя. Когда много пьяных, мордобой мог быть фатален.

Много было и токсикомании. Она появилась еще в 20-е годы прошлого столетия – тогда нюхали ацетон. Потом хроника закрывается, потом в 70-х появились польские пятновыводители «Сопол» и «Домол». Капаешь на платочек иловишь кайф. Затем – целое разнообразие пятновыводителей и еще бензин. Бедность так коррелировала с ингалянтами, что покупать клей могли себе позволить только состоятельные токсикоманы. Сигареты были роскошью – подбирали бычки или просили: «Дай тяжку». Ацетон был проще, и совсем просто было ночами сливать бензин из стоявших тогда в большом количестве на улицах мотоциклов. Тяжелых наркотиков почти не было. Иногда ко мне в психушку подзалетали среднеазиатские детишки, которые объясняли мне: «Какая ж это гадость? Это – насвай. Аксакалы жуют, а ты говоришь – гадость».

Когда появился клей «Момент», мой покойный учитель пытался убедить разные уровни власти, чтобы детям в стране его не продавали. Он совершенно справедливо предрекал эпидемию. В конце 80-х уже почти каждый второй подросток, попадавший к нам, имел тяжелейшие токсикоманические проблемы. На вокзалах или в переходе на проспекте Ветеранов можно было видеть, как дети садятся и дышат. Мои попытки брать их за руку и тащить в отделение, как и просьбы вызвать скорую, не имели успеха – их сразу отпускали.

С тех пор многое изменилось, но структура преступлений осталась той же, хотя она и одевается в другие одежды. Тогда преобладали беспризорные, теперь – дети,

пытающиеся вести двойную жизнь так, чтобы родители и не догадывались. Тогда были гопники, ватнички и кирзачи. Они просуществовали три-пять лет, может даже поменьше, в 80-е и в начале 90-х. Их не было в центре – это изобретение гигантских спальных районов, одна из разновидностей уличных субкультур. Их своеобразными преемниками явились потом так называемые «пацаны». Но тогдашние периферийные дети стремились в центр – а теперешние ничуть, «Зачем париться?». Вообще теперь становится ясно, что те дети были последними романтиками.

2013

СОДЕРЖАНИЕ

ШКОЛЬНЫЙ КРИЗИС И ПРАВА РЕБЕНКА

Психотерапевтические рекомендации учителям и родителям
в отношении «проблемных» учеников

Предисловие	8
Глава 1. Коротко о главном: право на школьный кризис	10
Глава 2. Что считать школьным кризисом: мнения заинтересованных сторон	12
Глава 3. Причины и источники школьного кризиса	16
Глава 4. Этапы развития и характер кризисов	19
Глава 5. «Чтобы чаша сия меня миновала»: образ маленького тирана.	25
Глава 6. Вместе помогаем кризисным детям: распределение обязанностей .	33
Глава 7. Имеет ли школьный кризис перспективы успешного разрешения? ..	53
Послесловие	57

СОВЕТЫ ПСИХОЛОГА

Зачем нужен детский садик?	61
Легко ли закончить школу?	65
Так мне завидовать другим или нет, дорогие родители?!	70
Подростки: границы свободы и независимости.	75
Что нужнее всего детям?	81
Наши дети и наркотики	85
О зависимостях и зависимом поведении	89
Как не стать жертвой манипуляторов	91
Как мы можем продлить счастье нашим дедушкам и бабушкам	93
Семья и детское счастье.	96
Об однополой любви.	98
Как доказать, что ребенку с мамой будет лучше!	102
Социальная работа с жертвами насилия	106
Жертва насилия нуждается в помощи	108
Педофилия: мифы и реальность.	112
Психология СПИДа, или Чего мы боимся, услышав это страшное слово ..	115
Мифы и правда о психиатрии	119

Спекулятивная генетика на службе расизма и национализма	125
Лженаучные объяснения примитивных предрассудков	130

РАЗНЫЕ ДЕТИ

О пользе интеграционного обучения в наше время.	137
Дети от смешанных браков в современной России.	139
Невеселые заметки об интеграции.	144
Заметки психолога об истоках национализма у детей.	148
Опыт жизни цыганской девочки в летнем лагере	150
Психологические проблемы детей-мигрантов	153
Досуговые центры для детей-мигрантов в Петербурге	159
Два кванта милосердия для узбекских подростков	162
Путешествие чеченских детей по Санкт-Петербургу	164
Летние лагеря для цыганских детей	167
Тульская область	167
Ленинградская область	169
Обучение цыганских детей в Литве и России.	172
Образование детей языковых меньшинств в России и в Латвии.	175
Латышский против русского	180
Заметки о межнациональной Америке	183

ДЕТСКИЙ ГУМАНИЗМ И ПОЛЕЗНЫЕ ФИЛЬМЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Практические рекомендации для взрослых

Детский гуманизм, ценностный выбор ребенка и полезное кино	189
Итак, какое полезное кино нужно вашим детям?	190
Как взрослым подбирать нужное кино детям?	194
Возраст юных зрителей.	196
Особенности восприятия юных зрителей	197
Тематика просмотра	198
Смотрим и обсуждаем фильмы вместе с нашими детьми.	202
Напутствие взрослым, которым безразлично, какой кинематограф предпочитают их дети	207
Новый фильм Дмитрия Астрахана о юных мстителях и «робин гудах» нашего времени.	215

ДЕТСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ТЕАТР ДЛЯ ДЕЗАДАПТИРОВАННЫХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: ОТ ИДЕИ ДО ПРАКТИКИ

Искусство и современная социореабилитация	223
Прикладное значение театра	223
Социореабилитация через театр в России	224
Выбор театрального жанра	227
Что такое детский социальный театр?	228
Опыт создания детского социального театра в условиях городской кризисной психотерапевтической службы для детей и подростков	230
Концептуальные основы детского социального театра в кризисной службе ..	231
Дополнительные концепции детского социального театра	233
Предполагаемые механизмы позитивного влияния детского социального театра	233
Роли специалистов в социальном театре	234
Определение детского социального театра в кризисной службе	234
Детский социальный театр: наука и практика	237
Заключение	238
Литература	239
 ПРАВА ДЕТЕЙ	 241
Истребима ли жестокость. Размышления психолога	243
Несостоявшееся сексуальное просвещение в российских школах	247
Проблема прав детей-заключенных	251
Комментарий психолога к планам России снизить возраст уголовной ответственности	251
Система административного лишения свободы и права подростков-мигрантов	256
Комментарий психолога по поводу «гуманистических» стандартов временного ограничения свободы подростков	256
Массовое тестирование школьников на наркотики: благо или зло?	260
Детская беспризорность в Петербурге	265
Интеграция в общество людей с психическими нарушениями	270
 ИНТЕРВЬЮ	
О неблагополучных районах, гопниках и структуре детской преступности ...	281